

Наталия Кочелаева Зона индиго

Лиля – скромная швея, жизнь которой посвящена заботе о больном сыне. Все меняется, когда в семью возвращается разбогатевший брат. Лиля становится известным модельером, в нее влюбляется московский бизнесмен. Именно он случайно уничтожил кулон в форме пирамидки. Проснувшись утром, Лиля почувствовала, что проспала не пару часов, а несколько лет. У нее украли собственную жизнь. И сына. Что-то древнее и страшное пытается опустошить их сущность...

Гюнт

Мой старый друг позвал меня... У нас...

Бегриффенфельдт

Как? Этот сфинкс?

Пер Гюнт
(кивая)

Я знал его немного.

Бегриффенфельдт

О, наконец! А то такая ночь!
Я вас прошу, придите на подмогу.
О господин мой, окажите честь,
Скажите, кто он!

Пер Гюнт

Объясню вам кратко.
Он просто сам. Таков, каков он есть.

Сольвейг
(тихо поет)

Усни, мой милый, а я не сплю.
Я буду стеречь тебя, мальчик мой.
Ведь мать и дитя – неразлучны они,
И счастьем наполнены долгие дни.
Ты жил у груди моей в сладком сне
Все долгие дни... Ты как свет в окне!
У сердца матери ты лежал
Все долгие дни... Ты от снов устал.
Усни, мой милый, а я не сплю.
Я буду стеречь тебя, мальчик мой.

Генрик Ибсен. Пер Гюнт

Часть первая

Глава 1

Разное бывает в жизни, даже и совсем невероятное.

Вот, к примеру, девушка по имени Нина. Нинуля, Нина-маленькая, Нинка-блондинка. Она приехала в губернский город из маленького степного поселка, чтобы поступить в консерваторию. Потом она собиралась встретить на жизненном пути знаменитого, щедрого и холостого продюсера, который сделал бы из нее дивную диву, новую Мэрилин Монро, только с хорошим финалом. Но дело не дошло даже до консерватории, Нинуле удалось поступить только в культмассовый институт, «кулек», так его называли в городе. И вот Нина сдает сессии, поет джаз хорошеньким мяукающим голоском, покупает в секонд-хенде шикарное золотое чешуйчатое платье, только слегка потертое под мышками, а продюсера все нет! Стипендия, плюс присылают из дома кое-что, да жалкие гонорары за выступления... Так уже приелась быстрорастворимая китайская лапша из пакетов, так обрыдла съемная однокомнатная квартирешка на окраине, так холодно бывает трястись по утрам в трамвае, а продюсера опять же нет – знаменитого, щедрого, холостого! Но она все еще Нинка-блондинка, Нина-маленькая, белокурый ангелочек с серыми глазами, с прелестно вздернутым носиком, вокруг нее и помимо продюсеров вьются поклонники, ведь маленький джаз-банд приглашают петь в рестораны, на свадьбы, да мало ли куда? Слепнут и дуреют мужики, когда объявляют «маленькую Нину», это ее сценическое имя, и вот она выходит, сверкая поддельным золотом платья, неподдельной платиной волос! А что толку? Жениться-то никто не торопится, не то что продюсера, а и просто приличного человека тут не встретишь, пожалуй. Да и эти, что есть, не торопятся осыпать Ниночку благодеяниями. Ей никто не подарит бриллиантов, никто не накинёт на узкие плечики ни соболя, ни норки, ни

даже паршивой нутрии, не принято тут дарить таких подарков, меха достаются только законным женам, и то – после внутрисемейной войны, попреков, уколов и упоминаний о глобальном потеплении! А как быть? Да никак. Бери, что дают, носи, пока молода, яркие короткие курточки и помни, что глобальное потепление не скоро, а вот лето не за горами!

И вот начинается лето, и сразу после сессии Нинулю приглашает на дачу однокурсница. Погостить. А то что ж сидеть в пыльном городе? У подружки-однокурсницы есть состоятельные по меркам провинции папа и мама, и квартира в центре города, и дача, и она покровительствует Нинульке. У самой подружки уже лежит в кармане путевочка к теплому морю, на Туретчину, надо только потерпеть две недельки. Так почему б не скоротать это время на природе?

Но в назначенный для отъезда день Нина звонит подруге – зовут ее, скажем, Лена – и со слезами в голосе говорит, что сегодня вот никак не может уехать! Пригласили спеть на открытой площадке в городском парке, ни денег, ни удовольствия, но для руководителя это выступление очень важно, а без Нинули все развалится!

– Это не страшно, – успокаивает подружку Лена. – Меня отец привезет днем, я как раз успею нам комнаты приготовить, баню истопить, еды приготовить. А ты, как выступление закончится... Во сколько оно заканчивается?

– Примерно в восемь...

– Вот и хорошо. Беги на Кутякова и садись в автобус, двести тридцать девятый. Они отходят каждые полчаса, ты как раз успеешь на предпоследний в восемь тридцать или на последний, в девять. Доезжаешь до развилки, там я тебя встречаю. Это конечная остановка, ты мимо нее не проедешь. Если что случится, просто звони.

Нина соглашается. Пожалуй, так даже лучше, шикарнее. Она приедет на дачу, на все готовенькое, как настоящая гостя. Специально для новой дачной жизни у нее приготовлено потрясающее платье. Модель она увидела в свежем глянцевом журнале, на развороте. Кто-то из горних богов высокой моды сочинил это трепетное шелковое чудо – рукава-фонарики, широкий шарф вместо пояса, пышная юбка с какими-то эффектными подборами... Абсолютно прекрасное, оно было и абсолютно недоступно, глупо было желать его, как глупо желать луну с неба или продюсера в мужья! Захватив журнал, Нина пошла посидеть к соседке Лиле, и их традиционный вечерний чай был украшен маленьким глянцевым горем, как чайной ложкой коньяка. Лиля покрутила фотографию и так и эдак, полезла, вздыхая и посапывая, в шкаф и достала отрез легкой ткани, нежно-сиреневого шелка.

– Еще бабуля покупала, во время застоя. Тканей был дефицит, хватали что надо и что не надо. Пусть, мол, лежит, авось пригодится. Долежался отрезик. Я все хотела в дело пустить, да мало его тут, и цвет мне не личит... Будет, Нинулька, тебе платье!

– А ты сможешь сшить?

– Я должна сшить, – сказала Лиля, и прозвучала в ее голосе скромная гордость знатока своего дела.

И сшила – за ночь всего. Не так уж мудрено оказалось сочинить выкройку, самое точное лекало было у портнишечки Лили в голове. Только над хитрыми подборами на юбке пришлось-таки подумать. Полночи тарахтела машинка, Лиля ругалась сквозь зубы, укрощая непослушный свистящий шелк, а Нина сидела с ногами на диванчике, и за окнами лил дождь. А на рассвете Нинуля получила свою желанную обновку, и уж как скакала, как благодарила небалованная девчонка свою подругу! Лиля и от денег-то отказалась, хотя была вовсе не богата и растила одна сына, а мальчик был болен...

– Ткань мне не стоила ничего, что там мать за него отдала двадцать лет назад? Копейки. За работу не возьму, не хочу. Посидишь когда с Егором, и спасибо.

– Лилечка, тебе спасибо! Большое-пребольшое!

Нина угрызениями совести не мучилась, это было не в ее натуре. Купила фруктов Егорке, дорогие шампунь и бальзам для волос – Лиле, а себе шляпку к платью. Испанская соломка, узенькие поля... Из остатков ткани, что пошла на платье, смастерила ей Лиля украшение на шляпу, ленту и розу. Сиреневая марсианская роза... Роза шла шляпе, шляпа

шла Нинуле, шла платьем, шла будущей счастливой жизни, в которой будут поездки на дачу, смех, ветер в волосах, пикники, сиесты в гамаке, любящий муж, умные дети, воспитанная собака... Перевязанный розовой ленточкой подарочный набор из дорожущего косметического бутика, он называется «Социальный оптимизм» или «Светлое будущее», а ценника рядом нет, и глупо спрашивать у продавщицы, потому что у тебя все равно нет того, чем можно за него заплатить.

Выступление закончилось без пятнадцати восемь, Нина сбежала с эстрады, подворачивая каблук золоченых туфель, не слыша провожавших ее аплодисментов, не успев удивиться их щедрости... Она пела лучше, чем всегда, она пела, как никогда, в этот вечер. Голос маленькой Нины свободно гулял по всей октаве, и в нем словно звучала сама идея джаза, его тайная суть – печальная и прекрасная музыка рабов, она всегда тоскует о свободе и признается с грустной иронией, что не знает, как этой свободой распорядиться.

Но Нина-то знала! Неудобно скрючившись в тесном нутре «газели», в которой джаз-банд привезли на выступление, задыхаясь от спешки, она сорвала пропахшую потом и духами золотую хламиду и обрушила на себя прохладный водопад сиреневого шелка. Смыла лосьоном въедливый макияж, от которого лицо казалось чужим и старым, пригладила щеткой волосы, переобулась, выбежала в золотистый щебет парка. Вернулась за шляпкой. Выбежала. Вернулась за сумкой. В сиреневых сумерках все казалось неверным, зыбким, и почему-то сильно билось сердце.

Автобус уже отходил, медленно разворачивал большое сонное тело. Можно было бы подождать следующего, последнего, но ей показалось важным успеть именно на этот. Побежала, сорвала с головы шляпку, замахала ею. Водитель увидел, приоткрыл заднюю дверцу. Полупустой салон был прохладен, кресла казались очень удобными, и к Нинуле вернулось ощущение прочного, устойчивого счастья. Пристроив сумку в ногах, она достала любовный роман в мягкой обложке, улыбнулась приятному предвкушению. Затененное стекло польстило ей отражением – какая умненькая девочка, какой строгий профиль склонился над книжкой, но лукав косящий глазок, и шаловлив белокурый локон. Автобус набирал ход, и сладко было думать, что думать ни о чем не надо – даже о том, на какой остановке выходить. На конечной, на развилке, будет ждать Лена. Сауна, бассейн, легкий ужин. Девичьи хиханьки под бокал белого холодного вина.

Сладкий сон в прохладной спальне, в белоснежных простынях.

Прошло, должно быть, около часа – нет, больше, полтора. Нина оторвалась от книжки, где только что произошло счастливое воссоединение хрупкой графини с незабудковыми глазами и мужественного мускулистого егеря. Оказывается, в салоне автобуса остались только Нинуля и подросток с овчаркой. Крепенький, лобастый пацан возился со своей мобилой, то ли отправлял сообщения, то ли играл во что-то. Телефон попискивал, подросток время от времени на Нину косился. Глаза у него были красивые, каштановые, шкодливые. Овчарка, казалось, дремала, положив на лапы зарешеченную намордником морду. Наконец и эти двое собрались к выходу – автобус тормознул, раскрылись двери.

– Эй, девушка! Это конечная! Выходи, а то обратно повезу!

– Нет-нет, мне не надо, – испугалась Нинуля, подхватила сумку и побежала к выходу. Даже книжку уронила, вот как заторопилась!

– А то оставайся, – подмигнул водитель. Он был немолодой, черноусый, с изрытым оспой лицом.

Нина только носом дернула, выскочив на пыльную обочину. Что о себе думает? Автобус укатил, подняв тучу запашистой пыли, а прочихавшись и проморгавшись, Нинуля поняла, что почти совсем стемнело, что стоит она в чистом поле одна-одинешенька, рядом с ней из примет цивилизации только покосившийся столб с фонарем, что подросток с собакой весело удаляются в сторону огоньков. Там дома. Там люди. Оттуда, очевидно, должна явиться Ленка. Почему ее до сих пор нет?

Нина полезла в сумку за мобильником, и тут выяснилось пренеприятное обстоятельство. Сегодня второпях она забыла его зарядить. Вчера, кажется, тоже. Пациент в

коме, дорогие родственники. Реанимационные мероприятия успеха не принесли. Оставалось смиренно ждать, когда Елена соизволит забрать свою гостью.

– И почему я не спросила у нее, куда идти, – пробормотала Нина. – Хотя бы номер дачи. Хотя бы примету. Что-нибудь вроде: дом синий двухэтажный, во дворе сосна, на сосне дятел. Хотя нет, тогда я пошла бы искать и проблукала до утра, наверняка встретила бы бродячих собак или хулиганов и попала в историю. Мне сказали – ждать на развилке, я жду на развилке. Остановка «Развилка»... Позвольте, то есть как?

К покосившемуся столбу была прикручена жестяная табличка. Поистершиеся, еле заметные в темноте буквы тем не менее свидетельствовали, что прибыла Нинуля вовсе не на «Развилку».

– «Поселок Юбилейный»? Что за черт?

Двести тридцать девятый, сказала Лена. Она сказала это не просто так, не от любви к объективной истине! С улицы Кутякова уходило несколько автобусов, а Нинуля села в первый попавшийся. Она не спохватилась вовремя, так уверена была в своей правоте. Она заехала очень далеко. Только теперь вспомнила, как хвалилась Елена: «Наша дача близко от города! Полчаса на автобусе!» А она, Нина, ехала два часа, ежели не больше. И этот автобус, как значилось на той же табличке, был последним. Следующий – завтра, в шесть тридцать. Очень весело.

Нинуля собралась было поплакать, но передумала. Не такой она человек. В конце концов, вокруг что, зима? Волки воют? Нет. Она вполне может переночевать под открытым небом. У нее в сумке есть джинсы и куртка-ветровка на случай внезапного похолодания. А неподалеку, кажется, виднеется стожок свежескошенной травы. Досадное недоразумение можно превратить в чудесное приключение, но для начала постоим-ка тут еще немного. Может быть, проедет машина, может быть, пройдет еще какой-нибудь автобус?

Она как в воду глядела. Через пять минут, наполненных ночными шорохами, вскриками неведомых птиц в высокой траве, однообразными руладами цикад, Нинуля услышала звук мотора, а потом и увидела новехонький автомобиль «мерседес». Он плавно подъехал со стороны огней, и Нина подумала, что, очевидно, поселок Юбилейный – место, где живут не пенсионеры-юбиляры, а вполне состоятельные люди, которые могут позволить себе не только такую машину, но и дорогу, этой машины достойную... Поднять руку, попросить о помощи? Она готова была это сделать, но отчего-то колебалась, а когда решилась наконец, автомобиль поравнялся с нею и плавно затормозил. Стекло со стороны водителя поехало вниз.

– Девушка, вам, должно быть, помощь нужна? Вы потерялись?

Преодолев неожиданный прилив смущения, Нина пустилась в путаные объяснения. Сообразив, в чем дело, водитель заулыбался так ослепительно, что Нинуля невольно нащупала языком зуб в глубине рта, справа, из которого недавно выпала пломба.

– Кажется, мы можем помочь вашему горю. Нам как раз по пути. Только остановимся где-нибудь у магазина, а то нам мороженого хочется, сил нет! Садитесь!

Нина что-то проблеяла, пытаясь уяснить, кто такие «мы», но тут опустилось еще одно стекло, сзади, и из окна выглянули детские рожицы, числом две. Все ясно – папаша везет своих балованных отпрысков в круглосуточный супермаркет за лакомствами. Опасности нет. Пролетев все приличные случаю благодарности, Нинуля забралась на переднее сиденье рядом с водителем.

Кто не знает, что такое счастье, кто уверен, что его, этого счастья, вообще нет, а есть какие-то там покой и воля, пусть попробует прокатиться теплой летней ночью по ровной трассе в хорошем современном автомобиле. Так думала Нинуля, подставляя лицо душистому ветру, бьющему из окна. Впрочем, тут и воля, и покой, и даже немного грусти для остроты ощущений – вот бы это был ее автомобиль, ее мужчина и ее детишки на заднем сиденье! Детей, впрочем, она увидела мельком – очень похожие друг на друга, русые и круглолицые. Хорошенькая девочка лет восьми и надутый мальчик лет пяти, в одинаковых джинсовых шортах и ярко-оранжевых футболках. У девочки роскошная, небрежно заплетенная коса.

Мальчик сопит и ерзает – может, ему кое-куда нужно? Отец не реагирует, все внимание на дорогу, да и разве мужчины умеют обращаться с детьми? Интересно, где их мать? Смотрит сериал, лежа в роскошном кружевном пеньюаре у телевизора? Или уехала на дорогой спа-курорт в Ниццу? Или умерла, производя на свет этого бутуза, а она, Нина, как две капли воды, оказывается, похожа на нее? Потому напряженно молчат дети на заднем сиденье, потому со странной улыбкой посматривает на загадочную незнакомку их отец, потому у нее нежно замирает сердце... Ага, вот и здание супермаркета «Мега», вокруг много машин. Паркуемся.

– Мы приехали. Я куплю мороженого и вернусь, хорошо? Ксана, Денис, ведите себя хорошо. Присматривайте за ними, ладно? Вообще-то они воспитанные...

Да не воспитанные – выдрессированные! Они не запрыгали на сиденье, не закричали, что пойдут с папой, что им нужно еще колы, чипсов и киндер-сюрприз! Они даже не шелохнулись, только одинаково покивали головенками. Оставшись наедине с детьми, Нинуля ощутила необходимость с ними пообщаться. Все же ей поручили «присматривать». Но как? Из детей она была знакома только с Лилькиным Егоркой, только там особый случай...

– У тебя красивая коса, – доверительно сказала девочке, неловко вывернувшись назад.

– А у тебя красивая шляпа, – парировало прелестное создание. – Можно мне примерить?

– Конечно, – кивнула Нина, обрадовавшись удачному началу разговора. Сиреневая роза сослужила службу!

Прежде чем натянуть шляпку, Ксана сняла с кончика косы махровую резинку, тряхнула густыми волнистыми волосами... Вот кокетка, вот вертушка!

– Попроси маму, она купит тебе такую же, – сказала Нинуля, уже начав опасаться за судьбу своего испанского сокровища. Вдруг девочка вздумает оставить шляпку себе насовсем?

– У нас нету мамы, – тут же откликнулся Денис.

У Нинули чуточку похолодело внутри. Неужели ее глупые мечты, навеянные цветастым любовным романом, оказались реальностью?

– Где же ваша мама, Дениска?

– Умерла, – с достоинством ответил малыш. – А зачем ты спрашиваешь? Ксанка, зачем она спрашивает?

– Она хочет стать нашей мамой, – ответила девочка.

Откуда-то в руках у нее появилась блестящая пудреница с логотипом Ив Сен-Лорана, она смотрелась в зеркало и обмахивала пуховкой едва видный из-под полей шляпы носишко.

От недетской проницательности маленькой модницы Нина растерялась и смогла только улыбнуться – довольно глупо.

– Пусть своих дитев разведет, – спокойно посоветовал бутуз.

– Она не может. У нее не будет детей, потому что она прошлой зимой сделала аборт, а потом застудила придатки, – пояснила Ксана.

Она смотрела уже не в зеркало, а на Нинулю и ловко крутила в пальцах пудреницу. Позолоченный бок вещицы вспыхивал колючим огоньком, и от этого огонька почему-то нельзя было отвести глаз... Нина прикусила себе язык, но это не помогло, острая боль не вывела из бредового полусна, из внезапного ступора.

– Аборт? – очаровательно ломая язык, переспросил мальчик.

– А-борт. Так называется, когда женщина идет в больницу и делает операцию, чтобы убить внутри себя ребенка.

– Это плохо? – уточнил Денис.

– Очень. Это очень плохая тетя. Но она еще может стать хорошей.

Дети смотрели на Нинулю внимательно. У той остекленели глаза, покраснело и залоснилось лицо, из полуоткрытого рта текла розоватая струйка слюны. Она чувствовала это – но не могла двинуться, не могла поднять руки, не могла даже моргнуть. Грех. Грязь.

Скверна. Они облепили ее изнутри и снаружи омерзительной коростой. Она замерла в отвращении к самой себе, как муха в янтаре, и не двинется больше никогда, если ей не прикажет этого мягкий, чудесный голос, обличающий и дающий надежду.

– Я думаю, она может поехать с нами. Ей же хотелось этого, правда?

– Правда. Она поедет и станет хорошей-хорошей. Смотри, папа идет!

...И тут же все стало легко и просто, и откуда-то хлынул поток золотого света. Он бил прямо в голову, прямо в мозг, освещая все темные углы, заставляя корчиться затаившихся по углам чудовищ, и это было так больно и так сладко, что оставалось одно – повиноваться всемогущему свету, исполнять его волю честно, бесстрашно, прямо сейчас.

– Пап, ты фисташкового купил?

– Пап, а тетя хочет с нами ехать! Она сама сказала!

– Ксана! Я же тебя просил!

– Пап, мы ничего плохого не сделали, правда-правда!

– Отдай тете ее шляпку.

– Пожа-алуйста. – Надув губы, Ксана тянется к Нинуле, напяливает ей на голову шляпку – задом наперед и набекрень.

– Вы правда хотите составить нам компанию? – обращается мужчина к Нинуле, и та кивает, повинаясь золотому свету, его твердой и радостной воле.

– Очень хочу. Возьмите меня с собой. Я всегда мечтала...

– Пап, поехали уже! Мороженое растает!

– Как вас зовут?

– Нина, – шепчет девушка, глядя прямо перед собой, но вряд ли она много видит.

– Пап, дай ей тоже мороженого! Она теперь как будто наша мама!

– А мне надо в туалет, – попросился мальчик.

Глава 2

Сделаем пару шагов назад. Нинуля поет на летней эстраде, рыдает по-английски нежный голосок, а на другом конце города ее подруга и соседка Лиля собирается на встречу выпускников.

Она не хочет идти, совсем не хочет. Ее пугает перспектива встретиться с одноклассниками, к которым, в большинстве, она никогда не питала великой симпатии. Ей не импонирует мысль делиться с ними своими «достижениями», тем более что и особенных достижений у нее нет. Никаких нет. Она не окончила престижного вуза, не сделала карьеры, не купила загородного поместья. Лиля просто портниха, шьет вычурные наряды, стремится угодить клиенткам...

Она даже не вышла замуж – одна растит ребенка. И обстоятельства складываются так, что ребенок этот, сыночек Егорушка, одуванчик пушистый, львиное сердечко, вряд ли когда-нибудь даст повод для публичной гордости. Так зачем идти на встречу? Только расстраиваться?

Но Лиля все же собирается, моет голову и наносит макияж. Она очень блесая, «как бледная поганка», думает про себя Лиля. Хороша только ровная бежево-розовая кожа, остальное подкачало. Приходится подрисовывать карандашом светлые брови, красить незаметные золотистые ресницы, румянить впалые щеки и обводить карандашом узкие губы, увеличивать их. Черты лица у Лили правильные, но кажутся незавершенными, словно неведомому мастеру не хватило времени или решимости нанести последний, самый главный штрих. Макияж Лиле не идет, делает ее похожей на опереточную простушку-пастушку.

Она долго укладывает перед зеркалом непослушные волосы. Длинные, тонкие, слабые пряди. Они слишком жалки, чтобы носить их прямыми, потому Лиля завивает их щипцами, морщится и шипит. Пахнет жжеными волосами, утюгом, духами. Духи у Лили недорогие, отечественные, фабрики «Новая Заря». Называются «Тайна», но никакой тайны нет в бедноватом, откровенном аромате. Зато у самой Лили есть. Она собирается на встречу к

одноклассникам с тайным умыслом повидать Димку Попова, предмет обожания школьных лет. И более поздних лет также...

Димка был отличник – не чета троечнице Лиле! – умница, спортсмен. Шикарно ездил в школу на гоночном велосипеде и не обращал внимания на девчонок, а в выпускном классе стал встречаться со студенткой художественного училища, невероятно эффектной девушкой. Она приходила к нему на выпускной бал, и Лилия даже не ревновала, вот какая была красивая художница! А теперь Димка – владелец парочки компьютерных магазинов и, кстати, не женат. По крайней мере, был не женат два года назад, когда Лилия случайно столкнулась с ним в магазине.

Магазин был круглосуточный, очень дорогой, и Лилия никогда в жизни бы туда не пошла, но у нее кончился хлеб, а Егорка обязательно все ест с хлебом, без хлеба и не обед ему! Она забежала туда на минутку, а задержалась на полчаса, потому что там оказалось очень интересно и продавались всякие вещи, которых не увидишь в «Социализме» или там в «Копейке», где Лилия чаще всего и отоваривалась. Были, например, багровые клешни какого-то морского чудовища, длинные, сваленные в поленницу. Была безвкусно раскрашенная рыба-попугай. В мраморном бассейне плавали стерлядки, похожие на крокодилчиков, которых Лиле стало жалко. Красовалась на прилавке целая баранья нога, то ли копченая, то ли вяленая, с которой продавщица огромным ножом снимала тоненькую стружку. И еще была машина для выжимания сока. Очень занимательная штука! Сквозь прозрачную боковую стенку было видно, как крутятся на никелированных карусельках апельсины и – р-раз! – попадают между шестеренками, и струится в тонкую бутылочку рыжий сок. Возле машины Лилия остановилась, и тут же на нее налетел широкоплечий мужик. Вернее, налетела на нее тележка, которую мужик толкал впереди себя. Тут и произошла историческая встреча одноклассников, потому что тип с тележкой оказался именно Димкой Поповым! Он заматерел, раздался в плечах, сменил спортивный велосипед на спортивный автомобиль, но, как ни странно, узнал Лилию, очень участливо расспрашивал о жизни, а потом предложил выпить кофе.

– У меня ребенок дома один, – промямлила Лилия.

Ей страшно хотелось выпить кофе с Поповым, но что может натворить Егорка, побудь он в одиночестве чуть больше законных пятнадцати минут?

– Тогда, может, пригласишь меня к себе?

И она пригласила. Отважилась. Егорушка, конечно, уже стоял под дверью, ждал маму. Входя в квартиру, нарочно старалась не смотреть на Диму, чтобы не уловить момента, когда по его лицу скользнет гримаса жалости и отвращения. Но не удержалась и посмотрела. Он улыбался.

– Это твой сын? Крепкий парень. Как зовут? Давай пять, Егор!

Дима был серьезен и весел – так только он один умел, больше никто! Он сам сварил кофе, и они пили его из парадных чашек со вкусами из Диминого пакета, а Егорка пил сладкое молоко и вел себя очень хорошо, даже от печенья откусывал аккуратно, только все тарасился на гостя с большим интересом. А потом кофе кончился, и Попов ушел, оставив в прихожей неожиданно простецкий запах одеколона, а Лилия укладывала Егора спать и была почти счастлива.

Она думала тогда, что все еще может быть хорошо.

Но ничего хорошо не стало.

Димка появлялся еще несколько раз, приносил сладости к чаю, играл с Егоркой «в поезд» и «в лошадку». Они засиживались допоздна. Лилия накрывала стол в гостиной вышитой скатертью, доставала тонкие кофейные чашки, тяжелые бокалы для вина, зажигала лампу под уютным коричневым абажуром... Однажды Дима даже пригласил Лилию в театр. Приезжала на гастроли «Табакерка». Лилия пошла, но все время была как на иголках, потому что оставила Егора с Нинулей, а она очень легкомысленная, хотя и добрая девочка! Так что потом она даже не помнила, что за спектакль смотрели, не смогла поддержать разговора на эту тему. Должно быть, за презрение к высокому искусству Попов ее бросил, сразу и

бесповоротно. То есть сначала, конечно, довез до дому и даже поцеловал в машине... А потом уехал. Цветы, подаренные им Лиле в тот вечер, завяли, а он все не звонил. Так больше и не появился. Лиле было очень обидно, и она постаралась выбросить эту историю из головы. Не сразу получилось... Егорушка еще вспоминал Диму, приносил показывать вызывающе красную пожарную машину, которую Попов ему подарил, и смотрел вопросительно. Лиля плакала, но ни разу не соблазнилась позвонить Попову. Хватит с нее унижений.

И вот теперь появился повод, законный повод увидеть Диму. Обида уже зажила, как-то стухевалась – в конце концов, Попов тогда не давал Лиле никаких обещаний, в вечной любви не клялся и даже денег не занимал! Да и потом, – кто он, а кто она! Зачем она ему – не умница, не красавица, с больным ребенком на руках? Зато теперь, может быть, увидит Лилю в этом красивом платье и вздохнет тихонько. Не такое уж она сокровище, чтоб по ней вздыхать, Димка наверняка уже женился на красивой и богатой, но можно помечтать-то! И так жизнь беспросветная, а уж если и мечтать будет нельзя...

– Я должна сшить, – пробормотала Лиля, глядя на себя в зеркало.

Эта фразочка давно стала чем-то вроде излюбленной поговорки. Произнося ее, Лиля словно убеждала себя в том, что она сладит, что получится у нее скроить-сшить не только любое, самое сложное платье, но и собственную судьбу, слитую воедино с судьбой и жизнью сына...

С Егорушкой осталась соседка сверху, Софья Марковна. Тетя Соня. Она давно на пенсии, а раньше была участковым врачом, помнила еще Лилину бабушку и к внучке относилась неплохо. А в Егорке и вовсе души не чаяла, называла «ангелочком», водила гулять по тенистым аллеям заброшенного скверика и не уставала восторгаться его специфическими успехами. А Лиля ей за то помогала, чем могла, в мелких старушечьих надобностях и просила совета по любому поводу, а ведь пожилого человека медом не корми, а его мнением поинтересуйся!

– Я думаю, Лилечка, тебе нужно волосы уложить наверх. Это красиво откроет шею, – авторитетно заявила Софья Марковна, едва переступив порог, – и напуск такой на лоб сделай, я всегда так в молодости укладывала, от кавалеров отбою не было!

Лиля только вздохнула, искоса глянув на соседку. Ей-то хорошо говорить, у нее волосы густые, пышные, с возрастом совсем не поредели, только седые совсем.

– Ну, смотри сама, – отступилась тетя Соня. – А мы с Егоркой будем мультфильмы смотреть, правда, милый?

– Шрек! Про Шрека! – обрадовался Егор.

– Ну, хоть и про зеленого этого, хоть и не нравится он мне...

Дискуссия велась не в первый раз – Егор был без ума от уродливого, но обаятельного великана, даже игрушку ему такую пришлось купить, и он засыпал с ней в обнимку. По материнскому разумению, мультфильм был слишком сложен для его восприятия, но Егор смотрел, смеялся невпопад, а чаще был серьезен и даже, протянув ручонку к экрану, гладил изображение страшилища. О чем он думал в эти минуты? Неужели понимал, что Шрек, как и он сам, – существо иной породы, доброе, сильное, отважное существо, способное любить всем сердцем, но тем не менее внушающее большинству людей брезгливую жалость? И это в лучшем случае!

Она загрустила только на секунду, но Егор почувствовал это, сорвался с места, подбежал, обнял. Лиля поцеловала его в теплую курчавую макушку, вдохнула привычный, такой успокаивающий запах.

– Теть Сонь, я приду не позже восьми! Если Егорка запросит есть, можно дать ему банан. Или даже два. В холодильнике гречка с курицей, вернусь – ужинать будем.

– Ну-ну, не суетись. Можешь побыть подольше. Хоть до одиннадцати! И поужинаем без тебя, и спать ляжем. Беги, доченька, веселись, развлекайся, за нас не волнуйся.

«Смешная штука – жизнь. Соседка называет меня «доченькой», сидит с моим ребенком. Чужой человек относится ко мне лучше, чем родная мать. Или мне так кажется?

Просто мама живет далеко, не может часто приезжать, у нее есть своя жизнь, свои интересы...»

Грустные мысли, плохие мысли! Вот идет молодая женщина, в красивом платье, причесанная, подмазанная. Но что-то отражается у нее на лице – сиротство, печаль, неуверенность в себе и в завтрашнем дне. И прохожие видят это, не все, но те, кто хочет увидеть. К Лиле подходит девушка в джинсовом комбинезончике, белозубо, заученно улыбается:

– Добрый день! Хотите узнать побольше о Господе нашем Иисусе и найти новых друзей? Возьмите брошюру, почитайте. Здесь есть адрес, приходите, все будут рады вас видеть...

Иисус на глянцевой листовке вовсе не похож на того, с бабушкиной старинной иконы. Икона северного строгого письма, лик Спасителя потемнел, и рука его поднята в жесте, который кажется не благословляющим, но грозящим. А этот Господь сидит на зеленом лужке, среди белых марципановых овечек. И облака над ними плывут такие же белые, курчавые. Но Лиля слышана о сектах, она не покупается на сладкие сахарные кудряшки, на белозубые улыбки и медовые посулы! Она комкает брошюру, бросает ее в урну, сворачивает в магазин. Девушка в джинсовом комбинезоне смотрит ей вслед, нервно прищурившись, но вдруг вновь зажигает улыбку. Так хищные рыбы, живущие на дне океана, в вечном холоде и мраке, зажигают фонарики, выходя на охоту. Сектантка кидается навстречу пожилой, усталой женщине с испитым лицом:

– Добрый день! Хотите узнать побольше о Господе нашем Иисусе и найти новых друзей? Возьмите брошюру, почитайте. Здесь есть адрес, приходите, все будут рады вас видеть...

И та берет яркую листовку. Она принесет ее домой и будет читать, насадив на нос перебинтованные скотчем очки. Потому что, если ты – маленькая безобидная рыбка, если живешь на самом дне, в вечном холоде и мраке, рано или поздно даже гибель в пасти хищной рыбы покажется благом. Особенно если перед этим увидеть свет ее фонарика – слабый, лживый намек на солнечный свет...

В магазине Лиля покупает торт «Тирамису», очень большой и красивый. Еще бутылку испанского вина. Вечеринка будет проходить не в школе, однокашников приглашает к себе Наташка Злотникова. В школе она была в отряде знаменосцев. Лиля хорошо помнит, как перед общими собраниями в актовом зале торжественно выносили знамя дружины. Первым шел барабанщик. За ним – две девицы, одетые с пионерским шиком. Белые бантики, белая блузка, белые гольфы. Синяя пилотка, синяя жилетка, синяя юбка в бантовую складку, очень короткая, щедро показывающая гладкие девичьи ноги. Наташка тянула носок, старательно печатала шаг, выражение лица было до смешного торжественное. А за девицами шествовал уже и сам знаменосец, смазливый и наглый парень из параллельного класса, в которого Лиля была по-детски влюблена. Первая любовь, еще до Попова. Тяжелые бархатные складки знамени бросали на смуглое лицо мальчишки малиновый отсвет. У Лили сладко замирало сердце.

Как это давно было, но как хорошо запомнилось! И как ведь все изменилось с тех пор! Нет ни пионеров, ни комсомольцев, пылится где-то в ветоши знамя дружины и звонкий барабан, а смуглый знаменосец через год после окончания школы получил пять лет строгого режима за разбойное нападение да так и сгинул на огороженных колючей проволокой просторах не столь отдаленных мест. Председатель совета дружины, строгая и собранная Лариса Коновалова торгует на местном рынке турецкими дубленками. Наташка же Злотникова удачно вышла замуж, и вот теперь собирала в своих хоромах весь класс, хотела, верно, похвастаться богатым житьем. Впрочем, она, как женщина разумная и хозяйственная, всем однокашникам раздавала поручения – каждый обязывался принести бутылку вина и что-нибудь съестное к столу. Лиле вот выпало покупать торт. Вот и хорошо.

Наташка с мужем, бездетная и беспечная пара, жили в новом доме, в таком новом, что и лифт-то еще не запустили! А этаж десятый. Лиля до привычного пятого дошла быстро, а

потом запыхалась, остановилась, мысленно проклиная курение и обещая в тысячу первый раз бросить раз и навсегда! А на восьмом, где было темновато, где богатые жильцы не могли отчего-то застеклить разбитое при переезде окно да и закрыли его фанерой, Лилю окликнули.

Это был Димка. Самый несомненный Димка сидел на подоконнике и курил, стряхивал пепел в нарочитую баночку из-под испанских маслин. Лиля хоть и ждала этой встречи, но все же растерялась. Он, Димка, несмотря на жару, был в строгом черном костюме, в белоснежной рубашке и смотрел на Лилю со знакомой грустноватой улыбкой.

– Ой, привет... А ты что тут сидишь? Почему не идешь?

– Устал. И ты устала. Присядь отдохни.

Лиля примостила на подоконник «Тирамису» и примостилась сама. Достала сигареты, покосилась на Диму, но тот не шелохнулся, не дал ей прикурить. Пришлось самой. Что бы еще сказать-то? Но он сам заговорил:

– Давно не виделись.

– Да.

– Какой торт хороший. Так бы и съел.

– Ну и съедем.

– Да, а то как же...

Опять пауза. Разговор явно не клеился, нужно было идти.

– Пошли, что ли?

– Ты иди. Я покурю еще, посижу...

Какой-то он странный, бледный. Может, ему с сердцем плохо?

– Дим...

– Иди, Орлова, иди. Я попозже. Торт смотри не забудь.

Она даже обиделась слегка, но все же придержала шаг. Во-первых, чтобы двигаться изящнее, во-вторых, может, он все же захочет ее окликнуть... И он окликнул. Лиля уже миновала лестничный марш, да, как назло, споткнулась на последней ступеньке, чуть не полетела!

– Орлова!

– Что?

– Будь осторожнее.

– Ничего, тут уже светлее. У меня каблук такие...

– Все равно. Будь осторожна.

– Хорошо.

И потом уже, когда отшумели приветствия, отзвучали поцелуи, когда все однокашники наконец уселись за стол и наполнили рюмки из разнокалиберных сосудов и на тарелку Лиле шлепнулась ложка пестрого месива, которое в средней полосе России незаслуженно величают именем великого французского кулинара, она стала искать Димку глазами, но не нашла.

– Юль, а где Попов? Ты его видела? – спросила у соседки, у Юльки Плотниковой, которая – нет, ну надо же, в школе спортивной гимнастикой занималась, а теперь родила двойню и расплнела до невероятных широт, причем никаких неудобств не испытывает, с удовольствием поглощает копченую колбасу! – прищурилась на нее близоруко и удивленно.

– Орлова, ты чего? Не знаешь?

– Нет, а что? – Но холодочек под сердцем подсказал, что, может, не стоило спрашивать об этом сейчас.

– Он погиб, Лилька. Уже года два. Поехал куда-то в другой город по делам – он часто ездил, и там скоропостижно... Говорят, сердечный приступ. Его мать обзвонила, с кем он дружил, мы с Наташкой были на поминках... Да ты водички выпей, на тебе лица нет! Или вот лучше коньячку!

Огненный глоток катится по горлу. Главное, промолчать, главное, ничего не говорить. Одноклассники и так всегда считали ее чудачкой – сначала не могли к новенькой

привыкнуть, потом из-за крестика, который она носила, сейчас вот из-за Егорки...

Не говорить, не плакать. Глотай слезы, Лилька, запивай ими коньяк, закусывая собственными изумленными воплями. Но только помни, он предупредил тебя. Одноклассник, отличник, умница, он мог бы стать для тебя близким человеком, другом, любовником, мужем, всем! Не дали, помешали, перебили! Словно в захолустном кинотеатре пьяный киномеханик оборвал на середине ленту, и теперь плывут по мертвенно-белому экрану потусторонние тени. В строгом черном костюме, в котором и был похоронен, Дима вернулся ненадолго, чтобы выкурить сигарету, полюбоваться на торт, который ему не суждено попробовать, и предупредить Лилу о неведомой опасности.

Глава 3

Еще шаг назад – нет, не шаг, целая пробежка. Мы танцуем произвольную программу, вполне можем отвальсировать лет на тридцать назад. Это обстоятельство времени, а обстоятельство места выглядело так: набережная большого волжского города, залитая лучами закатного солнца. От воды дышит желанной прохладой, весело швартуются речные трамвайчики, крылья чаек золотятся в вечернем свете. Надо же, как раскалился после жаркого дня асфальт, как мягко пружинит он под каблуками девушек! Девушки в модных мини-юбках гуляют по набережной парами. Девушки не прочь весело провести время – познакомиться с молодыми людьми, угоститься мороженым и газировкой в летнем кафе (нет-нет, никакого вина, ни легкого, ни сухого!) и посетить танцплощадку в городском саду. Вокально-инструментальный ансамбль «Калина» уже настраивается, танцплощадку откроют через два часа... Значит, нужно поторопиться, некогда выбирать да разбирать, если не хочешь остаться без кавалера к танцам. А Томка уже в третий раз отшивает подошедших парней. Ей хорошо, она красивая! А вот ее подруга Валентина – так себе. Носик курносый, глазки маленькие. Да и фигурка кубышкой! Такой бы и не стоило носить мини, всех кавалеров можно распугать. Но они не очень-то пугаются, ведь рядом Тамара, царица Тамара – стройная, статная, длинные каштановые волосы, огромные синие глаза, нежная улыбка и строгий взгляд. Томка знает себе цену, высокие цели ставит – несмотря на то что работает всего-то поварихой в столовой. А Валентина в этой же столовой подавальщица.

– У тебя все же специальность есть, – завидует Валя подруге.
– Ну и ты ведь учишься, скоро закончишь.
– Да-а, закончишь... Я вон экзамен по техноложке завалила, того гляди, выгонят!
– Зато ты на виду всегда, а я торчу в кухне над котлами. От этого, знаешь, как цвет лица портится?

Валентина косится на Томку и молчит. Цвет лица у той идеальный, персиковая кожа чуть припорошена смуглым румянцем. Не найдя недостатков на лице подруги, Валька, однако, замечает кое-что интересное...

– Том, смотри, как он на тебя смотрит!
– Кто? – А сама и бровью не ведет!
– Вон тот, видишь, носатый блондин в модной рубашке?
– Фу, да он старый!
– Какой «старый», – шипит Валентина, хватая подругу за локоть, словно опасаясь, что она вырвется и убежит. – Ой, мамочки, сюда идут!

Модный блондин выглядит очень сдержанным, в веселую перепалку с барышнями вступает его приятель – коротышка, весельчак, балагур. Он, несомненно, сам бы не прочь составить пару Тамаре, но понимает, что ему при его параметрах ничего не светит, потому, представившись Родионом, шутовски кланяется Валентине и принимает ее под ручку. Соглашение достигнуто, девушки не прочь отведать мороженого и потанцевать. Тамара идет рядом с блондином, он представился Виктором. Он больше молчит, рассматривая свою спутницу.

– Вы, наверное, по профессии учительница или врач? – спрашивает он без вопроса в

интонации, когда им подают мороженое в жестяных запотевших вазочках.

– Не угадали. Я не учу людей, даже не лечу. Я их кормлю, – смеется Тамара.

Ее улыбка неотразима, она вспыхивает, затмевая солнце... И долго после того, как погаснет смех, в глазах увидевшего ее плавают огненные спирали и пятна. Виктор ослеплен, он растерял большую часть своего значительного апломба и спрашивает уже почти робко:

– Значит, вы повар? А в каком ресторане вы работаете? Я бы стал ходить только туда...

Теперь уже смущается Тамара. Ей неловко признаться, что она ударно трудится в столовой номер восемнадцать при управлении какого-то НИИ. Выручает ее преданная Валька.

– В «Лире», – скромно заявляет она. – Томка – повариха, я – официантка.

– Неужели? – переглядываются кавалеры, и Валька чувствует неладное.

«Ли́ра» – самый шикарный ресторан в городе, куда девчонки даже не заглядывали никогда. По слухам, там есть бассейн, в котором плавают золотые рыбки, и кабинеты, увешанные красными коврами, и необычайные напитки – ямайский цветочный ром, например, или болгарская сливовица! Быть может, их новые знакомые – завсегдатаи этого райского местечка, знают его как свои пять пальцев и сейчас поймут барышень на беззащитной лжи?

– Мы туда недавно поступили, – выкручивается Валентина. – С испытательным сроком, после учебы. Да, Том?

Тамара снова улыбается, и тут же все забыто – и ресторан, и стерляди. Виктор заказывает шампанского, девушки взвизгивают смущенно, но соглашаются выпить по бокалу. А потом – танцплощадка, долгожданная вечерняя прохлада, кружевные тени от ветвей клена скользят по асфальту и ВИА «Калина» играет полузапретные и оттого такие сладкие мелодии битлов. Тамара склоняет голову на грудь Виктору.

– Нет, каковы девчонки, а? – возбужденно говорит Родион другу, когда они, проводив девушек, идут вдвоем по темной улице. – Твоя-то, а? Царица Тамара! Но и моя ничего, хоть и дурнушка. С шармом, с огоньком!

– Да, ничего, – машинально отвечает Виктор и задает вопрос, томящий его душу: – Как ты думаешь, зачем они нас обманули? Насчет «Лир»?

– А, не бери в голову. Просто девчонки гоношились, цену набивали. В какой-нибудь тошнеловке подвизаются...

– Но почему именно «Ли́ра»?

– Самое шикарное место, – убежденно говорит Родион, демонстрируя недюжинное знание женской логики. – Даже если мы там бываем, то, по их разумению, весь персонал помнить не можем. Они же не догадываются, что ты про своих официанток всю подноготную знаешь!

«Подноготная – тайные, скрываемые подробности чего-нибудь (от старинной пытки – запускания игл или гвоздей под ногти)», – хладнокровно трактует словарь Ожегова. Виктор Орлов официанток не пытается, поварихи и посудомойки также не могут пожаловаться на жестокое обращение. Они сами всегда щедро открывали своему молодому директору все подробности своих душ и тел, надеялись на серьезные отношения и, возможно, на брак, который позволит им больше никогда не работать. Но сердце и рука директора «Лир», влиятельного сына влиятельного отца, пока оставались свободными – он, на свою беду, был идеалистом. В том смысле, что искал идеальную жену. Красивую, умную, бескорыстную, добрую, чтобы по всем статьям подходила и чтобы сына ему родила!

И вот теперь Тамара, царица Тамара, которая не знала, кто он такой, которая выбрала его из толпы фланирующих гуляк, так доверчиво и нежно склонила голову ему на грудь, что Орлов сразу решил – она ему подходит. Конечно, нужно еще посмотреть, узнать ее поближе, нет ли червоточинки какой скрытой... Не форсировать событий, но продолжить знакомство.

Ситуация осложнялась тем, что девушки из кокетства не позволили проводить себя до дому, но оторвались от кавалеров на трамвайной остановке, чрезвычайно прытко вскочив в отъезжающий, дребезжащий вагон. Они не оставили своих телефонов – просто потому, что

ни у одной из них домашних телефонов не было. И адреса не дали... Была назначена встреча – в следующую субботу, на той же танцплощадке.

Но Виктор не хотел ждать целую неделю. Недаром его отец заведовал всей разветвленной сетью общественного питания города – от ресторана «Лира» с его золотыми рыбками, коврами и самим Виктором до блинной «Ярило» на улице Степана Разина, где раз в семидневку случался мордобой, а раз в квартал – массовое пищевое отравление. У потрясенного папаши была изъята записная книжка с телефонами подчиненных заведений, и вот два дня подряд, понедельник и вторник, Виктор самолично обзванивал рестораны, блинные и мороженицы, разыскивая повариху Тамару и официантку Валентину. А в среду купил букет роз и поехал в столовую номер восемнадцать.

Он ухаживал за царицей Тамарой три месяца и сполна уверился в том, что она – девушка что надо. Эффектная внешность и умение себя держать – это еще не все. Тамара действительно отлично готовила, особенно ей удавались рыбные блюда. Она не собиралась после свадьбы заняться коллекционированием золотых украшений и меховых изделий, но заискивающе спрашивала у Виктора, не примет ли он ее на службу в «Лиру», чтобы там она совершенствовала свои таланты. Она не проявила особого любовного темперамента – но он и не нужен верной жене! Зато гордая царица Тамара оказалась способной на компромиссы... Это качество, стоит заметить, и привело к тому, что к моменту регистрации брака модное короткое и широкое платье скрывало изрядно пополневшую талию невесты.

Тамара родила сына и по окончании декретного отпуска вышла на работу. На новую работу, в шикарный ресторан «Лира». Ей хватило года, чтобы завоевать репутацию поварихи от бога. Посетители приходили «на Тамарину щуку», «на Томочкину стерлядку», «на уху от царицы Тамары».

У Тамары была любимая работа и любимый дом – трехкомнатная квартира в элитном жилфонде. Ее окружала любящая семья – свекры жили с молодыми на одной лестничной площадке, и свекровь с удовольствием взяла на себя заботу о внуке. Родители мужа считали его демократичный брак крайне удачным и были без ума от внука. Муж окружал Тамару заботой. Одно ее волновало – похоже, найдя любовь своей жизни, Виктор решил наконец обратить внимание на прочих представительниц женского пола. Шашни затевались там же, по месту работы, и ни для кого не составляли тайны, в том числе и для обманутой супруги. Но Тамара притворялась слепой и глухой. Она была разумной женщиной. Но и у нее оказалась своя ахиллесова пята, и тут неблагоприятную роль сыграла Валентина, подруга закадычная. У нее с Родионом отношения не сложились, тот жениться не собирался, а вот поразвлечься был очень не прочь. Роман, начавшийся на танцплощадке, закончился в больнице, где Валю избавляли от последствий девичьего легкомыслия. Конечно, Тамара не могла бросить подругу в беде и пристроила ее официанткой в «Лиру». Ее взяли охотно, тем более что неудачный роман благотворно отразился на внешности Валентины. Она похудела, вытравила перекисью волосы, научилась красиво курить, смотреть томно, говорить с хрипотцой. В общем, выправилась в шикарную женщину с французским шармом, с изюминкой.

Вот эта-то подруга-хохотушка и положила глаз на Виктора Ивановича. То ли завидовала она по-прежнему царице Тамаре, то ли не смогла устоять перед натиском директора, которому приелась прохладная красота супруги и захотелось чего-нибудь поперченей, пусть даже и с душком...

Такого поворота событий Тамара не вынесла. Черная неблагодарность Валентины, предательство Виктора... Прекрасная повариха собрала вещи – свои и малыша. Вите-маленькому было два года, он еще ничего не понимал, но ревел с мамой дуэтом. На шум пришла свекровь, – стены в элитном доме были толщиной с папиросную бумагу. Узнав, в чем дело, она вынесла суровый вердикт: невестка вместе с сыном остается в квартире. Если кто и должен уехать, так это неверный муж и незаконный сын. Пусть убирается и живет со своей кривоногой зазновой, где ему заблагорассудится! Вот и весь сказ. Обе женщины в душе надеялись, что, выслушав ультиматум, Виктор вернется в семейное гнездо и откажется

от стервы-любовницы. Но этого не произошло. Он ушел, не захватив даже зубной щетки, все оставив жене. Где и как они жили с Валентиной? Этого никто не знал. Тамара осталась в «Лире», но перестала разговаривать с супругом-директором даже на служебные темы. Приказы, просьбы и рекомендации доносились до нее посредством метрдотеля.

Как бы ни затуманили Виктору Ивановичу голову чары роковой официантки, они не в силах были вытеснить из его души привязанность к сыну. Это же не барахло какое – наследник, продолжатель фамилии! Он, наконец, выговорил у Тамары право встречаться с сыном по выходным. Впрочем, она особо не противилась, надеясь, что отцовская любовь заново проложит мостик между ней и блудным мужем.

Накануне Витенькиного трехлетия отец зашел за ним. Он принес денег в конверте, дорогую игрушку – железную дорогу с рельсами, поездами и семафорами, а еще билеты в цирк. Сеанс через час, одевайте сыночка!

Тамара была против – рановато для таких походов, мальчик ничего не поймет, устанет, начнет капризничать... Но она никогда не могла возразить мужу, тем более что он отлично мог управиться с сынишкой. Да и мальчонка был не по годам развит, небось не заревет, увидев клоуна!

Итак, отец и сын ушли вместе, а через четыре часа, когда Тамара уже с ума сходила от беспокойства, ей позвонили из милиции. Виктор уже был там. Произошло самое страшное, то, чего бояться все без исключения родители. Потерялся ребенок.

Виктор Иванович, по его словам, оставил Витюшку на месте, сам отошел на минутку, чтобы купить бутылку морса. Было душно, мальчик просил пить.

Но на самом деле Орлов отвлекся вовсе не на покупку морса. Увы, дама его сердца, разлучница Валентина, характером была не подарок, да и ревнива к тому же. У нее, в отличие от Тамары, не хватало ума и такта, чтобы скрывать неприглядные стороны своей натуры. Она мучительно ревновала Виктора к жене и сыну. Каждый раз, когда он уходил проводить мальчика, Валентина была уверена, что возлюбленный больше не вернется. Она устанавливала за ним слежку, ходила по пятам, устраивала обыски, дикие скандалы и театральные попытки самоубийства. И у нее были причины для ревности, не так ли? Женщина, увлекшая мужа из семьи, не может быть совершенно за него спокойна. Если он ушел от жены к ней, то что помешает ему рано или поздно уйти уже от нее с другой, более привлекательной особой? Валентина была оскорблена тем, что Виктор никогда не приводил сынишку к ним в гости. Не очень-то ей нужен этот мальчишка, но что же получается, люди добрые? Выходит, она никто, дрянь, порочная женщина, если ее общество нежелательно для ребенка?

Отыскав в жилетном кармане любовника билеты в цирк, Валентина быстро разработала план действий. Цирковая касса продала еще один билет. Все первое отделение женщина сидела как на иголках, а в антракте купила эскимо и отправилась к ярусу, где сидели счастливые отец и сын. Заметив любовницу, Виктор Иванович пришел в ужас. Если малец проболтается матери, что в цирке они были не одни, а пришла еще какая-то тетя с мороженым, не видать ему больше сына как своих ушей! Тамара гордая, она его не простит, не даст больше видеть Витю! Нужно было действовать быстро, и Виктор решился. Строго наказав малышу сидеть на месте и никуда не уходить, он выскочил в проход, подхватил Валентину под локоть и повлек к выходу, не вникая в ее мольбы и угрозы.

Когда он вернулся, спровадив любовницу до дому до хаты, сына в кресле не было. Мгновенно вспотев от ужаса, горе-папаша обегал весь цирк, прорывался за кулисы, пугал переодевавшихся гимнасток и сам пугался ослабленной львиной физиономии за решеткой, но Витеньки не нашел. Скорее всего, тот сполз с кресла да и пошел исследовать большой, зовущий, интересный мир. Трехлетний бутуз привлек внимание каких-нибудь доброхотов, скоро его приведут. Вероятно, в цирке уже объявляли по радио о найденном ребенке, но взмыленный Виктор на это внимания не обратил.

Румяные милиционеры подбадривали родителей. Да найдем мы вашего пацана, куда он денется? Но их прогнозы не подтвердились. Никто не привел Витюшку, никто не спросил:

«Извините, вы мальчика не теряли?» – ни сегодня, ни на следующий день, ни через неделю. Влиятельный свекор подключил свои связи, но это не помогло. Единственное выясненное обстоятельство никого не утешило. Капельдинерша в цирке припомнила, что какая-то женщина вроде бы уводила из цирка в антракте симпатичного круглощекого бутуза. Она запомнила это, потому что на мальчике был очень приметный комбинезончик, расписанный скачущими на лошадях ковбоями. Вещь, очевидно, заграничная. А вот в женщине ничего особенного не было. Да, молодая. Вроде бы брюнетка. Скорее, высокого роста. Вот и все.

Свекру намекнули в прокуратуре, что возможно похищение. Бывают оказии, хоть у нас тут и не Америка, и в газетах про это не пишут. Если так, то скоро злоумышленники дадут о себе знать. Потребуют выкуп за ребеночка, а тут мы их цап-царап! Ну, или выкуп платите, вам видней, в деньгах вы не стеснены, небось не на милицейскую зарплату живете...

Но кто бы ни похитил ребенка, он не собирался его возвращать ни за деньги, ни просто так. Прошло три месяца – три месяца горя, беспросветного ужаса, взаимных упреков, оскорблений и примирений. Свекор попал в больницу с инфарктом. Бабушка лежала с повышенным давлением. Одно было хорошо: Виктор не вернулся к своей любовнице, остался в семье. Он так и не смог простить Валентине участия в пропаже сына, пусть и косвенного. Если бы она тогда не приперлась в цирк, он бы ни за что не отлучился, не оставил бы мальчика одного! Но Тамаре он ничего не рассказал, боялся сцен. Их и так было более чем достаточно.

Бурные супружеские скандалы с обязательным сладким примирением в финале имели неожиданные последствия.

– Вы удивлены, милочка? – снисходительно усмехнулась врач-гинеколог, к которой женщина пришла на предмет обязательного обследования. – Вроде бы не девочка уже, да и не первая у вас беременность...

– Я не хочу! Мне не надо! – повторяла Тамара.

Родить второго ребенка, пока не нашелся Витюшка?

Это казалось женщине предательством.

Но медики не разобрались в семейной драме пациентки, отказались делать поздний аборт. «Все сроки прошли» – вот и весь разговор. В порыве отчаяния Тамара решилась на страшное, о чем слышала давным-давно, еще от девчонок в училище. Она приняла горячую ванну с горчичным порошком, выпила три таблетки аспирина и симпровизировала танец смерти под новую пластинку Пугачевой. Она добилась только усиленного сердцебиения. Увы, могучий организм не собирался расставаться с нежеланным эмбрионом.

В последующий год произошло очень много событий. Родилась дочь Лиля, которая никому особенно не была нужна. Заполучив второй инфаркт, умер свекор и перед смертью слезно просил отыскать мальчика, потому что его исполованное рубцами сердце чувало – внук жив. Виктор Иванович начал объезжать детские дома – по концентрическим кругам, все расширяя и расширяя зону поисков. Он искал мальчика, как ищут воду в пустыне. Потерянный сын стал смыслом его жизни – скорбным обжигающим, доводящим до безумия, но все же смыслом. Поиски сына стали для него убежищем, в которое скрывался он от чувства вины перед женой, которую не любил; перед дочерью, которую не успел полюбить; перед родителями, в чьей горькой старости он был повинен... И перед сыном, которого, как ни крути, променял на ничтожную, вертлявую, нечистую бабенку.

Он сам не верил, что найдет его.

Но он его нашел. На это понадобилось несколько лет, но он его нашел.

Глава 4

– Ты что-то покраснелась. И глаза блестят. Может, давление померим?

Лиля слабо улыбнулась. Как в детстве бабушка при малейшем недомогании ставила ей градусник, так теперь тетя Соня предлагает измерить давление. Словно нехитрые приборы, выдающие на-гора те или иные значения, – панацея от всех бед, болей и огорчений.

– И ставит, и ставит им градусники...

– Что?

– Ничего, тетя Соня. Я просто... Встретилась с призраками прошлого.

– А-а...

Егор уже спал, раненько утомился. Лиля бы тоже сейчас прилегла, но Софья Марковна не собиралась уходить. Она выглядела так, словно собирается нечто важное сказать или сделать.

– Чем занимались?

– Сначала мультфильм смотрели, потом рисовали. Так перемазался фломастерами, ужас! По-моему, мне так и не удалось его до конца оттереть. Карандаши все же лучше.

– Карандаши опаснее. Он может сломать их и пораниться. Разгрызть и поперхнуться...

– Ну, ежели так...

– Давайте-ка чаю попьем, – предложила Лилия.

– Тебе мама звонила, – выдала соседка, едва уместив крупное тело на табурет между плитой и столом.

Лилия кивнула. Ничего сверхъестественного в этом событии не было. Мать звонила с удручающей регулярностью, раз в неделю. И как правило, именно в субботу. У Лили создавалось впечатление, что разговор с дочерью вписан в мамин ежедневник. Где-нибудь между вызовом сантехника и необходимостью расплатиться с поставщиками. Мама жила в другом городе, за четыреста километров от Лили, и все свободное время посвящала делу своей жизни, своему ресторанчику. Это было ее единственное настоящее дитя, о котором она заботилась, которое бескорыстно обожала всеми силами души, не требуя ни взаимности, ни прибыли.

– Ну и что она сказала?

– Сказала, что перезвонит позднее. Удивлялась, что ты оставила больного ребенка на чужого человека – это на меня-то! Если ее так не устраивает моя кандидатура, почему бы ей не приехать и не понянчиться самой с внуком?

Софье Марковне наступили на большую мозоль. Она осуждала Тамару еще тогда, когда она выпорхнула из родительского гнезда, оставив больную мать, и уехала за счастьем и свободой в столицу. Там она ненадолго задержалась, но домой не вернулась, обосновалась в Астрахани. Зачем, спрашивается? Свободы захотела! А как не заладилось в жизни, скинула дочь на воспитание старухе матери. Все это Лили слышала уже не в первый раз и привычно принимала упреки в адрес мамы. Сидела, глубоко задумавшись, ссутулив плечи, думала о своем. Например, о том, что у мамы наверняка кто-то есть. Она такая эффектная, элегантная, ухоженная... А вот Лиле не досталось ни капли материнской яркой красоты. Жидкие волосы, простонародные светло-зеленые глаза, белесые брови и ресницы... Без макияжа она выглядит как белка во время линьки! Вот и с личной жизнью не заладилось...

Лилия не знала, что она унаследовала от матери нечто более ценное, чем густые волосы или жгучие очи, а именно – улыбку. Всемогущую, яркую, победительную улыбку, заставлявшую биться мужские сердца, раздражавшую женщин. Простенькое сокращение лицевых мускулов могло стать главным очарованием Лилечки... Но ей так редко приходилось улыбаться!

– Спрашивала, не с Игорем ли ты ушла, – услужливо подлила масла в огонь тетя Соня. – А я сказала, что не знаю, может, и с ним. Пусть думает, что между вами все ладно. Или не так сказала, а?

– Я не знаю. Пожалуй, все равно.

– Как он, Лилечка? Приходит к ребенку?

– Приходит, – коротко ответила Лилия.

Но Софья Марковна покачала головой, словно могла, да не хотела уличать ее во лжи.

Но Лилия не врала. Игорь и в самом деле приходил, но Егора почти не видел. Он приходил слишком редко и всегда норовил угодить после того, как Лилия уложит мальчишку спать. Невнимательный папаша отговаривался работой – шутка ли, следователь убойного

отдела, романтическая профессия, воспетая в сериалах, бумажных и экранных! Это только с мягкого дивана приятно наблюдать за жизнью отважных следаков, а участвовать в ней очень утомительно и скучно, главное приключение в ней – квартальный отчет, и страшнее бандитских пуль интриги сослуживцев. Но давно, семь лет назад, был написан сценарий, утверждены актеры и зазубрены роли. Расклад таков: Игорь – благородный следователь, его жена – корыстная стерва, Лиля – юная, нежная и понимающая подруга.

Их знакомство было обставлено в духе сериала «Улица разбитых фонарей» или, скажем, «Менты». В Лилином подъезде, на первом этаже, убили человека. Убиенный проживал в «однушке» и работал дворником, водопроводчиком, электриком... В общем, за всех работал, золотые руки были у этого рыжего олуха по кличке Чубайс. Одно только плохо – Чубайс пил проклятую, едва не каждый день в его квартире бушевало застолье, которое частенько заканчивалось скандалом и дракой. В одной из таких драк кто-то из дружков и упокоил бедного дворника ударом бутылки. Дело было ясное, и следователь пошел по квартирам опрашивать жильцов – не видел ли кто убийцу, не слышал ли какого шума? Лиля в тот день была дома, как всегда, но ничего не видела и не слышала, у нее машинка стрекотала, да и звукоизоляция в старом доме «сталинской» застройки дай бог! Все это она Игорю объяснила и предложила чашку чаю. Не из одной вежливости предложила, он ей сразу приглянулся. Она вообще-то в своей жизни мужчин мало видела. В училище были одни девчонки, в детский сад за детьми мамы прибежали... Лиля девочка домашняя. Где ей с парнем познакомиться? А тут такое дело – сам пришел. Выпил три чашки чаю, съел полпирога с капустой, а через три дня заглянул снова. Пирог, что ли, понравился? Одним словом, стал ухаживать.

Будь у Лили хоть сколько-нибудь любовного опыта, она догадалась бы, что что-то идет не так. Но опыта у нее не было, не было даже подруги, прошедшей огонь и воду, чтобы посоветоваться. Нинуля появилась много позже, бабушка уже умерла к тому моменту, мама в другом городе... Вот и стала она любить Игоря – не по своему разумению, не по доброму совету, а по чужому сценарию. И сценарий-то был не блестящий!

Сценарист, в конце концов, так и не смог придумать причину, отчего следователь не бросает плохую жену и не уходит к хорошей подруге, тем более что у них с женой детей нет, а с подругой уже имеется общий ребенок. Причины есть, но они могут подпортить благородство следователю. Во-первых, ребенок болен, за ним нужен постоянный уход, на него нужно тратить деньги. Значит, Игорь автоматически перестает быть единственным предметом опеки. Во-вторых, супруга следователя, та самая, нехорошая женщина, служит в банке, неплохо получает. Дом у них полная чаша, и за границу отдыхать каждый год, и машину следователю, чтобы на работу ездил с шиком! Так что же, все это вот так и бросить?

Итак, он приходил – всегда с бутылкой вина, иногда с чахлым букетиком цветов, иногда с вафельным тортиком. Прямо в прихожей вручал Лиле тонкую пачечку купюр, и она никогда не могла достойно их принять, краснела, отказывалась, прятала руки за спину, но Игорь был настойчив. Исполнив финансовую обязанность, он сразу веселел, сыпал шутками, по-хозяйски приобнимал Лилю за талию. Они всегда сидели на кухне, никогда ради Игоря не разворачивалась старинная вышитая скатерть. Он и сам был против: «Незачем церемонии разводить!» А потом, из кухни было ближе до спальни, где помещалась Лиля, где стояла швейная машинка, рабочий столик и безголовый манекен... И кровать, разумеется. Романтик-следователь непременно каждый раз носил ее в кровать на руках, а из гостиной до спальни во-он сколько пикивать по коридору! А ну как, не ровен час, уронит или радикулитную спину сорвет? То-то. А из кухни три шага сделал, и вот она, дверь. Так что всегда сидели на кухне.

Утром он уходил – не на службу, домой. Бриться, мыться, переодеваться. У Лили он никаких вещей не держал, не завел даже зубной щетки, обходился подушечкой «Орбит». Привет, подружка, привет, подушка! «Орбит ванильный» не отбивал запаха изо рта, запаха немолодого курящего мужчины с плохим желудком и подсаженной печенью.

Очень недолго длился у Лили тот период приподнятой влюбленности, когда имидж

усталого героя не вызывал сомнений, когда каждое его действие, пусть он даже прикуривал или зевал, сопровождала прекрасная музыка и ритм отбивало ее сердце! Она ждала его, и выслушивала, и готовила самое вкусное, самое лучшее, что удавалось сгоношить из скромных припасов. А Игорь сладко ел, крепко спал и ухитрялся довольно долго скрывать от наивной любовницы факт наличия законной супруги, туманно поясняя, что, дескать, была в его жизни одна женщина, но... Он даже потом, когда все раскрылось, отворачивался, как мог:

– Пойми, когда я встретил тебя, мы были почти в разводе, она от меня ушла, я думал, не вернется... Но потом она вернулась, она много старше меня, нездорова, несчастная, кому еще она нужна? Я не могу вырвать ее из своей жизни, но мы абсолютно чужие люди, мне дорога только ты!

А потом и эти разговоры закончились. Лиля как-то видела жену Игоря, проезжая в автобусе мимо банка, где та работала. Нежный супруг встречал нежную супругу. В узком черном пальто она была весьма элегантна, но походила отчего-то на пустынного грифа, которого Лиля видела в программе «ВВС». Нахотеленная, сутулая и мрачноватая птица с вытянутой складчатой шеей. В самом деле, выглядит старше Игоря, худая, с сухим, красивым, умело накрашенным лицом. Она была похожа на школьного завуча. Ее звали Аделаида, и это имя шло ей необычайно.

– Ада... – шептал Лиле порой, забываясь, Игорь, и весь огонь ада кидался ей в голову.

Он был рад, когда она забеременела, и носил ей чернослив, к которому она вдруг вспылала любовью, и неустанно придумывал имя для будущего малыша. И мама была рада за Лилю. Она приезжала в гости и ходила с ней гулять, осторожно поддерживая под локоть, и Лиля в кои-то веки смогла быть с ней откровенна. Мама поддержала ее, уверила, что после рождения ребенка Игорь обязательно на ней женится! Ребенок потянет его из старой семьи, из холодного дома, где не звучит детский голосочек.

А потом родился Егор. Вот таким – неправильным, непохожим на других... И в этом не было ничьей вины, Лиля не состояла в группе риска, так что неизвестно было, откуда взялась эта проклятая лишняя хромосома. У всех было сорок шесть, а у Егора сорок семь, и называлось это болезнью Дауна. Игорь, разумеется, расстроился, но сочинил очень бодрую записку, нашел, по его мнению, самые нужные и важные слова:

«Ничего, малыш, держись. У нас будут еще дети! Люблю тебя. Твой *Игорь*».

Это письмо перечеркнуло Егорку. Так, словно он родился мертвым. Так, словно его вовсе не было на свете. Но он был, маленький, теплый, мяукающий, как котенок. Всем приносили кормить детей, а Лиле не приносили, и она удивленно спросила: почему? Моментально принесли, и пришли сразу двое – врачиха и медсестра. Врачиха сухо сказала, что Лиля может оформить отказ, а может и не оформлять.

– Думайте, мамочка. Вы без мужа, такая молоденькая еще, вас никто не осудит. Он болен, у него множество отклонений, быть может, ему будет лучше в заведении, где его станут наблюдать специалисты...

Она ушла так быстро, словно боялась сболтнуть лишнее, а рядом с Лилей осталась медсестра. Это была молодая женщина с редким лицом – такие лица можно сейчас увидеть только в старых фильмах, типа «Весны на Заречной улице». У сестры был вздернутый носик, и поджатые губки бантиком, и пышные, словно гофрированные волосы выбивались из-под колпачка, и только глаза казались чужими – старческие, линиялые глаза. И вот она ровным голосом, пристально и устало глядя на Лилю, начала говорить ей ужасные вещи. Она, не стесняясь в выражениях, рассказывала о том, как Егор будет жить в «заведении», как там вообще живут дети-инвалиды. И Лиля слушала. Она почему-то вовсе не боялась суровой медсестры, хотя от природы была робкой. А потом вдруг неожиданно улыбнулась ей своей прекрасной улыбкой, потому что та тратила свои грубоватые словечки зря, и увидела чудо. Сестрица улыбнулась ей в ответ, и тут же выцветшие глаза приобрели яркость, голубизну и глубину июльского неба. Она наклонилась к Лиле и поцеловала в лоб – твердыми, сухими губами. С тех пор, когда опускались руки, когда не хватало денег, когда было трудно и плохо, она вспоминала этот поцелуй и словно бы чувствовала его снова, будто на лбу

появилась невидимая отметина! А когда уходила из роддома, искала сестру, чтобы поблагодарить, но не нашла. И только садясь в такси, подняла голову и увидела ее в распахнутом окне. Сестра помахала ей рукой, и Лиля помахала в ответ.

– Ты только люби его, – сказала ей тогда сестрица. – Просто люби, понимаешь? Не жди от него никаких свершений, не надейся, что он оправдает твои чаяния! Люби его, и он будет тебя любить. Это так просто – но почему-то мало у кого получается! А у тебя получится, я знаю.

– Девочка моя, да ты спишь совсем? Телефон звонит, слышишь?

Она так глубоко ушла в воспоминания, что забыла и о тете Соне, и о чае. А ведь так хотела выпить большую чашку горячего чая с лимоном, больше всего на свете!

Голос в телефонной трубке показался Лиле незнакомым.

– Здравствуй, доченька, как вы там?

– Здравствуй, мама. Мы ничего, нормально. Как ты?

– Хорошо. Скучаю только сильно. Вот решила приехать. Как ты на это смотришь? Я уж и билеты взяла. Завтра сажусь в поезд, послезавтра у тебя.

Лили села на табурет, перехватила поудобнее трубку.

– Мамуль, а что за спешка? Я рада, но... У меня заказ срочный, работы много.

– Ах, да оставь. Неужели я тебе помешаю? Наоборот, помогу. Тебе же тяжело одной с ребенком! Как Егорка себя чувствует? Справляешься с ним? Помогают тебе?

– Что-то случилось?

У нее были основания задать этот вопрос. Голос матери звучал непривычно. Обычно она была вежлива и спокойна, насмешлива и нежна. Она всегда первым делом спрашивала: есть ли деньги? Хватает ли Лиле на жизнь? А то она прилетит, не нужно стесняться.

– Да. Но это не телефонный разговор. Не волнуйся, это хорошее. Очень хорошее. В общем, так, доченька. Встречай нас послезавтра, поезд номер девять и приходит в девять утра. Вагон второй. Договорились?

– Да, мамочка.

– Все, пока, целую тебя и Егорку. Не могу дождаться встречи!

– И Егорку? – удивленно спросила Лили у телефонной трубки, разразившейся таким противным пиликаньем, сил нет! – И Егорку? Нет, это что-то небывалое!

– Мама? – проницательно спросила Софья Марковна, хотя наверняка краем уха прислушивалась к разговору. Был за ней такой невинный грешок, чего уж там!

– Да. Еще чаю?

– Не откажусь.

– Приезжает послезавтра.

– Ну?

У Софьи Марковны округлились и без того круглые глаза.

– Соскучилась, значит? Все ж мать. И бабушка. А вот я все хотела спросить тебя, Лилечка, как так вышло, что ты тут, а мать – там?

– А вы разве не помните? Не помните, как я приехала к бабуле?

Софья Марковна помнила. Она помнила, как вместе с покойной Варей встречала ее внучку на вокзале Верхневолжска. Девочку отправили в дальний путь одну, доверив присмотреть проводнице. Она вышла из вагона, слишком маленькая и худенькая для своего возраста, и такая бледная была, в такие прозрачные тощие косички скручивались бесцветные волосы! Но одета была хорошо. Только не виделось в ее одежде материнской заботливой руки. Модные брючки – зеленые, свитерок – красный, куртка – синяя. Дальтоники у нее родители, что ли? И все не по росту, не по размеру, штанины подворачиваются под каблуки чересчур взрослых сапожек, рукава куртки коротки. Колготки дырявые. Личико у Лили испуганное, словно не в богатой семье росла, а у чужих людей в приживалках!

Лиле было тогда двенадцать лет. Она не отличалась красотой, но ведь в этом возрасте немногие девочки выглядят красивыми. Она плохо училась, переползала с тройки на тройку, математика была для нее темным лесом, да и вообще с «точными науками» она не ладила.

Зато много читала, хорошо рисовала, была добра и услужлива, умела найти с людьми общий язык. Она пришлась ко двору. Бабушка Варя научила ее шить, сама в молодости служила портнихой в театре, а теперь вот глаза не позволяют даже нитку в иголку вдеть... В новое хобби Лиля кинулась с головой, обшила всех знакомых и соседей, потом начала придумывать свои модели...

Ей бы на модельера пойти учиться, но испугалась она экзамена по рисунку и богемного духа «художки», поступила в педагогическое училище на дошкольную педагогику. Ну что это за профессия – воспитательница в детском саду? В прежние времена еще ладно бы... Талант портнихи не дал Лиле пропасть. У нее появились обширная клиентура и неплохие заработки. Жаль, бабушка не дожила, царствие ей небесное. Состоятельные дамы охотно заказывали у Лили туалеты – в провинции по-прежнему трудно купить хорошую вещь, везут либо китайскую дрянь на рынок, либо немецкие качественные вещи в бутики, так ведь их разве укупишь? Восемнадцать тысяч штаны стоят, кому такое по карману? Ох, да и где гарантия, что их не из того же Китая привезли? Вот и идут женщины, особенно те, что погабаритнее, к портнихе, а она всем умеет угодить, ее платья из бегемотих дюймовочек делают!

– Да, деточка, подумала я тут и сама на свой вопрос ответила. Так уж, видно, жизнь сложилась, что приросла ты и к Верхневолжску, и к дому. А мать приезжает, так это же хорошо! Кто еще о своем дите позаботится? Тебя что-то беспокоит? Отвыкла от нее?

– Маму нужно прилично встретить. А у меня с деньгами туговато, большие расходы были. Придется поторопиться, закончить заказы. Ничего, справлюсь. И еще я не поняла – она говорила то «я», то «мы». Выходило так, словно она приедет не одна...

– Так, может, с отцом твоим, – подкинула мыслишку Софья Марковна.

Глаза и губы у соседки маслицем подернулись, так она любила разговоры о семейной жизни.

– Вряд ли. Они не виделись столько лет...

– А вот на старости лет и помирились, соединились, едут навестить доченьку свою!

– Вряд ли, – вздохнула Лиля. – Скорей уж... А, да что об этом говорить! Надо готовиться принимать гостей.

– Это правильно. А помощь понадобится, хватай меня, старую, за бока – делай дело, тетя Соня! Я и с Егором завтра погуляю, и за продуктами тебе схожу, пока ноги держат. Ночами-то не работай, и так вон под глазами у тебя зелень!

– Я должна сшить, – вздохнула Лиля.

Укладываясь спать, тяжело ворочаясь в широкой вдовьей постели, поглаживая взхлеб урчащего кота, Софья Марковна слышала снизу сквозь потолок и пол доносящийся звук работающей швейной машины.

О, этот женственный, этот томительно-грустный звук – стрекот швейной машинки в ночи! «Зингер», или «Подольск», или «Вятка»... Помнишь, как просыпалась поутру, а на стуле тебя уже ждала обновка? Бабушка шила всю ночь, а ты спала и слышала словно бы дождь за окном? Это стучала машинка. Она все шила, как она долго шила, и, верно, не одна она! По всей безоглядной земле злой ветер задувал все свечи, а женщины склонялись над шитьем, поправляли лапку, перекусывали нитки... Домовницы, мастерицы, печальницы – вами мир стоит, вами жизнь жива, вашим неусыпным попечением мы все еще похожи на людей! Катится по полу наперсточек, крутится земной шар, и короткая летняя ночь уже полнится обещанием рассвета...

А потом мечты, бессонные, одинокие мечты. С детства Лиля играла сама с собой в одну и ту же игру, всегда перед сном. Что бы попросила она у золотой рыбки? У феи-крестной? Какие желания загадала бы она сказочному джинну? Этих желаний, по условиям сказки, было три, и как сложно бывало уместить бесконечные «хочу» в этот короткий перечень! Но ей это всегда удавалось, а последние несколько лет желания вообще не менялись, она твердила их наизусть, уснащая только знакомую канву блестками волшебных подробностей. Она была так одинока, так слаба и временами чувствовала себя такой несчастной... Кто же

сможет осудить ее за эти нелепые, детские мечты?

* * *

Легко сказать – встречай гостей! Надолго, или навсегда, или на пару недель – но все равно перед важной встречей найдутся невыполненные обещания, несделанные дела, найдется что-то, что обеспокоит. Вот, например, Игорь. Хотя и мало привязан он к сыну, хоть давно остыл чувствами к Лиле, но вполне может явиться в то время, как тут будет мама. Ничего страшного не произойдет, ясное дело, но все же такая встреча очень нежелательна.

А еще нужно прибраться. Уборка была у Лили большим местом. В кухне и в гостиной еще удавалось соблюсти относительный порядок, но ее рабочая комната неизменно тонула в нитках, лоскутках, пуговицах... А у Егора в детской всегда разбросаны игрушки и фломастеры, листы ватмана и книжки-раскраски, старенький палас вымазан разноцветным пластилином! И окна не вымыты с прошлого года, и занавески посерели от пыли... Это, конечно, ужасно – и вредно, и некрасиво, а что делать? Ей нужно работать и заниматься с Егором – водить его в бассейн, куда недавно приобрели годовой абонемент, и в логопедическую группу, и на массаж! Правда, последние полгода массажистка приходит на дом.

Что ты будешь делать, даже в благополучной гостиной под диваном обнаружили клочья серой пыли, которые ветерок из раскрытого окна мотает насмешливо туда-сюда! Вон как их хорошо видно с подоконника! Лиля яростно драила оконное стекло с внешней стороны, каждую минуту рискуя вывалиться на улицу, потому что после бессонной ночи голова была очень легкой и слегка кружилась. По полу текли ручейки мыльной воды. Ничего страшного, заодно и пол вымыла! Вот теперь совсем хорошо – из окон льется солнечный свет, паркет сверкает чистотой, остатки позолоты на рамах картин блестят да и сами картины стали как только что написанные! Как хорошо, когда вокруг все чисто!

Хорошо-то хорошо, но, будь у Лили время, деньги и силы, она все бы тут изменила. В журналах мод, которые она покупала по служебной необходимости, попадались фотографии интерьеров. Лиле нравилось все стеклянное и хромированное, стиль хай-тек ее зачаровывал. Долой бы всю мягкую мебель, все эти коврики-пылесборники, тяжелые плюшевые шторы, пейзажи в болотных и коричневых тонах!

– Как же тут жить? – ужаснулась Софья Марковна, когда Лиля показала ей одну из этих фотографий и поделилась своей мечтой. – Ни присесть, ни прилечь, все жесткое, все холодное...

– Это дисциплинирует, – сухо отозвалась Лиля и журнал с фотографией спрятала.

Ее мечту не оценили. Да она и сама понимала, что к этому интерьеру должна прилагаться еще и домработница, которая будет следить за блеском стеклянных и хромированных поверхностей, еще и супруг в белоснежном домашнем одеянии, и здоровый ребенок, которого легко приучить к порядку!

Но нет, нет, об этом нельзя думать, это дрянная, недостойная мысль! Лучше протрем-ка эти хрустальные рюмки в серванте, пусть тоже сверкают, отражая солнечные лучи!

Хорошо, что Егорушка сегодня решил поспать подольше, не путается под ногами. Хотя он послушный мальчик, умеет сам себя занять – если только недолго.

Медсестра в роддоме была права, из ее пафосного монолога Лиля запомнила только одно – за больными синдромом Дауна легко ухаживать, они, как правило, послушны, дружелюбны, не склонны к капризам. Все это было правдой, даже более того! От Егора исходил непрестанный свет любви ко всему живому. Он с легкостью опровергал общепринятое мнение о малоэмоциональности больных, проявлял привязанность не только к матери, но и ко всем людям, что попадали в поле его зрения на более или менее долгий срок. Мальчик был нежен с тетей Соней, с Нинулей, радостно приветствовал участкового педиатра, приходящей массажистке, немолодой, но весьма яркой и пышной женщине, при каждой встрече делал изысканный комплимент.

– Красивая! Очень красивая! – говорил он убежденно.

Массажистка таяла, как сливочное масло на горячем тосте, и массировала Егорку так хорошо, что у него за какие-то двадцать сеансов абсолютно восстановился мышечный тонус и координация движений приблизилась к пределам нормы!

– Сколько я «их» массировала, в первый раз вижу такое развитие, – высказывалась массажистка.

Лиля улыбалась ей и поила чаем с конфетами «Коркунов», до которых та была большая охотница. Она, наверное, всем так говорила насчет детей, да какая разница? Главное, что Егор и в самом деле неплохо развивался. Он говорил. Он рисовал. Он умел сам играть и даже подпевал популярным песенкам, громко аккомпанируя себе на ксилофоне. Кажется, он даже сочинял собственные мелодии, но только ухо внимательной матери могло уловить их странные, гортанно-рваные ритмы. Нехитрый инструмент подарила ему Нинуля, вот уж спасибо ей большое! Одним словом, Егор был радостью для Лили, и она любила его, как только возможно любить... Но как порой было грустно думать, что он никогда не будет взрослым и самостоятельным, не сделает карьеры, не познакомит Лилю, смущаясь и гоношась, со своей будущей женой и никогда не подарит ей внуков!

– Эх, о чем ты, мамочка, задумываешься! – рассмеялась тетя Соня, когда Лиля поделилась с ней своими мыслями. – Далеко заглядываешь! Зато он никогда не покинет тебя, никогда от тебя не откажется, а сколько родителей только об этом и мечтают, особенно матери?

– Ни одна мать не мечтает о том, чтобы после ее смерти ребенок остался совершенно одиноким, совершенно беспомощным!

– Да, но ведь...

Софья Марковна осеклась. Но Лиля знала, что она хотела сказать. Больные синдромом Дауна не бывают долгожителями, раскосые ангелы не задерживаются на земле. Стенки аорты тонки, плюс сахарный диабет, слабость сосудов. На теле у Егорушки частенько появляются синяки, не от ударов, а сами по себе. И кровь носом идет... Значит, рано или поздно он уйдет, и Лиля останется одна. Наедине со своей неудавшейся жизнью...

– Мама, привет!

Но сейчас он не собирался никуда уходить. Он только что вернулся из страны снов, свежий, веселый, как утренний воробышек.

– Умываться! И му-зы-ку!

Он любил все делать под музыку, ее ритмы словно подтягивали его. Не надо больше грустных мыслей! Скорее умыться сына, покормить овсянкой, усадить с фломастерами за стол. Он обожает рисовать и долго-долго может выводить на большом листе ватмана свои каляки-маляки. Ага, вот и звонок в дверь!

– Егорка, мы молодцы! Мы все успели вовремя!

– Мо-лод-цы! – обрадовался Егор и склонился над столиком.

Она успела прибраться только в гостиной и в «рабочей» комнате. Не важно, заказчица больше никуда не заглянет. Лиля быстро выскочила из обрезанных джинсов, стянула вместе с косынкой заляпанную мыльной пеной футболку, накинула халатик и пригладила волосы. Золушка готова ехать на бал.

К слову о балах – ах, какое красивое платье сшила Лиля для Антонины Андреевны, хозяйки парикмахерской, что помещается тут же, в соседнем подъезде! Все заведение – комната в одиннадцать метров, тут женский мастер, тут мужской, а у единственного подслеповатого окошка маникюрша примостилась. А называется пышно: «Эдем». Сама же хозяйка «Эдема» заходит туда нечасто, уж больно дама корпулентная. Как заглянет с проверкой, так непременно или фен опрокинет, или столик распистонит! На такую роскошную женщину вечернего наряда не купить, а ей тоже хочется принарядиться ко дню рождения. Вот и сшила Лиля темно-красное платье длиной в пол, с корсетом – лишние телеса утягивать, с декольте – демонстрировать то, что не утянуто! И черную кружевную розу скрутила своими гибкими, словно бескостными пальцами. Роза приколота к плечу,

чтобы была Антонина Андреевна вылитая Кармен среднерусского покроя!

Но на пороге стояла не пышнотелая парикмахерша, а дама сухого телосложения, с орлиным профилем и брезгливо поджатыми губами. Пустынный гриф! В руке она держала носовой платочек, прижимала его к лицу. Что делать – прямо напротив дома по летнему времени разбили пивную палатку, а вот о туалете не позаботились. Кодовый замок на подъезде был сломан уже три недели, так что пахнет вовсе не «Шанелью», сами понимаете! Визитерша отняла платок от лица, а Лиля неслышно ахнула. Это была Аделаида. Корыстная жена Игоря, благородного следователя. На минуту у Лили мелькнула бредовая мысль – Аделаида ничего не знает о связи мужа «на стороне», она пришла, чтобы заказать платье...

Но первые же слова гостя разорвали в клочки эту успокаивающую иллюзию.

– Вот, значит, как вы живете, – протянула Аделаида. – Неплохо устроились. Стил «сталинский модерн», не так ли? И буфетик антикварный!

Сухой рукой, похожей на куриную лапу, она ткнула в бабушкин буфет, на старости лет переселенный в прихожую. Он был красивый, под красное дерево, но последнее время так отчаянно скрипел во время шумных игр Егора, что Лили опасалась: вдруг развалится и придавит кого-нибудь?

– Что же вы меня не приглашаете? Все же не чужие люди, вы, я вижу, меня узнали! Принимайте гостей!

– Когда приходят в гости, обычно здороваются, – ляпнула Лили и сама себе удивилась. Неужели она выговорила эту полную достоинства фразу? Как расхрабрилась, надо же!

– Ну здравствуйте, здравствуйте, если хотите!

– Пожалуйте в гостиную.

Еще одна великолепная фраза. Как хорошо, что она успела прибраться! Теперь только бы Егорушка не выбежал внезапно из своей комнаты! Лиле-то наплевать, какое впечатление он произведет на «гостью», но малыш так тонко чувствует настроение окружающих людей, и не будет ему блага от этой пропитанной недовольством дамы.

– Вот так вы, значит, живете, – снова пропела Аделаида, хищно осматривая гостиную. Ее что, заело? – Свили гнездышко на мои деньги? Антиквариат, живопись в рамках, в роскошном пеньюарчике ходите до полудня, а я на вас вкалывай каждый день до кровавого пота?

– Почему на ваши? – поразила Лили.

«Роскошный пеньюарчик», к слову, она сшила сама, так же как Ниночкино платье, взяв ткань из старых запасов. И ткань-то была не бог весть какая, по тонкому батисту пущены мелкие блекло-зеленые букетики, но халат получился хорошенький. Хоть и сильно мнется.

– Да потому! Иначе куда все уходит? Он с меня тянет и тянет, поймите, голубушка, нельзя же так! За эти деньги целый гарем купить можно, с невольницами и евнухами! Игорь показывал мне расписки, в прошлом месяце он отнес вам двадцать две тысячи, а в этом вы смеете требовать еще! Да потом кредит на иномарку, и у меня неприятности на работе начались, а все из-за ва-а-с!

Последние слова слились в совершенно неприличный вой, и, рухнув на диванчик, отозвавшийся заслуженными пружинами, Аделаида зарыдала в голос, как обычная деревенская баба, прибитая мужем-пьянчужкой. Была она басовито, и от этого рева у Лили сильно зачесалось где-то под черепной коробкой. Неторопливо она пошла на кухню, налила в стакан кипяченой воды, подумала и накапала еще в рюмочку тридцать капель корвалола.

«Я должна сшить», – подумала Лили и вернулась в гостиную.

Гостя все рыдала, утираясь насквозь уже промокшим платочком.

– Вот, выпейте. И давайте поговорим спокойно.

– Да-а-ва-ай-те. – Зубы Аделаиды стучали по краю стакана так, что Лили устало подумала – как бы той еще на стоматолога тратиться не пришлось, дополнительные убытки!

– Во-первых, я не давала Игорю никаких расписок. Никогда. Он с меня их не просил, а мне как-то не приходило в голову. Последний раз он был здесь два месяца назад и принес мне четыреста рублей. Мелкими и грязными купюрами, если вам интересно. Эти деньги я

могу вам вернуть.

– Не надо.

– Я так и думала. Во-вторых, если вы посмотрите по сторонам, то поймете, что вся эта обстановка очень старая. Еле держится. Это бабушкина мебель. Вот и диван скрипит, слышите? Я живу очень скромно, зарабатываю шитьем. И халат тоже сшила сама. Хотите, вам тоже сошью.

– Не надо, – повторила Аделаида. Она перестала рыдать так же внезапно, как и начала, наверное, это корвалол подействовал. – Может быть, потом. Простите меня, ради бога. Я сама не своя. Я теперь увидела и все, все поняла! У вас ведь еще ребенок больной, да? А этот... Этот мерзавец все проигрывает, все деньги! Он играет в этих ужасных автоматах, мне говорили, да я не верила! Простите меня, пожалуйста! Я не...

Она снова начала плакать. У Лили все так же чесалось под черепом, а тут еще и в глазах защипало! Не хватало только зарыдать в обнимку с Аделаидой, вот уж была бы сцена из дешевой мелодрамы! Еще, что ли, воды ей поднести? Или капель?

– Не нужно больше плакать, – попросила Лиля. – Я на вас не в обиде. Я и сама что-то предполагала в этом роде.

– Почему?

Почему? Потому что даже у таких недалеких девочек, как Лиля, бывает развито женское чутье. И если вам, дорогая законная супруга Аделаида, оно незнакомо, то мне вас жаль от всей души. Просто Игорь временами был очень рассеян, настроение его часто менялось, менялись и планы. То досадовал он о потере какой-то крупной суммы, то обещал – погоди, вот отвалится мне куш! – поехать с Лилей куда-нибудь к морю, пожариться на солнышке! Однажды вечером она ждала его, а он все не шел, ждать надоело. И тогда Лиля, решившись, позвонила ему на мобильный. Игорь ответил недовольным голосом, словно его отрывают от важного дела, а из трубки неслась какая-то завывающая музыка, пиликанье, пальба и скрежет. Что это были за звуки, она не поняла. Но потом, когда ездил в центр за пуговицами, прошла мимо игрового салона «Клондайк» – вот оттуда раздавалось точно такое же кошмарное лязганье, которое и здорового-то человека могло довести до эпилептического припадка!

Теперь все прояснилось окончательно, говорить было не о чем, и заплаканная Аделаида, очевидно, это тоже поняла, потому что встала и направилась к выходу. Она была последовательная дама – ушла не попрощавшись. Проводив ее, Лиля увидела, что Егорка выглядывает из своей комнаты и на его мордашке отражается странная, слишком сложная для него смесь чувств. Тут и страх, и облегчение, и даже... Неужели отвага, твердое решение маленького существа кинуться в бой и защищать то небольшое, что у него есть?

– Это была плохая тетя? – спросил Егор. От волнения он был еще более косноязычен, чем обычно, но Лиля всегда его понимала, тем более сейчас.

– Нет, милый. Просто несчастная.

Он наконец решился, вылез из-за двери целиком, и тут Лиля увидела, что сын держит в руках меч. Довольно длинный, сверкающий, как настоящий! Меч пришлось купить после того, как Егор посмотрел «Властелин колец». Неизвестно, что он понял в этом фильме, Лиля-то сама путалась в эльфах и хоббитах и не могла отличить Саурона от Сарумана! Но сражения на мечах поразили его воображение. Он начал упражняться с Лилиным портняжным метром, и, чтобы спасти нужную вещь, пришлось ехать в большой магазин и покупать этот меч, а к нему в придачу еще кинжал, и блестящий шлем, и щит с поднявшимся на задние лапы геральдическим львом. Но все эти роскошества остались лежать в ящике с игрушками, а меч Егор держал в пухлом кулачишке, и Лиля не сдержалась – бросилась обнимать сына, заплакав и засмеявшись одновременно.

– Львенок мой дорогой, ты что же, защищать маму кинулся?

И он тоже заплакал, и засмеялся, и принялся толковать на своем птичьем языке, что плохая тетя кричала, и он взял меч, чтобы выскочить и напугать ее как следует. Так сделал хоббит, и все страшили разбежались! Но тут он, Егор, услышал, что тетя как будто плачет, а

мама ее как будто утешает, и не знал, что делать, и решил подождать тут, за дверью. Только пусть мама больше не плачет, потому что вон опять в дверь звонят!

Пришла клиентка за платьем и вылила на Лилю поток восторгов, способный излечить даже самое оскорбленное самолюбие. Какая красота! Талия тонкая в этом платье получается, у Антонины такой с шестнадцати лет не было! Мастерница, золотые руки! А роза-то, роза! Никто больше такой не сделает, она как живая!

Антонина расплатилась сполна и заказала еще летний костюм, легонький, для самой жары. Лиля, осмелев окончательно, попросила деньги вперед. Антонина согласилась, хотя была вообще-то весьма прижимистой бабой. У Лили на руках оказалась сказочная сумма, теперь можно будет достойно встретить дорогую гостью, закупить деликатесов!

Этот день кончился очень поздно. Лиля успела и получить деньги с заказчиц, и прибрать всю квартиру, и сходить на рынок, закупить продуктов. Софья Марковна долго гуляла с Егором, совсем его умаяла, так что Лиля решила выкупать сына пораньше, часов в восемь вечера. Не без умысла – после купания он обычно сразу засыпал. Но на этот раз мальчуган, кажется, не разомлел от горячей воды, долго лежал, глядя ясными глазами в потолок. На потолок падал розоватый круг от ночничка, розовый блик ложился и на лицо Егора – странное личико, так непохожее на лица других детей. Широкая, плоская переносица, косо поставленные глаза, опущенные густыми золотистыми ресницами... Жесткие соломенные кудри над покатым лбом – настоящая грива! Егорушка и в самом деле похож на маленького львенка!

Лиля почти задремала, когда Егор тихонечко спросил:

– Папа Игорь больше не придет?

– Не знаю, львенок. Наверное, нет.

– А к нам приедет бабуля?

– Да.

– На поезде?

– Да.

– И дядя приедет?

– Какой дядя?

Но он спал, давным-давно сладко спал... И говорил во сне.

Глава 5

Смутно, очень смутно, как в тумане, помнила Лиля – ее разбудили очень рано, еще до рассвета, как на казнь. Или она сама проснулась от шума, от вскриков, не то радостных, не то горестных? Кто-то рыдал – или смеялся?

Встав в своей зарешеченной кровати, которая давно стала ей мала, Лиля робко выглянула в мир. Под потолком сияла люстра всеми огнями, переливалась хрустальными подвесками, но ее желто-сливочный свет был неприятен. За окнами едва синело, был тихий и неторопливый рассвет. Мама в красном халате, накинутом поверх рубашки, с распущенными длинными волосами обнимала какого-то мальчика, а отец стоял у дверей и смотрел в сторону. У него было отчего-то мокрое лицо и странно блстели глаза.

– Папа вернулся! – обрадовалась Лиля.

Но никто на нее даже не посмотрел, и только мать осторожно выпустила из объятий мальчика. Он был очень худ, очень угрюм и смотрел на Лилу исподлобья, пристально, настороженно.

– Это моя кровать, – не то сказал, не то спросил он. – А это, значит, моя сестра. Ну, здравствуй.

С веселым замиранием сердца, как бывало только при очень радостном чем-то, Лиля поняла, что вот этот худой, высокий мальчик и есть ее брат. Сколько она помнила, не было ни дня, чтобы мама не вспомнила о нем.

– Вот найдет отец Витюшку... – так начинала она ежевечернюю сказку, и всегда

выходило, что после этого все будет хорошо! Они будут жить долго и счастливо, они поедут к морю и, быть может, останутся там жить. В маленьком домике с белеными стенами, с душистым горошком в палисаднике, там каждый день будет как праздник! Они станут кушать фрукты, купаться в море, ходить босиком и никогда не будут ссориться или сердиться!

– А где Витя? – спрашивала Лиля маму.

– Его цыгане украли, – отвечала мать. – Он такой красивый мальчик, такой умничка... Приглянулся он цыганам, вот и увезли его с собой. Но он найдется, вот увидишь!

Есть натуры, способные жить только мечтой, только недостижимым. В единственном горячем желании сосредотачивается для них весь мир, свет клином сходится в окошке, и на зыбком песке фантазии строится замок их судьбы. Но что случится с человеком, если его невыполнимая, бессонная мечта вдруг сбудется? Не заскучает ли он – пусть не сразу, но через несколько минут или лет? Не покажется ли ему исполненное желание серым и мизерным и не примется ли он вновь тосковать о чем-то небывалом?

Тамара Павловна растерялась. Быть может, в мечтах ей виделось, что сын вернется к ней таким же, каким ушел, – крепеньким, розовым бутузом, похожим на гриб боровик? Но она не показала своего смятения, она радостно суетилась, сразу же затеяла пироги. Шибко стучала ножом по разделочной доске, кроша зеленый лук. Смеялась и ахала, слушая рассказ мужа. Он попал в маленький городок Лучегорск на самом краю света случайно, – поклонился ему в окошко кипарис, подмигнуло лазурное море, улыбнулась мельком быстроглазая путевая обходчица, и Виктор Иванович выскочил на станции, едва не забыв чемодан.

У него была уже привычная, отработанная схема. Закосневшие в черствости сердца приютских директрис таяли при виде мужественного и печального красавца, искавшего потерянного сына. Особые приметы? Да. Тонкий шрам на руке, у запястья. За полгода до исчезновения он, потянув на себя скатерть, разбил тонкий стеклянный кувшин и сильно порезался. Еще круглая родинка на лбу, по самой линии роста волос.

Эта директриса... Она приняла Виктора Орлова очень приветливо, но по первому впечатлению не понравилась ему. Царственная женщина, смотрит свысока, что немудрено при таком росте. В ее фигуре, в походке, в движениях было нечто вызывающее. Как известно, в СССР секса не было и само слово «сексуальность» было не в ходу. Слово, но не понятие. Заслуженный работник образования, дама бальзаковского возраста, она казалась вызывающе сексуальной, так что Виктор Иванович подумал сначала: «Однако!» – а потом: «И как таким детей доверяют?» Впрочем, на второй взгляд она показалась очень милой особой, простой в обращении, но...

Но взгляд ее выпуклых, темных, как сливы, южных глаз смутил Орлова. Было в них что-то неприятное и странное, так что Виктору Ивановичу припомнилось то цирковое представление, ставшее для их семьи роковым. Вспомнилось, как он метался по цирку, разыскивая сына, и как натолкнулся на клетку со львом за кулисами. Могучее животное, заключенное в неволю, выставленное на посмешище неприхотливой публике, взглянуло на неожиданного посетителя с тем же выражением. Хищный чужак, существо из другого мира, лев был безопасен. Но в глубине темной звериной души, очевидно, считал Виктора Орлова добычей. Пищей. Едой. Куском мяса. Это было неприятно.

Директриса только раз взглянула Орлову в глаза и больше не смотрела, так что знобкое впечатление скоро рассеялось. Она проводила Виктора Ивановича в столовую, откуда доносились довольно аппетитные запахи, нестройный гомон, цокот ложек. В просторном зале обедали дети, и на посетителя сразу воззрились десятки пар глаз – круглых и прищуренных, карих и голубых. Только одного взгляда он поймать не успел, мальчик сидел спиной к дверям и, едва обернувшись, негромко полуспросил:

– Папа?

Он привык к этому. Во множестве детских домов обращались к нему так дети в бесплодной надежде найти семью. Привычно, жалостно сжалось сердце – но это был он, он!

Сын сам узнал его, узнал отца, чей облик запал в детскую душу!

Его нашли на вокзале. Он смог назвать только собственное имя, но ни имен родителей, ни их фамилии, ни названия города, где он жил, из него вытянуть не удалось. Не помнил он, с кем приехал в маленький городок. Помнил какую-то тетю, он ее так и звал – тетя. И еще были люди, все очень веселые, разноцветные, галдящие. Его не обижали. Приехали, тетя дала ему яблоко и сказала побыть тут. Вот он и сидел на скамейке, яблоко уже кончилось, и стало страшно. Он заплакал, тогда пришел милиционер и забрал его. Вот и все.

Орлову удалось очень быстро разрешить все формальности, связанные с сыном. Неожиданно быстро, он-то готовился к мучительной волоките, потому и жене домой не звонил, чтобы та не переживала! Директриса Мария Тимофеевна ему во всем помогала. Она даже несколько раз побеседовала с маленьким Витей наедине – готовила его к будущей жизни в семье, так пояснила. Мальчик вроде бы и так уже был готов, но уезжал из детдома без энтузиазма. На прощание крепко-крепко обнял милую Марию Тимофеевну.

– До свидания, – сказал он ей.

– До свидания, Витюша. Может быть, мы еще увидимся...

Эти слова неприятно кольнули счастливого папашу. Прощаться надо, какое там еще свидание! Но он смолчал. Смолчал еще и потому, что в нем самом зародилось пугающее своей необоснованностью ощущение – не домой они едут, а из дома. Словно за несколько дней прикипел он сердцем к этому солнечному городку и к этому дому, где так долго жил его сын.

Дом был большой, белый, старой постройки. Здесь до революции была богатая дача какого-то буржуя. Холл украшали старинные барельефы, изображавшие историю Геро и Леандра. Но Виктор Иванович ничего об этом не знал и смотрел на невинно-фривольные сюжеты с неодобрением. Он старался думать о другом, старался развлечься, но мысли его возвращались в одну и ту же колею.

«Мы еще вернемся сюда, – думал он в полубреду, устав бороться с собой, принося горячим лбом к холодному колену мраморной статуи. – Как бы ни сложилась жизнь, нам суждено сюда вернуться. Быть может, права Тамара? Может быть, не так уж глупы были ее мечты о маленьком домике на побережье теплого моря? Да, это судьба. Судьба, что Витенька оказался именно в этом городе, судьба нам сюда вернуться. Мы еще увидим это солнце, эти кипарисы! Тут нам место».

Но дома он ничего об этом не сказал.

Радостный семейный завтрак плавно перешел в обед.

А потом праздник кончился, и начались будни. Нужно было купить Вите новую одежду, оформить в поликлинике, записать в школу. Нужно было жить, нужно было расширять семейный круг на одного человека, нужно было притираться друг к другу, привыкать заново, а это оказалось очень тяжело! Выяснилось, что Тамара Павловна совершенно не была готова к возвращению сына. Она не знала, что с ним делать, о чем говорить, как себя вести. У нее никак не получалось найти простой, естественный тон в общении с ним, и это все замечали, в том числе сам Витя и его отец. Теперь в ней проснулась пылкая любовь к дочери, она в свободное время не отходила от Лили, надышаться на нее не могла! Так и распределились роли – Лиля мамина дочка, Витя папин сын. Мужчины-то быстро поняли друг друга, гоняли вместе мяч во дворе, ходили на футбол и хоккей, у них завелись общие секреты. Даже на родительские собрания к Вите в школу всегда ходил отец. Как он гордился успехами сына! Очевидно, в детском доме было неплохо поставлено образование – Витя учился лучше всех в классе, учителя отмечали оригинальность его мышления, а ведь примите во внимание, что парнишка часто простужается и не посещает занятий!

Он был болезненный мальчик. В поликлинике говорили, что это из-за смены климатического пояса, потерпите, ребенок акклиматизируется! С него сошел горячий южный загар, он стал совсем бледным, с легкими тенями под глазами, с неприятно-синюшным оттенком губ. Прошло два года, три, а он все не акклиматизировался, малейший сквозняк

грозил ему насморком, чуть промочил ноги – и готово, ОРЗ! Любая зараза липла к нему, и Лилька, конечно, тоже цепляла от брата микробов, поэтому из детской его пришлось перевести в кабинет к отцу.

Однажды Витенька набегался на физкультуре, взмок, выбежал на улицу, и вот вам готово воспаление легких! Его положили в больницу, и Тамаре Павловне сразу показалось, что в квартире стало просторнее, словно этот худой серьезный мальчик занимал слишком много места, слишком много застил света и вдыхал воздуха. Присутствие сына влияло на нее плохо. Она постарела и подурнела, научилась курить и коротко остригла свои темные выющиеся волосы.

Она была разумная женщина и понимала, что должна любить сына. Но любить отчего-то не получалось. Она не верила в мистику, поэтому искала обоснования этой нелюбви в области реального. И нашла, но молчала до поры до времени. Пора пришла, когда Витю выписали из больницы.

Он долеживал в отцовском кабинете, и Тамара ревниво прислушивалась к доносившимся оттуда звукам. Отец и сын разговаривали и смеялись. Раскатистый смех Виктора Ивановича, неприятный, кашляющий смешок Вити...

– О чем это вы? – поинтересовалась она поздно вечером, умащая лицо кремом и глядя через зеркало на мужа.

Тот уже лежал, закинув руки за голову и чему-то улыбаясь.

– Мы мечтали, – коротко ответил тот.

Тамара промолчала, и он продолжил:

– Витя сказал – он очень бы хотел вернуться в Лучегорск.

– В детский дом? – Тамара повернулась к мужу так стремительно, что легкая ночная рубашка вздулась и опала, словно парашют.

– Почему в детдом? Мы могли бы поехать туда все вместе. Жить. Там тепло, там черешни...

– Об этом не может быть и речи!

Она схватила щетку для волос и принялась причесываться так яростно, будто хотела стряхнуть с себя все бредовые фантазии. Теплое море, маленький домик с белеными стенами, как же! Что это им в голову взбрело?

– Ты же сама хотела. Тогда, раньше...

– Мало ли что!

Разговор был окончен, свет потушен, короткая программа супружеских ласк выполнена. И только потом, в темноте, лежа на горячем предплечье засыпающего мужа, Тамара высказала томящую ее мысль.

– Виктор?

– Мм?

– А ты уверен, что это наш сын?

– А? Что?

– Ты уверен, что это он? Что ты не привез другого ребенка?

– Что это тебе в голову взбрело?

– Он такой странный...

– Он похож на меня.

– Ни капли не похож.

– А особые приметы?

– Шрам? Родинка? Мы даже не помнили, какой длины этот шрам. И потом, у Витюшки была темная родинка, а у этого светлая. И похожа на бородавку.

– Она могла посветлеть.

– Ты мог ошибиться!

– Тамара! О чем мы вообще говорим? Думаешь, я не вижу, что происходит? Ты не можешь найти подхода к мальчику, вот и валишь с больной головы на здоровую! Предоставь тогда его воспитание мне!

– Да пожалуйста!

– Да спасибо!

Они заснули, отвернувшись друг от друга, и утром оба встали не с той ноги. Семейная ссора прекратилась, но не погасла, угольки ехидно подмигивали из-под серой золы будней и время от времени вспыхивали вновь. Супруги припомнили друг другу все старые обиды и огорчения. Тамара попрекала мужа его былыми любовными похождениями. Тот высказал версию, что в свое время она нарочно забеременела, чтобы его «подцепить», потому что иначе он бы ни за что не женился на такой кикиморе! В пылу семейных баталий Тамаре стало не до дочери, а вот отец с сыном, напротив, сблизились еще больше.

Русская пословица гласит: бабы любят рожденного, мужики – хоженного. То есть женщине суждено любить то дитя, которое она выносила и родила, а мужчине – то, за которым он ухаживает, «ходит» то есть. Подтверждение этому можно найти в сказках всех народов мира. Злые мачехи встречаются куда чаще злых отчимов. Стоило Тамаре Павловне допустить мысль о том, что Витя – не ее сын, как она утратила последние крохи любви к нему.

Кроме того, она его побаивалась. Он пугал ее слишком взрослой манерой поведения и речи. Сдержанностью, которая казалась странной в подростке его возраста. Чистоплотностью, которая выглядела еще более странной. Мальчишки – они ведь вечно ободранные, с синяками и шишками, в обшарпанных ботинках, все на них горит, и уши их чистить не заставишь! А этот два раза в день моется, зубы чистит по часу, сам драит свои ботинки, и носовой платок ему каждое утро свежий подай, рубашек не настираешься! «Пожалуйста» да «спасибо»! Это робот какой-то, а не ребенок!

Электричество скапливалось в воздухе, как перед грозой, и однажды грянул гром.

В тот день супруги задержались на работе. Ресторан «Ли́ра» накрывал грандиознейший банкет для директора какого-то крупного завода. Ворюга-директор отмечал юбилей, требовал, чтобы все было по высшему классу, и говаривал Виктору Ивановичу в манере Кнурова из «Бесприданницы»:

– За излишки не спрошу, а вот за недостаток ответишь!

Вот и вышло, что дети остались дома одни дожидаться мамы и папы. Такое случалось и раньше, брат и сестра обычно находили чем заняться, хотя особой дружбы между ними не было. Возвращаясь домой, Тамара Павловна и Виктор Иванович чаще всего заставляли детей в разных углах. Витя читал, Лиля возилась с куклами. Порой они рисовали вместе, иногда мальчик даже укладывал Лилю спать, даже сказку ей на ночь рассказывал.

Банкет кончился за полночь. Тамара два раза звонила домой, и эти звонки ее успокоили. В первый раз трубку взяла Лиля, сказала, что все хорошо, они поужинали, Витя читает книжку, она играет. Во второй раз Витя подошел. Опять – все хорошо, Лиля уже легла, он смотрит кино про Жеглова и Шарапова. Получив от матери строгий наказ немедленно выключить телевизор и ложиться спать, мальчик сказал «конечно, мама, до свидания, мама» и трубку положил.

Окна квартиры были темны, дети спали. Но, едва повернув ключ в замке, Тамара Павловна насторожилась. Из детской раздавались странные звуки, словно кутенок скулил.

Лиля не спала. Она накрылась одеялом с головой, виднелся только краешек ее цыплячье-желтой пижамки. И плакала так тихо, так безнадежно, словно вся радость в жизни для нее закончилась.

– Доченька моя, что с тобой? Кто тебя обидел?

Насилу ее удалось утешить, а после допроса с пристрастием выяснилось – Витя рассказал сестре на ночь сказку. Только сказка эта была очень страшная, такая страшная, что девочка не смогла заснуть и даже боялась встать, чтобы включить свет. И такое случается уже не в первый раз, он все время рассказывает ей всякие жуткие истории, когда родителей нет дома!

Казалось бы, что тут такого? Дети часто рассказывают друг другу «страшилки». Про красную руку или гроб на колесиках. А пиковая дама? А «бегут-бегут по стенке зеленые глаза»? Кто их не слышал? Психика детей мобильна, они быстро забывают свой страх, чтобы

вспомнить его потом, через пару-тройку десятков лет. Но тогда «страшилки» будут зваться: Бедность, Болезнь, Одиночество... Только Тамара Павловна ничего об этом не знала или не хотела знать. Еле сдерживаясь, она уложила дочь, успокоила ее, убаюкала. А потом... Нет, она не сделала скандала. Исключительно спокойно, удивительно холодно говорила она с мужем, и тот с удивлением понял, что винит Тамара прежде всего себя.

– Я проявила преступное легкомыслие. Я пустила в свой дом постороннего ребенка, не узнав ничего о его рождении, о его прошлом. Быть может, это сын алкоголиков. У него нарушена психика. Я давно замечала, прочитала даже специальную литературу. Ты видел его рисунки? Это что-то болезненное...

– Бог с тобой, дорогая, все мальчишки рисуют войну, оружие...

– Он рисует смерть. Черный и красный карандаши сточены до огрызков. А голубой и желтый он не использует вообще. Теперь вот эти истории... Ах, как я была глупа, что оставляла их с Лилечкой наедине! Кто знает, какое зло он мог ей причинить? Или уже причинил? Я слышала, в этих детских домах происходят ужасные вещи, он может быть испорчен, развращен... Завтра я поведу девочку к врачу. И этому ребенку тоже нужно пройти обследование у психиатра. Быть может, он нуждается в клиническом лечении. В общем, будем решать, что с ним делать.

– С нами.

– А?

– Я хочу сказать, нужно решить, что делать с нами. Тамара, я предлагаю тебе развод. Квартира останется тебе... Мы с Витей уедем.

Они сидели на кухне, медленно стыл в чашках янтарный чай, дымилась в пепельнице сигарета. Такая это была уютная кухня – вся беленькая, а занавески красные в белый горошек и скатерть такая же! И вот теперь именно здесь, на этой кухне, рушится семья, ломается жизнь...

– И ты готов на это ради мальчишки? Бросить меня и Лилу? Уехать невесть куда, все оставить?

– Он мой сын.

– Скажи, а ты думал об этом тогда, когда бросил меня с Витенькой на руках? Когда ушел к Вальке своей, оторве?

– Молодой был, дурак, не понимал. Сейчас понял.

– Ну а я сейчас не понимаю!

И долго, долго еще сидели они молча, и нарушали тишину только шум дождя за окном да привычное тиканье часов. Ничего уже не будет, как прежде, все знакомое, привычное, теплое рухнет в одночасье. Все изменится, все забудется, и только через много лет, встав ночью попить воды, остановишься на пороге темной кухни, зажмуришься от внезапной горечи. Так же дождь идет, так же тикают часы, а жизнь-то уже и прошла...

Тамара Павловна отказалась от алиментов. Думала она тогда о собственной гордости, не о дочери. А вышло так, что и достоинство соблюла, и Лиля в обиде не осталась. Виктор, судя по всему, неплохо пристроился на новом месте, сразу стал посылать деньги, и очень кстати. После отъезда мужа ей пришлось перейти в другой ресторан, классом пониже. В «Лире» новый директор сел, свою повариху пристроил.

Писем муж не писал, о младшем Викторе ничего не было слышно. Личной жизни у Тамары Павловны не было, мужиков она остерегалась. Решила посвятить себя воспитанию дочери, но как-то так вышло, что посвятила работе. А потом времена стали меняться, пошли сокращения, начались трудности. Лилька учится плохо, ползет на троечках, а помочь ей Тамара не может, всю школьную премудрость перезабыла. Быть может, чтобы удержаться на плаву, попробует она открыть свой бизнес – кооперативное кафе, к примеру. Не до девчонки будет. Тут еще и мать пишет – болеет, трудно ей одной. Пришла счастливая мысль отправить девочку к бабушке. На время, конечно. А время долгим оказалось...

Глава 6

Утро началось с дождя. Небо было сплошь серым, ни капли синевы, ни одного просвета не виднелось на горизонте. Лиля любила дождь, любила работать под его тихую песенку, любила гулять в непогоду. У них с Егором были одинаковые желтые дождевички, и резиновые сапожки, и яркие зонтики. А на улице все такие хмурые, спешат, поднимают воротники... Экая беда – немного воды с неба! А они вот знай себе шлепают по лужам и поют свою любимую песенку из старого мультфильма:

Небо тучей хмурится, хмурится, хмурится,
Скоро грянет гром, скоро грянет гром.
Дождь пойдет по улице, улице, улице,
С жестяным ведром, с жестяным ведром.

Застучат по донышку, донышку, донышку
Капельки воды, капельки воды,
Тоненькие горлышки, горлышки, горлышки,
Вытянут цветы, вытянут цветы...

Такая это была чудесная песенка, словно придуманная самим дождем! Егорушка очень старательно пел, нежно выводил: «го-орлышки»...

У кота под лесенкой, лесенкой, лесенкой
Загорится свет, загорится свет.
Жаль, у нашей песенки, песенки, песенки
Продолженья нет, продолженья нет...

Этого кота всегда было невыносимо жалко! Лиля представляла, как он, умильный, мультяшный, сидит в полутьме, подперши щеку лапкой, и смотрит на огонек свечи, а мордочка у него грустная и смешная. «Лесенка» – это, должно быть, крылечко деревенское, в щелочках все, в пазах, сквозь них падают редкие дождевые капельки, прямо коту на нос. Егор тоже огорчился, что «продолженья нет», и приходилось заводить песенку заново. Они всю дорогу до остановки пели, и в троллейбусе тоже! Тихонько, конечно. Но на них все равно обращали внимание – доброжелательное и не очень. И Лиле даже казалось, что некоторые люди им чуточку завидуют...

Над вокзалом висел угарный запах угля и железа, еще больше усилившийся от влажности. Воздух был густым и плотным и казался каким-то войлочным. Поезд, естественно, опаздывал. Они с Егором рассмотрели все безделушки в киосках, купили модный журнал, приобрели за чем-то ядовито-розовое чудище-юдище на веревочке. Если за веревочку дернуть, косматый монстр отзывался пронзительным «бздынннь». Что этот звук означал, выяснить не удалось, как и породу монстра, но Егор был от него в полном восторге, и Лиля смирилась. «Ксилофон у нас уже есть, барабан имеется, семь бед – один ответ...»

– Пойдем, маленький, на платформу. Скоро поезд придет, посмотрим, как он приезжает. Поезд, ту-ту-у-у!

Егор одобрительно заворковал, розовый монстр сказал свое веское слово, и они пошли. Лиля покривила душой – поезд пока не объявляли, но шататься дальше у ларьков было бы просто разорительно!

Платформа пустовала, встречающие попрятались под крышей вокзала. Вокзал гудел, тяжело дышал и шевелился, как огромный усталый зверь. А еще он вздыхал. Лиля встала у какого-то столба, прижала к себе Егорку и стала в доступных выражениях описывать ему окружающий пейзаж:

– Это рельсы. Поезд придет по ним, как на твоей игрушечной железной дороге. А вон часы, видишь, зелененьким светят. А вон мост. Скажи: «мост»! Правильно, хорошо. А вон

ходит ворона. Видишь ворону? Как ворона каркает?

– Ворона – кар-кар! – объявил Егор, а Лиля вздрогнула.

Заглядевшись на ворону, очень бойкую и деловитую, она не заметила, что рядом кое-кто появился.

Это была цыганка. Вообще, на вокзале их водилось великое множество. Тут вещевой рынок рядом, знаменитая дешевизной и веселой толчеей вокзальная «блошка»! На рынке цыганки торгуют тюлем, мужскими трико и копеечными свитерками, на вокзале так, подвизаются. Они всегда ходят стайками – пестро наряженные, шумные, странно сочетающие в себе нахрапистость и смирение. Лиля, насмотревшаяся по телевизору «страшных» передач о цыганском гипнозе, привычно сторонилась их говорливого общества. И вот тебе – совсем молодая смугляночка, стоит и смотрит на Лилю, слегка прищурившись. К ее тафтяной юбке переливчато-павлиньей расцветки жметесь цыганенок, по виду – Егорке ровесник. Очень хорошенький мальчуган, успела заметить Лиля. Черты лица такие правильные, глаза живые, сообразительные. Одет он словно для праздника 1 сентября – в отутуженные черные брючки и белоснежную рубашку, блестят остроносые штиблеты. А цыганочка-то, батюшки, босиком! Топчется узкими ступнями в луже. Бр-р-р!

Лиля мягко подтолкнула Егорушку в спину. Нужно уйти от греха подальше обратно в здание вокзала. У Лили с собой деньги, немного, но ведь и их жалко будет в случае чего! А цыганка времени зря не теряет – уставилась, смотрит блестящими глазами, наклоняет голову в оранжевом платке, подходит бочком, что та ворона. Гипнотизирует, должно быть...

– Не бойся, мамочка, – сказала хрипло, будто прокаркала. – Я тебя не обижу, мне за это грех будет. У тебя сыночек, у меня тоже сыночек. Не уходи, я тебе одно хорошенькое словечко скажу.

И Лиля осталась, словно к месту приросла.

– У меня сыночек красивый, умный, пляшет, песни поет, – продолжала цыганка. – А у тебя хворый, убогий. Какая от него тебе радость? Давай с тобой меняться по-честному. Бери моего Васянюку, сама любуйся, перед людьми хвались. А я твоего сына возьму, мне от людей жалость будет. Поменяемся?

Лиля помотала головой, на это только ее и хватило.

– Что так? – искренне огорчилась ехидная цыганка. – Не хочешь? Или любишь его? Такого, ни к чему не пригодного?

– Люблю, – прошептала Лиля.

Егор притих, прижался к ней.

– Люблю.

– Ай молодец, мамочка! Ай умница, красавица! Порадовала ты меня! Люби, люби, никому не отдавай его, не то всем нам большая беда будет! Ты меня слушай, я тебе правду говорю! Позолоти ручку, а я тебе подарок дам. Нужная тебе вещь, очень нужная!

Сморщившись от усилий, смирившись с неизбежным, Лиля полезла в карман и негнушимися пальцами достала сторублевку.

– Хорошо благодаришь, золотая! – обрадовалась цыганка. – Ну-ка...

Она протянула к Лиле руку, и на ее розовой обезьяньей ладошке Лиля углядела что-то... Что это было? Желтое что-то, вроде бы даже золотое, тоненькое да острое... Игла?

– Давай руку, не бойся, мамочка, я тебе дурного не желаю... *Ты должна сшить!*

Купюра исчезает, и тут же Лиля чувствует мгновенный болезненный укол в ладонь, от которого реальность возвращается к ней, а она – к реальности. Егорка тянет мать за полу дождевика:

– Ма-ам... Ма-ма!

Дождь почти перестал. Перрон быстро заполняется встречающими. Ворона поодаль увлеченно расклеивает половинку чебурека, на Лилю и не глядит. А босоногой цыганки с мальчиком нигде не видно. Лиля поднесла ладонь к глазам, но не заметила ни ранки, ни следа укола. Значит, показалось. Чудно...

Тут жеманный женский голос, проглатывая, как водится, звуки, объявил, наконец,

прибытие поезда, и Лиля забыла о странной встрече. Поезд подполз неторопливо, сонные проводники опускали подножки, а толпа встречающих выражала законное нетерпение. Егора и Лилю совсем оттерли. Первому же пассажиру, из вагона вышедшему, прыгнула на шею деваха в мини-шортиках и сверкающем топе. Принялась визжать, целовать, обнимать – да так удачно, что перегородила выход остальным. Насилу их оттеснили, парочка продолжила лобзаться в стороне, причем приехавший парень успел с достоинством закурить. Хорош кавалер!

– Егор, смотри бабулю! Мама твоя зазевалась, глазеет по сторонам...

Разве он увидит тут бабушку, даже если и помнит, как она выглядит! Все встречаются, обнимаются, толкают локтями и баулами, отмахивают назойливых таксистов! Но вот толпа чуть рассосалась, и Лиля увидела мать. Высокая, подтянутая, в бело-розовом костюме (недешевая вещь, сразу видно, но все же косит на юбке шовчик, и выточки у пиджачка плохо заложены!), она вышла из вагона, растерянно оглядываясь, а под локоть ее держал высокий мужчина. Крепко держал, будто опасался, что она убежит. Мелькнуло соображение – мама приехала с кавалером. Неужели? Такой молодой, загорелый, с очень светлыми, словно выгоревшими волосами... Гладкий лоб, белые зубы, смеющиеся глаза...

– Лилька! – крикнул и раскрыл объятия. Широкошироко, словно хотел обхватить не только Лилю и Егорку, но и весь перрон, и целый мир.

– Виктор?

Да, конечно. Высокий, загорелый, красавец мужчина был Лилиным родным братом Витькой. А не виделись они, позвольте... Пять, десять... Пятнадцать лет? Небывалое что-то...

– Дядя, – уверенно сказал Егор. Откуда ему было знать?

* * *

Вот ведь какая странность – сколько лет не виделись брат с сестрой, а сразу же, еще до дому не добравшись, почувствовали друг друга близкими людьми. Мать словно бы ступевалась, отошла в сторонку. Вела за руку Егора и ворковала с ним. Лиля спохватывалась, оборачивалась, – мама улыбалась ей и снова наклонялась к внуку. От этого становилось теплее на сердце. Милая мама, какая она красивая! Она нисколько, ни капельки не постарела! У нее кожа как у молодой девушки, весело блестят глаза, фигурка такая ладная... Но все же с возрастом, очевидно, в ней проснулась нежность к своему потомству, она наконец почувствовала себя бабушкой.

Истинная причина такой перемены выяснилась немного позже. Уже отобедали, пили чай в гостинной, и Лиля, не удержавшись, спросила:

– Мама, Витя... Как же вы приехали вместе? И... Как там папа?

Многие годы это слово было под запретом. Мама раздражалась, когда Лиля вспоминала отца, начинала хмуриться, высказывать предположения, что дочери было бы лучше с ним. Но теперь, если Виктор приехал, наверное, можно?

– Папа наш здорово постарел, но все еще молодец, держится. Он на покое, пристрастился к рыбалке. Ждет тебя с Егоркой в гости, мечтает увидеть внука, планирует, как будут вместе рыбачить... Поехать не смог, здоровье не позволяет. Вот фотографии...

Толстенькая стопочка фотографий легла на вышитую скатерть, но прежде, чем Лиля протянула руку, Виктор поинтересовался лукаво:

– А что же обо мне не спросишь? – Не дожидаясь ответа, он начал: – Я же теперь директор. Да-да, сестренка дорогая, директор консервного завода. Ставридка в масле, бычок в томате, можешь меня так и называть!

– Витька! Директор! – с удовольствием ахала Лиля.

– Женат-с, да. Жена, Лиза, красавица. Детишки-двойняшки, Анька и Алька! То бишь Анна и Алевтина, Егорке ровесники. Так что ты теперь тетя Лиля! Рада?

Лиля рассматривала яркие картинки его жизни – словно вырезанные из глянцевых

журналов! У него и в самом деле прекрасный дом, уютный, легкий, как пирожное безе, коттедж. Загорелая стройная жена, море, солнце, яркие зонтики на пляже, сахарная мякоть арбуза на садовом столике, веселые детские рожицы, перепачканные розовым соком!

– Чудесная какая жизнь, – вполголоса произнесла Лиля. – Как в раю.

– Рай на земле, сестренка! Вот и хочу я тебе сделать предложение, от которого ты не сможешь отказаться! Мы все собираемся... И едем ко мне!

– В гости? Ой, я бы с удовольствием! Вот подкоплю денегжат...

– Ни-ни, о деньгах не слова! Лилушонок, я же состоятельный человек! И зову тебя не в гости, а насовсем. Я так думаю: в гости когда-когда соберешься, а навсегда – собрались да поехали, верно? Дом огромный, всем места хватит, и тебе, и Егорке, и маме. Ну? Решено?

– Подожди, не торопи меня. Это нужно обдумать, – смущенно пробормотала Лиля, прижала пальцы к правому виску, в котором словно иголочкой кольнуло. Слишком это внезапно, слишком хорошо! Словно сбылись самые рискованные мечты. Но под медовым гляncем нового счастья наверняка таятся ядовитые жала, и надо подумать – готова ли она к встрече с ними? Какова цена и готова ли она платить?

За все в жизни нужно платить – эту несложную истину Лиле пришлось усвоить накрепко.

К тому же ее сильно беспокоило поведение матери.

Она вела себя... По меньшей мере, странно.

Мама навещала бабушку и Лилу, а потом только Лилу, а потом Лилу и Егорку – раз в год. И все время визита она оставалась... чужой. Более даже чужой, чем была в Лилиных мыслях и воспоминаниях. Она словно витала где-то. Где-то? Известно где. Вокруг своего ресторанчика. Яркая, но элегантная вывеска, зал в бело-розовых тонах, сверкающая кухня, упитанные поварахи, истерзанные диетой официантки и, наконец, собственный крошечный кабинет, где на столе стоит большая фотография пятнадцатилетней Лили в рамке сердечком. Вся композиция как бы говорит: «Я бизнес-леди, что есть, то есть. Но в моем сердце только дочь, все ради нее и для нее».

На самом же деле мама обращалась с Лилей скорее прохладно и частенько-таки давала знать, что дочь не выполнила возложенных на нее надежд, обманула материнские упования. Она выбрала для себя роль домашней клушки, ей никогда не взлететь, расправив крылья! Что ж, каждому свое. И Тамара спокойно смотрела, как Лиля моет посуду, убирает, стирает. Никогда не предлагала помощи, предоставляя Лиле возиться с тряпками, и только иногда вставала к плите. Поразив воображение домашних фаршированной шукой или острейшим лобом, она вновь улетаала в горние сферы ресторанного бизнеса. Вымыть за собой посуду, протереть заляпанную плиту Тамаре Павловне просто не приходило в голову.

Лиля не обижалась на мать, ей было не в тягость прибраться лишний раз.

Но сейчас все было иначе. Обращалась к дочери ласково-преласково, хотя раньше чуралась нежных слов и презирала уменьшительные суффиксы. Едва только перешагнув порог родного дома, едва переодевшись и умывшись с дороги, Тамара Павловна кинулась помогать дочери. Она разогрела кушанья, заварила чай, красиво разложила на блюде пирожные. Она хваталась за любое подвернувшееся дело. И из-за обеденного стола вскочила первая, хотя раньше любила посидеть подольше, попивая остывший чай, кроша сдобное печенье. Убрала остатки трапезы, снова подогрела чайник и принялась мыть посуду – до Лили доносился с кухни тихий перезвон тонкого фарфора, плеск воды.

– Лиль, ты не заснула?

– А? Нет, все в порядке. Извини. А как же ты надумал приехать к матери? Вы же... Мы же...

– Давно не виделись, да. Так получилось, Лилик. Мама сама нам написала.

– Как?

– Очень просто. Думаю, тебе стоит сразу все рассказать. Видишь ли, она обнаружила у себя онкологическое заболевание.

У Лили голова пошла кругом.

– То есть?

– Ох, прости. Я тебя напугал. Никакой болезни не было. Рак существовал только в мамином воображении.

– Продолжай.

– Она написала отцу.

– А почему не мне? Непонятно...

– По-моему, все ясно. Ты, Лилик, уж извини, одинокая женщина с ребенком. У тебя заботы, хлопоты, расходы, тяжелая работа. Ты бы могла только переживать за маму, но не помочь ей. В том случае, разумеется, если бы эта болезнь оказалась реально существующей. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Но мама просто не хотела тебя волновать. Она знала, что мы с отцом никогда не бедствовали, и обратилась к нам ради тебя.

– Вот как? – Лиля произнесла эти слова чуть прохладнее, чем бы ей хотелось.

– Да! – с вызовом ответил брат. – Она была уверена в своей близкой кончине и просила, чтобы мы поддержали тебя после ее смерти. Разумеется, мы сразу почувствовали неладное, и я выехал к ней. Мы прошлись по врачам. Никаких признаков опухоли. Но мама продолжала твердить, что знает о своей болезни, что чувствует, как метастазы распространяются по ее телу. Пришлось навестить психиатра. Месяц интенсивной терапии дал удивительные результаты. Я достал один препарат... В общем, она полностью излечилась. Но личность ее все же претерпела кое-какие изменения – ты, наверное, уже заметила. Может, это к лучшему? Тс-с!

Вошла Тамара Павловна – бойкая, веселая, с доброй, простоватой улыбочкой. Раньше улыбалась редко, высоко ценя силу своей улыбки. Еще в юности нашла себе эталон, французскую актрису Симону Сеньоре, и научилась у нее томно улыбаться краешками полных подкрашенных губ.

– Сплетничаете? Шепчетесь? Может, вам, молодежь, пойти погулять?

– Мам, к Егорке сегодня массажистка должна прийти...

– Тем лучше. Вот я и познакомлюсь с массажисткой, проведу побольше времени наедине с внуком. А вы пройдитесь, благо погода разгулялась...

– И теперь? – спросила Лиля, когда они вышли из темного подъезда в галдящий мокрый, умытый недавним дождем, а теперь еще и обласканный солнечными лучами сквер.

– Теперь я не хочу, чтобы мы расставались. Пришла пора возродить семью, – торжественно объявил ее вновь обретенный брат.

– Ты так смешно говоришь... Как в бразильских сериалах. Много лет спустя героиня обретает семью. Вить, у меня ведь своя жизнь. Почему ты так уверен, что я захочу ее бросить?

Виктор пожал плечами – легкий, насмешливый жест. Но Лиля видела, что брат уязвлен... Сильнее, чем она могла бы предположить; больше, чем хотел бы показать. Он прищурился, словно от внезапной зубной боли, и с шумом втянул в себя воздух. Лиля поймала его взгляд, и ей вдруг стало как-то не по себе.

Его глаза...

Она не помнила их цвета. Слишком мало времени Лиля жила с братом под одной крышей. Но, обняв его на вокзале, она заглянула ему в глаза и увидела, что они серые. Цвет графита, цвет асфальта, цвет грозовой тучи. Она позавидовала насыщенному оттенку и блеску этих глаз, у нее самой они были невыразительные, банальные, серо-зеленые.

Но теперь...

Она могла бы поклясться – на мгновение глаза Виктора изменили цвет. В ту секунду, когда он, заложив руки в карманы и независимо вздернув плечи, посмотрел на нее искоса, его глаза стали... желтыми.

Желтыми, как песок в пустыне.

Это, пожалуй, слишком. Чересчур много событий для одного дня, вот и мерещится всякая чепуха.

– Я слишком резко тебе ответила. Извини.

– Ничего, Лилик. Я сам виноват. Приехал на белом коне – здравствуйте, я ваш братец, любите меня! Тебе нужно ко мне привыкнуть. Все обдумать. Ведь так?

«Он даже охрип от обиды, – подумала Лиля. – Конечно, про глаза – это моя фантазия. Изменившийся голос – реальность. Он стал более тихим и вроде бы как шершавым, словно горло у него першит...»

От песка?

– И потом, ты знаешь, у Егорки очень слабое здоровье.

– Тем более! У нас же всесоюзная здравница, ты помнишь! Санатории! Врачи! Воздух! Морские купания! Сто лет прожить можно. Знаешь, у нас больных вообще нет, а умирают только те, кому жить надоело. Я тебе серьезно говорю.

– Все же перемена климата. Нужно посоветоваться с врачом...

Беспокойную тему на этом закрыли, заговорили о другом. Но остался беспокойный пульс в виске: тук-тук. Тревога стучалась в душу, и к ней присоединилось еще покалывание в ладони, куда уколола цыганка. Лиля несколько раз на ладонь украдкой посматривала, боялась. Так нарыв обычно пульсирует, нагнаивается. Но ладонь была чистой. Виктор обратил внимание, спросил:

– Что там у тебя?

– Представляешь, сегодня... – слово за слово, рассказала про цыганку.

Брат посерьезнел.

– Мразь, – прошептал одними губами. И коротко выругался черным словом.

Лиля удивилась:

– Ви-итя, что за выражения?

– Извини. Не люблю их. Сволочная порода. Предательская.

Кого цыгане предали? Что за обида была у брата на душе, что за камень? Неужели с тех давних пор, когда, как рассказывала мама, его, маленького, украли цыгане? Лиля не стала выяснять: и без того слишком много подводных камней, слишком длинны многоточия недосказанностей, слишком тяжелы паузы. И не хочется лишних неурядиц. И ноги к тому же промокли – вышла в легких парусиновых тапочках, пора домой. Уже свечерело, огни зажглись. Лиля подняла голову посмотреть на окна своей квартиры и увидела мать. Помахала ей рукой, но та не ответила...

Глава 7

Тамара Павловна знала о своей болезни до того, как прошла обследование, до того, как вошла в кабинет, где ее ожидал сдержанно-суровый врач, до того, как он заговорил. Но знание это было размытым, расплывчатым, нестрашным. Были у нее боли, чаще наваливалась ватным одеялом душная усталость. Что ж, со всеми бывает. Люди болеют, лечатся, выздоравливают, потом, бывает, заболевают снова. Смерть? Нет, смерть – это не то, что случается с нами. Всегда умирает кто-то другой, чужой, далекий. Она примерила к себе смерть в ту секунду, когда на вопрос врача о родственниках ответила сразу пересохшими губами:

– Дочь... И сын.

«Почему я? За что это мне? Что я такого сделал?» – вот первое, о чем думает человек, узнавший о своей болезни, узнавший о том, что болезнь эта смертельна и вот-вот будет ему выписан билет в один конец. Тамара Павловна не являлась исключением. Не бывает атеистов в окопах под огнем, не бывает атеистов на одре болезни. Разве что Вольтер да Барков, но то были известные охальники.

«Дочь и сын» – это был не только ответ на вопрос врача о родственниках, это был еще и ответ на внутренний вопрос: «За что?» Вот именно, за это. За то, что мало заботилась о своих детях, была, что уж там кривить душой, дурной матерью. Отказалась от сына, опасаясь взрастить в своей семье чужака, подкидыша. Да будь он даже подкидышем, что с того? Убытку бы не было, а только прибыток – доброе дело не пропало бы, легло на чашу

незримых весов и причлось бы потом...

А дочка, Лилечка? Зачем она так поступила с ней? Чем была занята, о чем думала ее голова? Все не о том, не о том! В результате девочка не получила толком образования, не смогла найти себя в жизни и теперь, конечно, ненавидит свою кукушку-мать. Нет, она не может ненавидеть, у нее не хватит для этого воли. Не важно, не важно! Не важно, какая она, дочь. Сейчас все дело в Тамаре, в ее материнском долге, который она не смогла или не захотела исполнить, и теперь несет за это заслуженную кару. Мало того, она по уши погрязла в грехе прелюбодеяния!

Разумеется, Тамара Павловна не за монастырскими стенами жила все эти годы. Она женщина яркая, интересная, осталась привлекательной даже в балзаковском возрасте и на недостаток мужского внимания жаловаться не могла. Она отошла от развода, стала интересоваться противоположным полом. Случались у нее короткие и долгие романы, пару раз ее звали замуж, но Тамара отказывала. Еще чего не хватало – поступиться своей свободой ради сомнительного удовольствия слушать храп мужа по ночам да стирать его носки! Она даже не позволяла своим кавалерам оставаться ночевать, выставляла за дверь в любое время дня и ночи. Сделал дело, гуляй смело!

Но последняя пассия Тамары Павловны все же немного отличалась от предыдущих. Во-первых, это был настоящий служебный роман. К тому же служебный роман с подчиненным! А во-вторых, у официанта Валентина, милого Валечки, были мускулы пантеры и лицо херувима, к тому же он был моложе Тамары Павловны на... Ну ладно, скажем так – годился ей в сыновья. А в-третьих... Он был первой страстью стремительно стареющей женщины. С ним она впервые узнала радость плотской любви, и радость эта оказалась для нее с привкусом горечи. Сколько лет потрачено впустую, сколько ночей прошло одиноко, сколько скучных и бездарных любовников побывало проездом в ее жизни, прежде чем она повстречала Валечку, такого ласкового, такого внимательного!

Тамара, при всех ее недостатках, была женщина разумная. Она понимала, что еще немного – и она не сможет удержать при себе молодого любовника. Валентин такой красавец, такой мужественный, на него заглядываются девушки. Уведет какая-нибудь юная свистулька парня, того и жди! Поэтому постаралась привязать к себе Валентина не только любовными ненадежными узами. Тамара Павловна при любом случае намекала возлюбленному, что со временем сделает его партнером в своем небольшом, но крепко налаженном деле... Быть может, она сама развратила изначально бескорыстного молодого человека этими посулами, кто знает?

Разумеется, со своей бедой Тамара Павловна прежде всего пошла к нему, самому близкому человеку. Это было ошибкой. От страха перед надвигающейся бедой, перед неминуемой болью и угрожающе близкой смертью она потеряла не только голову. Она потеряла лицо.

Валентин растерялся. Возлюбленная всегда представляла перед ним бодрой, деловитой, ухоженной и подтянутой. Он никогда не просыпался с ней рядом поутру, поэтому с трудом представлял, как его начальница-любовница выглядит без прически и без макияжа. Она никогда не изменяла своему сдержанно-ироническому имиджу. А тут вдруг на руках у молодого человека оказывается всхлипывающая, косматая старуха с нелепо расплывшимся по щекам макияжем!

О нет, он не содрогнулся, не пустился наутек! Он показал себя с лучшей стороны. Узнав, в чем дело, Валентин принялся утешать Тамару, гладил ее по голове, уверял, что медицина нынче делает чудеса, что операция наверняка ей поможет, а он, да-да, будет любить ее точно так же и ни капельки меньше! И закончил он свой отрывистый монолог предложением руки и сердца!

– Тамара... выходи за меня замуж!

Не было цветов, не горели свечи. Никто не откупорил шампанского. Не случилось у пылкого влюбленного кольца с бриллиантом в кармане пиджака. Но это было самое настоящее предложение, и Тамара Павловна взглянула в лицо жениху с нежностью и

благодарностью.

В лицо, да. И впервые ей показалось, что лицо-то у Валентина довольно неприятное. Подкачал он тут, подкачал. Не смог удержать нужного выражения. Не отыскал в тайниках соответствующей маски. И все, что он хотел скрыть, все на его лице в ту минуту отразилось. Не актер он был и не шпион. А кто?

А просто молодой человек из провинциального города. Красивый, ничего не скажешь. Так ведь с лица не воду пить! Талантами никакими не обладал – если только умение нравиться женщинам не считать талантом. Где-то вроде учился, да так и не выучился. Вся родня говорила: ну что за занятие, официант! Позор, а не работа! А ему нравилось. Что родственники понимают, батя вон столько лет ишачил на комбинате, а толку? Ни денег, ни почета, молчал бы уж в тряпочку! Он, Валентин, поумнее, поспортивнее будет. Втюрилась в него по уши начальница, видная баба в соку, так он разве растерялся? Не стал от своего счастья бегать, не стал и жадничать.

Бросил лапочку Шурочку, с которой дружил еще со школы. Обе семьи их давно сосватали, скандал вышел. Да они ж, идиоты, не понимают, что никак нельзя им было с Шуркой жениться! У него – мать, отец, дедка, да он сам в двухкомнатной квартире. У Шурочки – мать с отцом, да она, да сеструха малолетняя на такой же площади. Где они жить-то будут? Снимать квартиру? А на какие шиши? А дети пойдут? Ну что это будет за жизнь? Пусть уж Шурка подыщет себе жениха побогаче, с ее модельной внешностью это не проблема. А он, Валентин, уже нашел неплохой вариант. Правда, она постарше малость, но так ведь последняя новость все меняет! Теперь можно и жениться – молодой супруге недолго осталось. Даже если она протянет еще полгода-год, даже если много денег уйдет на бессмысленное лечение, все равно что-то да останется! Квартирка там, добришко... А там... Там можно будет и с лапочкой Шурочкой снова сойтись...

Нет, нет, он так не думал! В мыслях не держал! Так только... Словно по самому дну души тень проскользнула, а лицо его возьми да выдай! Тамара Павловна сразу отшатнулась от возлюбленного. Она взяла себя в руки. Она не стала укорять и упрекать – да и в чем можно упрекнуть такого верного рыцаря? Тамара просто утерла слезы, встала, кофточку одернула и сказала:

– Нет, Валечка, кончились наши с тобой золотые денечки... Я ценю твой порыв, очень тебе благодарна... Но выйти замуж за тебя не могу. На что тебе, милый, умирающая старуха? Иди, счастье мое, найди себе молодую девушку, женись на ней и будь счастлив. А обо мне уж дети позаботятся, глаза мне закроют.

Очень сильно было сказано, Валентин даже сопротивляться не мог. Не стал больше уверять начальницу в любви, ушел, унося свое разбитое сердце. А Тамара Павловна как спохватится да как схватится за виски!

Вспомнилась ей молодость. Вспомнилась ей разбитная ее подружка, официантка Валька, с которой потом Тамарин супруг неверный шашни закрутил. Не знала она и не могла знать правды о том, какую на самом деле роковую роль сыграла та Валентина в ее семейной жизни... Но аналогия поразила ее. Тоже Валька, тоже официант и тоже сволочь, простите за выражение! Значит, есть Бог на свете, значит, видит он все, и был это Тамаре Павловне знак – одуматься, покаяться, начать новую жизнь! Пусть и жизни этой будет с гулькин клюв...

Растерявшись от обилия непривычных мыслей, Тамара Павловна решила обратиться за помощью в высшие инстанции. В ней ожили воспоминания детства. Вот мать преклоняет колена перед иконой, шепчет что-то, истово крестится и встает с просветленным, радостным лицом. Тогда вера была почти под запретом, православные переживали не самые лучшие времена... Но и не самые худшие, как стало ясно впоследствии, когда религия вошла в моду. Церковь задрожала от уверенной поступи неопитов, и они, как водится, много дряни нанесли на самоуверенных подошвах! Но мать Тамары все же и в те времена посещала храм Божий, брала с собой и дочку. Тамаре храм запомнился, как праздник. Что-то вроде Нового года. Повсюду огонечки горят, блестят золотые оклады, все люди добры друг к другу, и даже детям дают глоток сладкого вина в серебряной ложечке! И вот теперь, спустя много лет,

Тамара Павловна собралась туда вновь.

Она оделась скромно, но с бессознательным кокетством, словно пытаясь соблазнить судьбу своим показным смирением. Длинная черная юбка из струящегося шифона нежно облегает ноги, белая блузочка подчеркивает гибкость ее стана и высокую грудь. Высокую грудь, где и угнездилась беда, откуда распространяются по всему организму страшные споры, сея будущую смерть.

Тамара Павловна всплакнула, повязала голову шелковым платочком с логотипами господ Дольче и Габбаны (подделка, конечно, но очень миленькая) и отправилась в церковь.

Обедня уже отошла. В храме было пусто и очень тихо, только сидела за лоточком шуплая старушка, опустив голову, – то ли дремала она, то ли читала. Тамара купила самую большую свечу, подошла к большой иконе, зажгла, поставила. Что еще делать, она не знала. Молиться? А как? Она даже перекреститься не смогла, боялась ошибиться. Вспомнила, как учила мать – «на лобик, на животик, на правое плечико, на левое»... И снова, не сдержавшись, зарыдала.

– У вас умер кто-то? Не нужно, не убивайтесь так, – прошелестело за плечом, словно ветерок пролетел.

За спиной стояла давешняя старушка. Она оказалась и не старушкой вовсе – так ее определила Тамара Павловна из-за полутьмы в церкви, из-за низко, по бровям повязанного платочка. Совсем юная, худенькая, легонькая женщина смотрела на нее участливо.

– Умер? Нет...

– Вы свечу за упокой поставили, потому я и подумала...

Тамара Павловна вздрогнула, как ошпарило ее. Хотела поставить свечу за собственное здоровье, а вышло, что за упокой! Похоронила себя, значит, в покойники записала! Она снова зарыдала и уже не помнила, как очутилась в маленькой, чисто прибранной кухоньке. Женщина из храма привела ее к себе, попросив какую-то невидимую Ольгу Семеновну присмотреть за лоточком. И оказалась она матушкой – женой священника то есть. Попадьей. Назвалась Анной.

Она быстро собрала чай – на блестящей клеенке, еще пахнущей свежо и остро, появились веселые цветастые чашки, вазочки с вареньями, плетенка с крупными кусками булки. И все время говорила, щебетала, не умолкая, как маленькая деловитая птаха:

– У всех свой крест, без этого не проживешь. Нам вот с мужем Бог детей не посылает. Уже три года женаты, а дети не родятся. Сначала я убивалась, плакала, в монастырь идти хотела... На Бога роптала в ослеплении. А потом подумала, к лучшему это. Своих детей у меня нет, чтобы я о сиротах лучше позаботиться могла. И развеселилась я душою. Двоих мы уже усыновили, да я еще бы не прочь... Люблю я их, даже страшно!

Ох, напрасно ты щебечешь, веселая пташка! Не утешили твои слова гостью, еще пуще она загоревала! И, прихлебывая слезы душистым чаем, рассказала матушке Анне свое горе. Пока говорила, и отец Александр подтянулся. Молодой батюшка совсем, даже борода у него не растет. Оттого, наверное, хочет он казаться строгим, но светло-серые глаза смотрят ласково, по-детски доверчиво. С женой они были похожи, как брат и сестра, и сидели притулившись друг к другу, слушали скорбный рассказ госты. А потом успокоили ее как могли, и дал отец Александр простой и душевный совет.

Тамара Павловна в тот же вечер позвонила сыну. Они поговорили очень хорошо – с той безнадежно-печальной нежностью, которая всегда сквозит в разговорах когда-то любивших друг друга людей. Все плохое, все темное, разъединившее их, было прощено и забыто. Разговор Тамара Павловна помнила плохо. Кажется, сын сказал ей что-то очень хорошее, очень милое, дающее надежду на спасение. А самое главное было то, что он согласился приехать, сам даже предложил. С этого момента мироощущение Тамары Павловны совершенно изменилось. Она не помышляла больше о примирении с Богом. Не вспоминала храм, где по-новогоднему горят свечечки, где все люди добры и внимательны друг к другу. Она забыла и отца Александра, и кроткую его жену, и их добрые советы. Ей казалось, что сын, приехав, привезет с собой свет юности, здоровье, вечную жизнь. Вечную жизнь не в

том, а в этом мире, где Тамара снова сможет носить шелка и шифоны, туфельки на каблуках, заниматься любимым делом, ухаживать за собой, вкусно есть, крепко спать и ничем не беспокоить свою душу, кроме повседневных, житейских, таких приятных хлопот.

Он приехал очень быстро, и это было так трогательно! Поспешил на спасение матери, ничто его не задержало! И стал такой красивый, такой высокий, загорелый! Теперь Тамара Павловна отчетливо различала в его лице фамильные черты, теперь она не сомневалась в том, что это ее родной сын. Эта мысль не была отравлена ни тоской, ни горечью. Просто исправлена одна ошибка, а вскоре будет исправлена и еще одна.

За ужином Виктор дал матери обычный аптечный пузырек, наполненный неровными гранулами коричнево-бордового цвета.

– Что это?

– Лекарство, мама. Очень хорошее, инновационное. Мне удалось достать чудом. Никому об этом рассказывать не надо, это снадобье еще не прошло всех испытаний... Да и стоит оно слишком дорого, чтобы о нем говорить на публике. Завтра целый день тебе ничего не есть, вечером примешь первую дозу.

Гранула, которую Витя не велел раскусывать, приказал глотать целиком, оставила на языке восковой привкус. Очевидно, драгоценное снадобье таилось в экологически безупречной оболочке из воска. Тамара Павловна приняла ее вечером, а утром не смогла встать. Слабость во всем теле, какая-то заторможенность, вялость и безразличность мыслей помешали ей даже испугаться. Она дремала, то просыпаясь, то вновь проваливаясь в сновидения, и не чувствовала ничего... Ну, или почти ничего. Что-то все же беспокоило, что-то тяжело ворочалось и ворчалось в груди, как большой, медлительный зверь.

Она не встала и на следующий день. Сознание ее совершенно затуманилось. Она уже не контролировала естественных функций организма, и Витя был при матери и сиделкой, и санитаркой. Потом Тамара Павловна смутно вспоминала, словно бы что-то большое и черное выходило из ее тела, выделялось, как пот из разверстых пор. Тамара не в силах была даже ужаснуться этому. Она не знала, выздоравливает или умирает. Она так и не узнала никогда, что постель, на которой она лежала в забытии, Виктор собрал в мешок и самолично отвез на городскую свалку.

Тамара Павловна не узнала – иначе непременно спросила бы у себя, откуда взялись на простынях, одеялах и подушках угольно-черные разводы и почему в этих размытых пятнах можно различить то оскаленные звериные морды, то божественно-прекрасные лики... То же было и на рубашках ее, которые частенько приходилось менять, так как черный, липкий, удушливо пахнущий гарью пот сочился из всех пор тела женщины...

Она так и не узнала, что на свалке, куда Виктор отвез пришедшее в негодность барахлишко, тщательно упакованный в полиэтиленовый мешок сверток миглом распатронили кормящиеся от помойных щедрот бомжи. Смачно изругали помойные жители проклятых нуворишей. Ишь, простыни добротные, льняные, два одеяла шерстяных, три подушки пышных, рубашки все дорогие – кружево, да шелк, да вышитый батист, а как все загажено, и не отстирать! Все же разделили добришко по-братски, а через неделю пошла косить бедных людей черная зараза... По заброшенным домам, по подвалам, по всем худо-бедно обжитым закутам, куда только попадало постельное белье из дома Тамары Павловны, умирали они, несчастные. Умирали быстро, без мучений и лечения, да и кто бы их стал лечить? И так выкосила чисто их неведомая хворь, что три года подряд городские власти кичились социальной работой среди населения! А потом что ж – истлели постели, а бомжи новые развелись...

Она так и не узнала, что в первую же ночь после того, как приняла она загадочное лекарство, на другом конце города проснулась в своей постели маленькая попадья. Она полежала немного, глядя в потолок, по которому скользили разлапистые тени от растущего под окном клена. Нежным, защищающим жестом легли ее ладони на чрево, где, неведомая ей до срока, билась уже крошечная жизнь. А потом матушка Анна заплакала, разбудив мужа. Тот спросонок не смог добиться, что такое ей приснилось, а та толком и объяснить не

сумела. Слабый провидческий дар, данный ей от рождения и усилившийся по причине беременности, дал ей знать: та женщина, Тамара, что приходила к ним тогда, погубила свою душу, навлекла на себя проклятие. Но, вспомнив о неиссякаемой милости Божьей, матушка Анна осенила себя крестным знамением и заснула вновь.

Тамара Павловна провела в постели шесть дней, а на седьмой открыла глаза и сразу же попыталась встать. Виктора не было дома, он отлучился куда-то – должно быть, пошел в магазин. Женщина осторожно села на кровати, ступила босыми ногами на прохладный пол и поежилась от давно забытого, юного, веселого озноба. Тело было чужим, невесомым, но повиновалось хозяйке с излишней даже легкостью.

Покачиваясь, балансируя руками, точно держа в них незримый, спасительный, убагавающий от пропасти шест улыбаясь неведомо чему, Тамара Павловна, как истинная женщина, прежде всего направилась к зеркалу. В его тихом, тенистом омутке увидела она себя и рассмеялась удивленно и радостно. Чудо было перед ней, настоящее, несомненное чудо! Оказывается, не требуется веры и размером с горчичное зерно, ведь она ни капли не верила в то, что лекарство ей поможет, приняла его, только чтобы угодить сыну! «Чудес на свете не бывает», – устало подумала она тогда, но вот же оно, чудо!

Если бы Тамару Павловну увидел сейчас кто-то из знакомых, он не был бы потрясен переменой в ее внешности. Чуть посвежела, чуть прибодрилась – должно быть, хорошо выспалась, или испробовала новую витаминную диету, или отдохнула в санатории.

Но Тамара видела, постигала: никакие диеты и санатории не совершили бы с ней такого волшебства. О, эти приметы беспощадного времени, незаметные стороннему глазу, но так горько, так близко знакомые самой женщине! Оплывшая фигура, подернутая летеиской рябью шея, истончившаяся кожа рук, синева на висках и желтизна на веках – или наоборот! Провисший подбородок, лучики морщинок вокруг губ и глаз. И сами глаза, как жалостно тускнеют они с годами! Куда исчезает их живой, веселый блеск, который никакой краской не подрисуешь, никаким ухищрением не вернешь?

Мало на свете женщин, способных стареть смиренно и с достоинством, и Тамара Павловна к ним не принадлежала. Она откровенно любовалась собой. Своим возвращенным, обновленным обликом. Она ахала и всхлипывала. Она вспоминала, как несколько лет назад вознамерилась даже сделать пластическую операцию, проще говоря, подтяжку. Собралась, да так и не решилась. Испугалась чего-то – сумерек наркоза, язвущего жала скальпеля, врачебной ошибки, насмешек за спиной.

Эх, Тамара Павловна! Царица Тамара! Чего вы боялись, хотелось бы знать! Решились бы вы тогда лечь под скальпель хирурга, избежали бы сейчас многих хлопот! Дотошные врачи при обязательном обследовании отыскали бы опухоль в вашем теле до того, как она превратилась бы в неоперабельную, и не пришлось бы вам менять свою хорошо налаженную, одинокую, эгоистичную жизнь! И начали бы вы лечиться, и здорово порастрясли бы толстый кошелек, но для здоровья никаких денег не жалко, верно? А сейчас... Сейчас вам придется платить по другим счетам, другой монетой... И не только вам!

Живо, лучисто блестели глаза, и очистился белок, стал не мутно-молочным, а перламутровым. Тамаре Павловне показалось, что даже радужка стала ярче. Она наклонилась поближе к зеркалу, и на секунду привиделось ей, что синие глаза стали желтыми. Янтарно-желтыми, как у кошки.

Наваждение прошло. Но то, что вошло в женщину вместе с капсулами, данными ей сыном, уже бежало по венам, тукало в висках, толчками проникало в сердце. Незнакомое, чуждое, странное захватывало ее разум и порабощало душу, навязывало свою волю, настойчиво требовало от нее...

Требовало? Чего?

Преображения.

И Тамара преобразилась. Она потеряла чувство времени и лишилась страха перед его необратимостью, ведь в ее распоряжении теперь была вечность. Она забыла свое прошлое, не думала о будущем, не ощущала реальности. Она равнодушна была ко всем звукам и

запахам, она не знала ни радости, ни печали. Любовь и ненависть оказались недостойными бессмертия. Добро и зло со своей извечной борьбой безнадежно устарели в ее преображенных, холодно-отстраненных глазах. Все померкло перед беспощадным светом истины. Створки душевной, скучной жизни распахнулись, чтобы впустить страшно яркий, беспощадный свет истины, и теперь им не сойтись вновь.

Она заторопилась выйти на работу. Ей нужно было завершить кое-какие дела, чтобы приступить к труду иному, посвятить себя единственно важному и нужному. В кафе появление хозяйки произвело фурор. Валентин успел растрепать сослуживцам о смертельной болезни Тамары Павловны. В то время, пока она лежала в постели, переживая действие необыкновенного лекарства, ей несколько раз звонили домой. К телефону неизменно подходил молодой человек, назвавшийся ее сыном, ровным голосом сообщал одно и то же: мать захворала, лежит. Ее не стоит беспокоить. Не за что. Всего доброго. Так что хозяйку в кафе почти схоронили и ожидали своей дальнейшей участи, с сочувствием поглядывали на Валентина. Хотел куш сорвать, а тут сынуля объявился невесть откуда, да полно, сын ли он ей? Множились, ползли шепотки...

Дальнейшая участь явилась в лице самой хозяйки. Выглядела она совершенно здоровой, даже помолодевшей и удивительно похорошевшей. Тамара Павловна, как всегда, отдавала точные распоряжения, кого-то похвалила, кого-то распекала... Подчиненные с нее глаз не сводили, а пуще всех глазел Валентин.

Ох, как он ругал себя, что вовремя не раскусил ее тонкой игры! Конечно же это было испытание! Царица Тамара пошла по пути своей великой предшественницы. Впрочем, та, кажется, своих хахалей из окна выбрасывала? Что-то такое там было кровавое, сейчас и не вспомнить. Хитро, хитро. Объявилась смертельно больной, кинулась к молодому любовнику, плачет-заливается, а сама одним глазком посматривает – как онотреагирует, что скажет? Актриса! Якобы слегла, а сама небось из салонов красоты не вылезала, ну-ну! Осталось понять, не свалил ли он дурака? Сам-то думает, что выдержал испытание, а что у бабы на уме, нипочем не догадаться!

У Валентина, конечно, не достало терпения дожидаться, когда его пальчиком помянут, и он заглянул в кабинет, когда хозяйка осталась там одна. Придумал для оправдания какое-то дело, набрался храбрости и пошел, как на амбразуру. Тамара Павловна просматривала документы и многое уже выбросила – битком была набита мусорная корзина, комки бумаги усеивали бледно-розовый ковер. Она взглянула на Валентина с улыбкой.

– Что, милый? – спросила шепотом, и у «милого» вдруг побежали вдоль хребта ледяные мурашки.

Хотя их связь ни для кого из работников кафе не была секретом, они все же конспирировались – «ради чистоплотности», как говаривала Тамара. Ни разу она, будучи «при исполнении», не одарила Валентина ни ласковым словом, ни улыбкой, ни ее фирменным откровенно-призывным взглядом. Значит, строгое правило отменено, и это добрая примета для красавчика официанта. Значит, он на пути к тому, чтобы признали его законным супругом и совладельцем. Вот будет жизнь, не жизнь, а малина!

А Тамара все манила, все призывала. По-новому сверкали ее глаза, и новая в ней появилась повадка – облизывать умощенные яркой помадой губы острым язычком. Вроде бы и не к лицу такие нескромные ухватки достойной матроне... Но эта женщина в бело-розовом, стройная и гибкая, не походила больше на матрону, не выглядела на свои годы. С грацией хищного зверя семейства кошачьих она бросила бумаги на стол и направилась к Валентину. Кабинет был невелик, пять шагов всего, но ему показалось – прошли годы и века, прежде чем она приблизилась и положила руки с отточенными, блестящими ногтями (когтями) ему на плечи. И выглядела она иначе, чем раньше, не было во взгляде ее любовной мольбы, просьбы к снисхождению. Хищным был ее взор, устремленный на губы любовника.

– Ну что же ты так оробел, – прошептала она горячо и властно, обжигая огненным дыханием ему щеку и шею. – Обними же... меня...

От ее тела исходил ровный сухой жар, и Валентину стало не по себе. Он обнял Тамару Павловну, неловко обхватил руками, и показалось ему, что ее обновленное тело сминается под напором его ладоней. Поддается так, словно в руках у него – пустота, заключенная в хрупкую оболочку плоти.

В эту страшную для себя минуту – а была она страшна для него нечеловеческой жутью! – вспомнил Валентин, как совсем недавно, три-четыре года назад, только вернувшись из армии, удил он на дамбе рыбу с отцом. Еще не отменили тогда майских праздников, и целых три дня подряд ловили они пришедшую по высокой воде плотву и красноперку, иной раз попадались и небольшие лещонки. А чаще всего клевала маленькая рыбка, которой до того года почти и не видели в реке. Зубастая – пасть в половину тела – черная рыбешка называлась ротан. Все сетовали на нее. Завезли ротана откуда-то с благими намерениями, собирались за счет прожоры выправить как-то экологическое положение, да просчитались. Паршивец стал жрать икру и мальков ценных рыб, плодился в геометрической прогрессии, а вот его самого никто есть не хотел. Отчего же? Писали в какой-то статье – мясо, мол, у ротана чистое и белое, вкус деликатный. Да кто ж его станет пробовать, деликатный-то вкус, если рыбу эту и в руках держать противно? Шершавое тельце, лишенное защитной слизи, словно воздухом надут, пасть зубастая, морда злая. Рыбачили с ними вместе два местных алконавта, Сика и Бешка. Они, бывало, хорошую рыбешку продавали, а мелочь себе на закуску поджаривали. Так и те брезговали ротанов есть! Чужая это рыба и хищная, и не будет от нее добра никогда, хоть пол-литрой запей!

Чужое и хищное существо с омерзительной пустотой внутри держал Валентин в объятиях и никак не мог исполнить того, чего от него явно ожидала женщина. Ему противна была и прогибистость ее стана, и упругая податливость груди, а хуже всего – ее дыхание, врывающееся в его распыленный бесстыдным поцелуем рот. Горьким было дыхание и сухим, оно сильно и отчетливо пахло тлением, вызывало неукротимые рвотные спазмы. На борьбу с этими спазмами и мобилизовались все силы, для страстных объятий ничего не осталось, ничего!..

Но Тамара Павловна, как дама зрелая и опытная, не придавала значения любовной неудаче Валентина, только нахмурилась досадливо, пристегивая кромку золотистого чулка к сложной кружевной сбруйке. Не носила она раньше такого вычурного белья, и это переменялось!

– Ну-ну, не стоит конфузиться, милый, – пропела царица Тамара приторно-ласково. – Ты устал, переутомился, ты был взволнован... Тебе надо отдохнуть. Вот закончу я одно маленькое, но очень важное дело, и мы с тобой поедem в райское местечко...

– Куда? – вяло поинтересовался Валентин, припоминая, как раньше она все дразнила его путешествиями в дальние страны, на неведомые острова, к пальмам и лазурным лагунам...

Особенно привлекал ее Египет, страстные поцелуи в зловещей полутени пирамид, под унылое бормотание гида! Так и не выбрались они никуда, все мешали дела, а теперь и подавно не поедут!

– В Лучегорск, – шепнула Тамара, снова приближаясь, обжигая любовника острыми, порочными лучами глаз. – Тебе там понравится... Мы будем так счастливы там... Там все счастливы!

На подгибающихся ногах, утирая отчего-то заслезившиеся глаза, вышел Валентин из кабинета начальницы. К чести его надо заметить, что он не стал ждать, как повернется ситуация, не принялся искать новых выгод для своей бесценной персоны. В тот же день, в чем был, уехал он – далеко-далеко, за тысячу километров, в большой северный город, где жил его родственник, брат отца. Обжился там, обзавелся скромным жильем, вспомнил дело шоферское, которому его в армии обучили. За большими деньгами не гонялся, работал усердно, жил по средствам. Выписал к себе Шурочку, которая все ждала его, замуж не выходила. Поженились, детишки пошли. Но нередко содрогался Валентин, когда вспоминал бедовую свою молодость, расчетливую свою любовь, и не мог не признать, что тогдашняя

его слабость, пожалуй, спасла ему жизнь. Где бы он был сейчас, совокупись тогда с чудовищем? Он не верил в сверхъестественное, но был вполне уверен, что Тамара Павловна, смертельно больная, осталась тогда умирать и умерла в каком-то другом измерении, а в кабинете соблазняла его не она, а некий демон в ее образе. Быть может, от этих нечастых мыслей к сорока годам он сплошь поседел... И долго еще Валентин вздрагивал и стонал по ночам, потому что порой снилось ему одно-единственное слово, казавшееся средоточием вселенского ужаса. А слово это было «Лучегорск».

Да, Тамара перестала быть собой. От нее осталась только мягкая оболочка, покорная игрушка бибабо, готовая исполнить все, что прикажет ей новое «я», новая кровь, новый хозяин. А ему, надвигающемуся медленно и неизбежно, как тень от громадной тучи, зачем-то нужна была Лиля.

Глупенькая, маленькая, бледная Лиля, чахлый цветочек средней полосы России, мать-одиночка, храбрая портняжка! Что же было у нее такого? Зачем она понадобилась загадочному чужаку, чья сущность была древнее самого мира? И зачем к ней приехали мать ее и брат? Кому служили они? И когда это все началось?

Глава 8

Зима в Лучегорске пронизана ветрами, пахнет йодом и имеет зеленовато-бурый оттенок гниющих водорослей. Летом это обычный курортный городок, впрочем, отдыхающих никогда не бывает слишком много. Не выстроили в Лучегорске ни санатория, ни пансионата, и добираются сюда только те бледнолицые братья, что мечтают отдыхать дикарями, снимая вигвамы в частном секторе, или ставить палатки на каменистом берегу. Впрочем, и от этих пришельцев довольно шума на пляже, да и на местном базарчике, где царствуют торговцы свежей рыбой да бушуют зеленщики, не протолкнуться. Зимой же почти всякая жизнь в Лучегорске замирает. Один только ветер, кажется, охотно гуляет по улицам. Неловко выстроен этот городок – казалось бы, удачно стоит в ложбинке между гор, ан нет. На самом пути пассата воздвигнут Лучегорск, и зимой от его продольной, до костей пробирающей тяги некуда деваться. А хуже всего приходится детям, что живут в большом белом доме на горе. Выбрал же место для дачи неизвестный чудак, нет бы поставить дом в затишке, в низинке, пусть оттуда и не виделось бы море! На открыточный вид богач польстился, да что такое вид, им щели не заткнешь и печку не растопишь!

На миру, на ветру, на самом что ни на есть голом месте – ни одного дерева! – стоит белоснежный дом, и окружают его только розовые облака тамариска. Впрочем, бывший владелец дома приезжал в свои пенаты только летом, как и те люди, что селили много позже в эту дачу детский дом. Как и те люди, что называли городок Лучегорском. Зимой лучи солнца не проникали в долину, а только отражались в сияющих шапках горных вершин. Редкий денек выдавался солнечным, но все равно каждый божий день выводили гулять сирот в тесных коричневых пальтишках на рыбьем меху. Притихшие дети не резвились, не бегали, а собирались в группки, жались друг к другу, как озябшие птенцы, и щебетали тихонько между собой. Сколько сказок и преданий, старых и новых, таил для них этот пустынный берег! Говорили они о призраке старика в белом одеянии, который бродит по скалам и, тоскуя, жалуется в рифму на холод и ветер, на тягости изгнания. Так и звали его – Поэт. Говорили о рыбах, которые время от времени попадают в сети рыбаков, – рыбах с человеческими лицами. Они стонут и плачут, когда их поднимают на воздух, и каждый раз этот зловещий улов грозит рыбакам бедой. Говорили о белых, обглоданных временем и подводными тварями костях, выбрасываемых морем всякий раз во время шторма, и о том, что под скалой есть глубокое место, где стоймя стоят бесчисленные скелеты с привязанным к ногам грузом. Кто-то из старших воспитанников, давным еще давно, нырнул со скалы Кошачьей в море, чтобы показать свое умение и удаль, и увидел их на дне. Он успел рассказать об увиденном до того, как за ним пришла машина с красным крестом и увезла его, полубезумного. С тех пор смельчака, говорили, никто не встречал. Говорили о пограничнике,

который вот в такой же зимний день сошел с ума на своем посту. У него был автомат, и он открыл огонь со своей вышки. Он стрелял по городу, он стрелял в людей, но был уверен, что уничтожает мерзопакостных монстров. Когда у парня кончились патроны, он бросился вниз головой прямо с вышки, и его окровавленный призрак тоже порой тревожит горожан. Говорили, что в той же скале Кошачьей есть пещера, где хранится древний пиратский клад – золото и бриллианты, рубины и изумруды, и горит в той пещере уже сотни лет негасимая лампа. В скале и правда зияло множество узких расщелин, но даже приближаться к ним было строго-настрого запрещено.

Витя Орлов, которому в детском доме дали говорящую фамилию Дорожный – похоже на блатную кличку, но ему недолго придется ее носить! – внимал этим байкам с жадностью. Его детский мозг страдал от недостатка информации, как от нехватки кислорода. Он рано выучился читать, но к занятиям в школе еще не приступил по возрасту. Витя перечитал все книжки в библиотеке детского дома «Лучик», ведь их было так мало! Разве попроситься в другой, взрослый зал? Не пустят, скажут, сначала подрасти. Телевизор разрешали смотреть каждый день по часу, раз в неделю показывали кино, да разве утолишь этими крохами голод по миру – большому, разноцветному миру, в котором каждый день происходит что-то новое? А в детском доме каждый день все одно и то же, так редко появляются новые люди, так редко звучат непривычные голоса! Нет, летом, конечно, приезжают дети из других детских домов, из других городов. На отдых, к морю. С ними можно водиться, но и у них все одни и те же разговоры...

– Одного мальчика усыновили и сразу купили ему велик...

– Щас как дам в лоб, чтоб не вякал!

– Нам гематоген каждый день дают, а вам?

– У нас была воспиталка вредная, каждый день всех в угол ставила, но потом уволилась...

– Я эту овсянку терпеть ненавижу!

– А я, когда вырасту большая, сделаю себе перманент, как у Марьи Тимофеевны!

Тоска! А страшные истории – вещь, от них сладко щекотит в груди и замирает где-то в животе. Особенно интересно думать про клад, добавлять от себя подробности и представлять, что будешь делать, когда клад найдешь! Велосипед гоночный обязательно, и в кино два раза в день, и мороженого сколько захочешь! И собаку, немецкую овчарку по прозвищу Мухтар!

Потом, когда Витя подрос и пошел в школу, он понял, что клад не сможет решить всех его проблем и уж точно не сделает его счастливым. Одноклассники быстро разъяснили, сказали, мол, родители тебя бросили. Увезли подальше и бросили, ты им не нужен стал. Вон нас таких сколько! Лизку Селиванову вообще родная мать в вонючий нужник спустила, в выгребную яму! Хорошо, соседи нашли, пищала она, помирать не хотела. Мать под суд и в тюрьму, а Лизку спасли, потом сюда отправили. А зачем, для чего? Может, ей в выгребной яме лучше было. Все равно уродина и дура, потому что мамаша ее алкоголичкой была. Из-за этого Лизка и уроков не помнит, понял? Вот и ты такой же, хоть и посообразительней чуток.

Как бы ни был богат клад – на эти деньги нельзя будет купить родителей и дом. Да и вообще, кладов нужно сдавать государству. Дадут тебе пятнадцать процентов, да еще обманут, потому что ты маленький. Деньги на книжку положат, пока не вырастешь, а сам так и останешься здесь торчать, и не будет ни кино каждый день, ни мороженого, а уж про овчарку с велосипедом и думать забудь. Зачем тогда нужно это древнее сокровище? Лучше уж пусть там будет... Пусть там будет...

Но что именно там должно быть, Витя придумать не мог. Постепенно идея отыскать клад стала преследовать его неотступно, и чем больше разочаровывался он в благах земных, тем навязчивей становилась мысль проникнуть внутрь Кошачьей скалы. Невероятно, но мальчишка никого не посвящал в свои планы, не проболтался приятелям, не выдал себя воспитателям. Вите повезло найти в маленькой неупорядоченной библиотеке книжку о спелеологах, но он понимал, что этого мало. Учитель физкультуры был поражен –

Дорожный, такой неспортивный мальчик, начал вдруг проявлять невиданное рвение на уроках, не отсиживался больше на скамеечке, а бегал, прыгал и отжимался, словно бес в него вселился! И через год он уже бегал, прыгал и подтягивался лучше других и просил физкультурника давать ему отдельные комплексы упражнений на растяжку. Узки расщелины в Кошачьей, неподготовленный человек не сможет туда пробраться... И к тому же ему пора спешить, ведь он растет как на дрожжах! Заодно и снискал уважение товарищей, раньше-то его считали за хлюпика, поколачивали временами, а теперь попробуй тронь-ка! По плечам похлопывают, стали звать не обидно Нюня-Витюня, а уважительно – Витек.

И вот однажды весной, перед началом весенних каникул, Витя счел, что достаточно подготовился к экспедиции внутри скалы Кошачьей. Он выбрал день, третий день каникул, и очень бы удивился, если б узнал, что это настоящий день его рождения. В тот день ему исполнилось десять лет, но Витек об этом не догадывался, свои именины он уже отпраздновал три месяца назад. Момент был выбран удачно. Учительница математики выходила замуж, планировалось пышное торжество в ресторане «Луч». Почти весь персонал детского дома был приглашен, с утра все пребывали в приподнятом настроении, готовили наряды и перешептывались насчет подарков. Улизнуть не составит труда, а завтра почти все воспитатели будут страдать от последствий веселого вечера, и, быть может, никто не станет слишком тщательно пересчитывать учеников. Воспитанники же будут молчать, потому что никто не захочет связываться с Витьком Дорожным.

Витя не мог знать, что исход его рискованного предприятия уже предрешен. Даже если бы заезжий военный не сделал внезапно предложения математичке, если бы она решила не приглашать занудных коллег на свадебный пир, если бы однокашники меньше уважали мальчишку – это ничего бы не изменило. Ведь что случилось, например, с пронирой и ябедой Димкой Чижовым! Он знал или догадывался о планах Дорожного, как обо всем, творящемся в «Лучике», и отнюдь был не прочь сдать его детдомовским властям. Не со зла, а так, повинувшись своей природной вредности. Так что же? Накануне загремел в лазарет, горло у него саднило. Признали фолликулярную ангину и отвезли в больницу, и ничего Чижов сказать не успел, да и голос у него пропал...

Витек давно присмотрел эту расщелину. Она прорезала Черную скалу примерно на высоте человеческого роста, длиной была метра три, шириной... Маленькая ширина, только протиснуться можно, да и то придется уши прижать. Любопытных, особенно подвыпивших отдыхающих, то и дело туда заносило, но они сразу застревали и орали благим матом, пока поспешала помощь.

И там было темно. Очень темно. Расщелина сужалась – и тогда приходилось ползти, продираться, задыхаясь от каменной пыли, царапая лицо и руки. Порой она расширялась, и уже можно было встать во весь рост. Расщелина поворачивала то вправо, то влево, и вскоре в ней не осталось ни капли дневного света. Тьма обступила мальчика, душная, густая тьма. Странно было думать, что он находится там, куда никогда не падал солнечный свет, и мощный луч его фонарика (по правде сказать, попросту украденного из местного магазина электротоваров) был первым лучом, разрезавшим вечный мрак. Витьку казалось, что в пещере непременно должно быть сыро и будут ползать разные жуткие ухвертки, но воздух был очень сухим, от него щекотало в горле. По сторонам же он старался не смотреть, и правильно делал, иначе рассудок его не выдержал бы увиденного. Трещины и выступы в камне сплетались в образы, не имеющие формы, но непостижимо наполненные смыслом. И смысл их был – ужас, словно Черная скала сама содрогалась перед хранимой ею тайной.

Он шел очень долго, ему казалось, несколько дней. У него были часы, очень старые, с помутневшим до непрозрачности стеклом – их Витя нашел на пляже два года тому назад. Но доверия к ним не было, часы отставали стабильно на двадцать пять минут, а теперь и вовсе остановились. Вернее, механизм работал, слышалось тиканье, но стрелки не двигались с места, сойдясь на пяти минутах первого. Витек потерял счет времени, ему казалось, что он уже должен пройти всю скалу насквозь, но расщелина пошла на спуск, и сразу же стало очень узко и низко. Стены словно сдвинулись, нажали на ребра, было не повернуться, стало

не вздохнуть. Витя попытался повернуть обратно, но повернуться, даже хотя бы попытаться, было попросту негде. Пространство убывало, сужалось, сходило на нет. И вместе с пространством, казалось, исчезал ход секунд и минут. Мальчик почему-то вдруг подумал тогда, что времени здесь тоже некуда двигаться... Он решился ползти назад, только это оказалось еще труднее, чем продвигаться вперед, и без того дающимися с огромным трудом движениям мешала задрывшаяся на спину, сбившаяся в скатку шерстяная куртка-«олимпийка». Витек ясно знал, что лезть вперед нельзя но именно из-за определенности этой мысли понял, что непременно сейчас полезет.

Он стиснул зубы, вжал голову в плечи. Мальчику казалось, что его кости плавятся от жара и натуги, но их новая гибкость помогала его телу пробираться сквозь стремительно сужающееся пространство. Витя полз в кромешной, ядовито-сухой тьме, и все-таки ему было легко и спокойно, как будто после долгого отсутствия он возвращался домой и все прошлое, все испытания и трудности пути вскоре должны были остаться позади.

Спуск становился все круче, если бы не узость коридора, его можно было бы назвать падением. Предчувствие бездны овладело мальчиком. Его сознание находилось сейчас в промежуточном состоянии между сном и реальностью, которое бывает на грани пробуждения. В эти секунды мозг человека уже воспринимает обстоятельства действительности, в то время как тело еще замирает в сладких объятиях сна, инстинктивно цепляется за него. Так и сейчас, разум Виктора гнал его вперед, к поставленной, пусть и неизвестной цели, а тело бессознательно тормозило и замедляло движение, пыталось уцепиться ободранными до крови пальцами за острые выступы, стремилось нащупать точку опоры, не смиряясь с безысходностью, которую осознал мозг. Быть может, сдавшись на милость глупого инстинкта, Витек остановился бы совсем и, не имея возможности преодолеть обратный путь, остался бы запертым в каменной ловушке, а через некоторое время, измученный обезвоживанием, недостатком воздуха и синдромом сдавления, с радостью бы встретил избавительницу-смерть... Шлюзанул бы, как говорил заводила всех детдомовских хулиганов Митька Кошечев, по прозвищу, естественно, Кощей. Но этого не произошло – ход расширился, стал еще круче, и Витя полетел в вечную тьму, успев исторгнуть давно назревавший в его груди вопль.

У него не было имени, у него не было ни прошлого, ни будущего, у него не было уже собственного «я», осознания того, кто он и что он – мальчик, животное, или растение, или просто бесплотный дух, существующий в восприятии собственного низвержения. Парящее в невесомости бесконечного падения тело отказалось от своих притязаний жить и не искало возможности удержаться за что-либо, оно подчинилось идее бездны, как раньше подчинился ей мозг.

Между тем тьма перестала быть кромешной, в ней наметились световые дыры и прорехи. Раз мимо Вити пронесся целый пейзаж – зимний город, занесенный снегом скверик, столбики чугунной ограды, принарядившиеся в белые шапочки, и высокая женщина в белой же шубке. Появление женщины обрадовало мальчика, в ней была уютная радость, надежный свет, и потянуло прижаться к ее шубе, такой пушистой, ощутить губами влажный щекочущий мех... Но лицо женщины таяло, растворялось во мраке, и вскоре не осталось ничего. Даже тьма как бы исчерпалась, вылиняла, устала от самой себя... И стало ясно, что путешествие мальчика, такое безрассудное и невероятное, подошло к концу.

Сознание ребенка милосердно отключилось, чтобы уберечь его от боли, когда тело столкнется с дном каменного колодца. Но ничего подобного не произошло. Витек открыл глаза, уже привычно зная, что никакой пользы от этого не будет, снаружи такая же тьма, как внутри, под веками. Одновременно он нащупал ручку фонарика, чудом не потерявшегося при падении. Брезентовый рюкзак с припасами остался где-то наверху, в каменном коридоре, а в рюкзаке было самое сейчас ценное – простая бутылка с водой... За каплю воды он бы отдал сейчас все сокровища мира, но, как только мальчик открыл глаза, ему расхотелось пить. Вокруг было светло.

Маленькая круглая пещера явно была делом рук человеческих, и ее освещала

подвешенная к потолку бронзовая лампа непонятной конструкции. В лампе робко трепетал язычок синеватого пламени, которому не по силам было бы осветить пещеру... Но он освещал.

– Я так и знал, – тихо сказал Витек. – Так и знал...

Он по-прежнему лежал на спине, не торопясь вставать и с изумлением ощущая, что падение нисколько не повредило ему – ни переломов, ни вывихов, точно бы он упал на вату или приземлился на чьи-то невидимые громадные ладони... И даже ободранные руки перестали кровоточить. Боли он тоже не чувствовал, тело и разум, достигнув, наконец, единения, погрузились в сладостный покой. Витя знал, что ему никогда больше не выбраться из этой пещеры, так как отверстие, из которого он только что вывалился, распахнулось темным зевом над его головой, на высоте шести-семи метров, в самом центре потолка, поблескивавшего слюдяными звездочками. Но сейчас мальчику казалось важнее немедленно осмотреть место, куда он попал, место, которое должно было оказаться средоточием всевозможных сокровищ. Он не потерял головы, но принялся за осмотр с холодным спокойствием, сделавшим бы честь самому Шлиману. Все байки и рассказы оказались правдой. Были сокровища. Были. Правда, огромные кувшины, стоящие вдоль стен, оказались наполнены вовсе не золотыми монетами и не золотые слитки были сложены в холстинных мешках у стен! Но это было нечто более ценное, чем деньги, – по крайней мере, в этой ситуации. Тяжелые валуны в чистых холстах оказались круглыми хлебами, чуть зачерствевшими.

Один алебастровый сосуд хранил пшеницу – крупные янтарные зерна. В другом было вроде растительное масло, но странное на вкус и на запах. Об оливковых рощах, шумящих под прохладным дыханием морского бриза, Витя ничего не знал. Третий сосуд содержал мед с диковинным горьковатым запахом неведомых цветов. А из четвертого на него пахло вязко-сладковатым духом раскаленного на солнце винограда. Там было вино – красное и густое, как кровь, вовсе не похожее на ту мутноватую кислятину, которую порой распивали в укромных уголках старшие воспитанники. Порой, бывало, подзывали они малышей, давали отхлебнуть чуточку и смеялись, глядя на кривящиеся их рожицы. То вино давили из невымытого винограда, оно пахло дустом и еще какой-то отравой, оставляло во рту табачный привкус, в голове тяжелый туман и не утоляло жажды, а обостряло ее. Глоток же этого нектара, поднесенный ко рту горсточкой, утолил жажду Витька будто на много лет вперед, зажег прохладный огонь внутри и прояснил мысли. Но если бы специалист, бывалый сомелье, отведал этого питья, то подивился бы легкому привкусу тлена, таящемуся в каждой молекуле его вещества. Быть может, сомелье и счел бы, что тлетворный флюид обогащает букет вина, придает ему изысканную своеобразность... Но оно и так было своеобразным, единственным в своем роде, уникальным. Виноград вызревал в оазисе Ливийской пустыни, смуглые дети стерегли виноградник, потом сборщики винограда срезали налитые соком грозди и складывали их в корзины. Грозди давили ногами веселые женщины, высоко поднимая подолы туник из некрашеного холста, и пели:

Погляди на свои виноградники,
Наш повелитель, и сердцем возрадуйся!
Сок выжимают ногами давильщицы.
Лозы увешаны крупными гроздьями.

Ягоды, соком обильнее прежнего,
Сердце твое услаждать предназначены.
Ты в опьянение себе не отказывай,
Пей, предавайся утехам и радостям!

Время приметно склоняется к вечеру.
Спелые кисти подернулись росами.

Ягоды выжать спешат виноградари,
Сусло в сосудах несут повелителю.

Пей, господин, божеству в прославление.
Всякое благо богами даровано.
Доброму духу, садов покровителю,
Ты соверши возлиянье и вымоли
В новом году нам вина изобилие¹.

Кислое сусло запирали вызревать в чаны. Солнечный сок бродил в темноте, и бродили в темноте язычества человеческие души. А кроме людей, населявших тот древний, юный мир, жили в нем могущественные, почти всеильные существа, почитавшиеся богами. И это так понятно! Ведь много, много лет должно было пройти до того мига, когда на свадьбе в Кане Галилейской явится вино, приготовленное не из винограда – руками смертного, но из воды – волей истинного и единственного Бога...

Сделать глоток этого вина было как причаститься вечности. Сотворенное руками смертных, оно не было выпито ими, но отдано в жертву бессмертной сущности и заперто здесь, в толще камня, где забытая магия остановила время. И если правда, что вода может радоваться, и надеяться, и бояться, и думать, то о чем думали частицы воды, составлявшие этот напиток? Безрадостные это, верно, были думы, мала надежда и велик страх, если даже в безвременном пространстве вино приобрело вкус могильного праха!

Ячменное пиво, что играло и янтарно пенилось в пятом, последнем сосуде, Витьку не понравилось. Хотя его в свое время высоко ценили Геродот, Диадор и Страбон, а у древнегреческих мудрецов был утонченный вкус!

Но сосуды – это еще не все. В пещере были ларцы и ящики, не запертые, потому что тут не могло быть ни воров, ни расхитителей гробниц. Приоткрытые крышки пропускали сияние драгоценностей. Тут были золотая и серебряная утварь, туалетные принадлежности, изящные украшения, ослепительные камни.

Тут были изумруды насыщенно-зеленого цвета, про которые Плиний говорил, что «из всех других драгоценных камней только изумруд питает взор без пресыщения, даже когда глаза утомлены пристальным рассмотрением других предметов, они отдыхают, будучи обращены на этот камень». Но мальчик ничего не знал о Плинии и не собирался давать отдых своим глазам. Он погружал руки в россыпи голубых, розовых, желтых камней и камней, совершенно не имевших цвета. Он прижимал к лицу горсти этих крошечных сверкающих искр, царапая кожу их острыми гранями.

Тут был прекрасный золотой венец, странной формы и огромного размера, как если бы он предназначался не для человеческой головы. Красота и филигранная техника украшения повергли бы в шок любого искусствоведа, так как не имели отношения ни к старинным, ни к современным культурам, не принадлежали ни к какому национальному стилю, ни к какому направлению в искусстве. Существо, создавшее венец, не могло происходить из этого мира. Рисунки и символы, украшавшие поверхность венца, утверждали эту мысль и смеялись над ней одновременно. Вполне земные сюжеты, изображения людей и животных, были, казалось, исполнены неведомым творцом в порыве сарказма и презрения ко всему живому, украшение источало эманации ярости и разрушения. Холодом древности веяло от венца, и мальчик не решился не то что примерить его – даже взять в руки.

Тут были статуэтки из черного дерева и слоновой кости. Тут были тончайшие барельефы из агата и сардоникса, над которыми слепил некогда резчики Александрии, снимая тончайшие пласты многослойного камня. И в резном ларце, поставленном особо, таились бусы, чаши и кубки из стекла, первого в мире, бесценного стекла!

¹ Надпись в гробнице жреца Петосириса, около 300 г. до н. э. в Маллави. Пер. В. Потаповой.

Там были и ткани, богато расшитые золотом и жемчугом, и узоры на них складывались в единый сюжет, который мальчику словно на ухо нашептывал тихий, вкрадчивый голос. Это было лучше книг, интересней телевизора! Но вскоре он, гонимый нетерпением, переходил к другим сокровищам. Он не помнил ничего, он забыл себя и весь мир и вряд ли осознал, что ему суждено умереть среди древней роскоши...

Самое главное он приберег напоследок. Громадный ящик, длиною в три Витьковых роста, продолговатый, обтекаемой формы, похожий на невиданный межпланетный корабль, стоял у стены. Мальчик даже мысленно не хотел называть его гробом, – тогда было бы страшно, а бояться сейчас не хотелось.

Из чего был сделан ящик, из какого материала? Неизвестный металл сбил бы с толку ученых всего мира, подобного ему не встречалось ни на земле, ни в недрах ее, и только порой с неба, из космических непознанных глубин, падают частицы этого вещества. Отчего-то их называют метеоритами, не трудясь расшифровать послания, зашифрованного в составе загадочной материи.

Крышка этого ящика, несомненно наполненного еще более удивительными вещами, оказалась плотно закрытой, едва можно было увидеть тоненькую, паутинную щелку. Крышку нужно поддеть, это ясно, но чем? Свое прекрасное снаряжение Витек растерял по дороге сюда, в том числе и большой нож в «настоящих» кожаных ножнах, выменянный у Кощея на шестьдесят полдников. Это была неслыханная цена, потому что на полдник давали не только стакан чуть подслащенного какао, но и булочку с посыпкой, а иногда даже пирожки с повидлом! Целых два месяца мальчишка страдал, глядя, как эти соблазнительные яства исчезают в ненасытной Кощеевой пасти, зато потом в его собственности оказался этот «турецкий кинжал» кустарной выработки! Откровенно говоря, нож никуда не годился, наверняка сломался бы при первом же серьезном испытании. Витя этого не подозревал и, горя о потере, начал искать, чем бы поддеть крышку.

Разумеется, он очень скоро нашел подходящий инструмент, положенный, словно нарочно, на самом виду. Трехгранное острие длиной сантиметров тридцать, с рукоятью, украшенной голубовато-зелеными камешками. При виде него Вите пришлось в голову вычитанное где-то словечко – «стиллет». Что бы это ни было, оружие казалось сделанным из того же материала, что и загадочный ящик. Оно подходило как нельзя лучше, и мальчик поддел крышку трояким жалом.

Крышка поддалась с невероятной, волшебной легкостью, бесшумно откинувшись в сторону. В ящике лежало что-то большое, запеленутое в раззолоченную, вышитую искрящимися камнями ткань. Ни щелочки, ни зазорчика в ней не имелось, и нельзя было найти концов, чтобы ткань развернуть. Так, а ножик нам зачем?

Лезвие вспорол покров, раздался треск, похожий на визг, как будто ткань протестовала и сопротивлялась насилию. Но до того, как мальчик взглянул, до того, как он постиг увиденное, его поразил запах. Запах, распространившийся в сухом и чистом воздухе тайной пещеры, показался знакомым ему. Год назад детдомовцев возили в Евпаторию, в зоопарк.

Зоопарк был царством запахов. У входа благоухали лотки с незамысловатыми лакомствами – жареными орешками, чурчелой и вареной кукурузой, а дальше властвовали запахи животных. Обезьянник смердел аммиаком, как и общественная уборная, расположенная целомудренно в дальнем конце парка. От медведей несло псиной. Страусы пованивали курятником. Заключение приблизило животных к людям до такой степени, что даже запахи их изменились, стали привычными, домашними. И только возле вольера со львами пахло так, как должно пахнуть. Правильный был запах, густой, насыщенный и... дикий. Пахло шерстью и кровью, пахло убитой, растерзанной плотью и плотью живой, торжествующей, а к этому примешивался отчего-то тонкий аромат ванили.

И сейчас этот запах вернулся к Витьку, с новой силой дунул в лицо горячим дыханием, обьял и придал новых сил.

Она лежала на боку, как будто не была мертва и погребена, а просто спала. Густые и

длинные волосы цвета темного меда обрамляли прекрасное лицо. Округлая, тяжелая грудь была обнажена, и мальчик зажмурился от внезапно нахлынувшего чувства – мощного, бессловесного, внетелесного.

Это творение, кем бы и чем бы оно ни являлось, жизнь ли пульсировала в нем или таилась смерть, могло стать смыслом всей человеческой жизни и оправданием всего сущего. Если было в этом мире существо, достойное идеальной, вечной и безусловной любви, то это была она. Витя не верил в волшебников и колдунов, в фей и привидений, даже в Деда Мороза не верил. Чепуха, сказки для глупых малышей! Но он слышал – есть люди, взрослые, умные люди, которые верят в Бога. Они ходят в церковь, в красивый дом с золоченой луковицей на крыше, где горят свечи, как на именинном пироге, и слышится красивое пение. Они становятся на колени и просят у Бога кому что надо, а за это обещают вести себя хорошо и делать все, что Ему потребуется. Говорят, что Бог есть наверняка и Он может сделать все, что хочешь, но только для тех, кто Его любит. И еще Он делает чудеса, а тут чудеса повсюду! Значит, это Бог. Вот Он какой!..

Поспешно мальчик встал на колени. Из-за коленопреклоненной позы он почти не видел спящего существа, но это уже не имело смысла, он обречен был до конца жизни видеть его, ее, перед внутренним взором своим. Сложив руки лодочкой, в наивном молитвенном жесте – как он видел на картинке в подшивке старых, дореволюционных журналов, – Витек прошептал:

– Милый Бог, здравствуй. Я очень рад тебя видеть. Я хочу у тебя попросить... – Но тут же он решил, что невежливо будет сразу предъявлять какие-то требования, и поправился: – Я обещаю тебя слушаться и делать все, что ты скажешь. Только помоги мне, пожалуйста, выбраться отсюда и чтобы папа и мама меня нашли, чтобы...

Мальчик не мог продолжать, судорога схватила горло. Да он и не знал, что сказать, о чем еще просить, чего желать. «Счастья, здоровья и мирного неба над головой», как говорилось в подписанной директрисой детского дома открытке, врученной ему в день рождения, который и днем-то рождения не был? От этих слов не исходило ни тепла, ни холода, они ничего не означали для «дорогого Вити Дорожного», который на самом деле был Виктор Викторович Орлов!

– А еще велосипед! – сказал он с отчаянием, поднимаясь с колен. – Спасибо, Бог. Я тебя люблю.

Губы существа дрогнули.

– Да.

Это было похоже на выдох, на легкое дуновение ветерка. Но так звучали слова божества. Первое слово богини, произнесенное ею в ответ на молитву ребенка.

– Да. Твои желания исполнятся. Но ты должен любить меня всегда. Покоряться мне. Исполнять все, о чем я тебя попрошу. Ты должен быть послушен, малыш, и я буду добра к тебе. Со временем ты вознесешься над многими, станешь взрослым и сильным... Будешь ли ты и тогда любить меня, как сейчас?

– Буду, – прошептал мальчик. Маленькое эхо, живущее под сводами пещеры, молчало сейчас, потому что голос Бога звучал у Витьки в голове. – Буду всегда, Бог!

– Называй меня...

Голос произнес набор звуков, но никто из живущих не смог бы повторить их в уме или произнести вслух. И богиня поняла это и засмеялась чудным смехом, который больно было слышать.

– Зови меня Эйя, мальчик.

Лишенные ресниц веки божества затрепетали и поднялись. Черные глаза, черные сплошь – ни белков, ни радужки, ни зрачка – уставились в лицо ребенка. Он не успел испугаться.

Глава 9

Нет, отверстие в потолке не было единственным входом в пещеру. Из нее вела потайная дверь, надежно скрытая в скале. Механизм древней работы приводился в действие нажатием незаметного рычажка. Просторный ход вывел Витька к дневному свету, который показался ему странно скучным и неестественно тусклым после огня негасимой лампы. Дверь бесшумно закрылась за его спиной. Ход как бы защищался колючей стражей густо разросшегося шиповника, выглядел недоступным, но мог быть свободно открыт таким же незаметным рычажком. Это хорошо, это непременно понадобится. Богиня добра и всемогуща, но она спала слишком долго и потеряла много сил. Ей нужна теперь пища.

Как глупы были те, кто, заточив ее в скале, оставили в пещере хлеб и вино, пшеницу и мед! Они, быть может, не знали, что Эйя не ест людской грубой пищи? Прекрасной богине нужна любовь. Любовь и поклонение. Ему нужно привести к ней людей, и те полюбят богиню с первого взгляда, и поклонятся ей, и насытят ее своим обожанием. Вскоре Эйя, возвращенная, обновленная, юная богиня, поднимется со своего ложа и принесет счастье всем живущим. Богиня любит их всех, и все, что богине надо, – их ответная любовь. Те, что поклонятся ей, получают по заслугам. Они излечатся от болезней. Они будут жить долго – так долго, как только может жить человек. Все женщины станут красивыми, все мужчины – умными и сильными. Но больше всего достанется детям, потому что детская любовь стоит всех благ мира. Так сказала Эйя, а ее слово верно и нерушимо. Дети будут награждены особым обаянием, но главное – они смогут читать чужие мысли и диктовать людям свою волю. Они станут править миром, диктатуре взрослых придет конец! И все это – в благодарность за то, что первым богиню нашел ребенок! А кому бы еще пришлось в голову искать старинный пиратский клад в скале Кошачьей?

Любовь взрослых людей бывает столь же сильна, сколь и противоречива, столь нежна, сколь жестока. Быть может, мама Вити Орлова, которую он запомнил как нежную, пушистую, вкусно пахнущую туманность, сравнила бы любовь взрослого с неким банкетным блюдом, шедевром шеф-повара, подающимся под аплодисменты гостей. Горячее, перченое, острое, жирное, пикантное, обложенное ледяными огурчиками, свежими листиками базилика и мороженой брусникой. Как человеку, перенесшему долгую голодовку, было бы вредно и даже смертельно такое кушанье, так и Эйе сейчас могла бы навредить любовь взрослого. А любовь ребенка – безусловная, преданная, восторженная – станет для нее легким, тепленьким и пресным питательным бульоном... Но кто пойдет первым? Кого Витя Дорожный возьмет с собой в недра Кошачьей скалы полюбоваться на несметные сокровища и поклониться алтарю древнего божества?

Это оказалась Лиза Селиванова – горемыка, детдомовская пария, некрасивая и нелюбимая, гонимая и презираемая. Будь Витек прежним, он взял бы с собой другую девчонку, покрасивей и побойчей, например заводилу и насмешницу Ксению Корчак. Но он уже изменился, он понимал, что любовь Ксении немногого стоит, много ли там любви, на доньшке ее мелководной, эгоистичной души? И достойна ли она, вертушка, болтунья, великих милостей Эйи? Достойна, да. Но ее очередь придет позднее.

Лиза покорилась странной прихоти Дорожного – вести ее куда-то, что-то показывать. Она привыкла покорствоваться, как будто точно знала, что хуже ей уже не будет. Куда хуже-то? И только когда раскрылся перед ней, повинаясь движению скрытого рычажка, тайный ход – ахнула она, как всхлипнула, и обратила на Дорожного свое бледное, беспощадно отмеченное печатью вырождения личико, и посмотрела на него с немой радостью. Не разумом своим невеликим, но чуткой, исстрадавшейся душой Селиванова поняла, что кончились ее злоключения. Теперь ей будет кому отдать любовь, живущую в ее сердце, любовь, которую она не умела понять и выразить. Она много кого любила на своем веку – облезлую куклу Катю, детдомовского пса Кабысдоху и даже пожилого физкультурника Палыча. Но все они тяготились ее любовью! Палыч заставлял Лизу прыгать через скакалку сто раз, «чтобы о глупостях не думала», Кабысдох прятался в свою конуру из ракушечника, а Катя покинула ее, нашла себе другую, более бойкую хозяйку! Теперь же все будет иначе, она полюбит, она будет любима, и за ее самоотверженную, на все готовую

любовь ей воздастся сторицей!

И все изменилось быстрее, чем можно было предположить. Уже через две недели замечено было, что Селиванова очень похорошела. Раньше это была болезненно рыхлая, бледная девочка. К ней не прилипал загар, ложился алыми пятнами ожогов на дрябловатую кожу. Ее лицо испещрено было прыщиками, заживающими рубчиками старых воспалений и вулканическими вздутиями новых. Сальные волосы липли ко лбу и щекам. Бледно-серые глаза смотрели тускло и тупо. Вдобавок ко всему Лиза была косноязычна и умом не блистала. Как свершилась перемена, не заметил никто. Кроме, быть может, Вити Дорожного.

Через две недели после посещения скалы Кошачьей Лиза получила пятерку за контрольную по математике. Никто от нее такого не ждал, и девочка сразу стала объектом повышенного внимания учителей и одноклассников. Ба, да Селиванову-то не узнать! Постройнела, кожа чистая, губы розовые, волосы легкие, вьются. Глаза блестящие, серьезные... И косноязычие вроде стало полегче, вот чудеса! Да нет, какие там чудеса, вот учиться она стала лучше, это да!

– Гормоны! – значительно заявила учительница биологии.

– Переросла, – вздохнула вечно пьяненькая техничка Тая.

– Что ты с собой сделала? – интересовались у Лизы девчонки, истекая злобной завистью.

Селиванова только смущенно улыбалась. Ничего она с собой не делала, это все любовь и воля богини. Но объяснять это товаркам? Пожалуй, не стоит. Они не были добры к ней, они не собирались выпускать ее из клетки отверженности. Они не хотели относиться к ней иначе, чем к парии... Но им пришлось. Ведь значительнее внешних перемен, случившихся с Лизой, была перемена внутренняя. Девочка стала вести себя так, словно сознавала некую силу, стоящую у нее за спиной. Силу, которая в любой момент может наказать ее обидчиков... Seriously наказать. Так малыш в песочнице говорит, надуваясь от гордости, детям старше и сильнее себя: «Вот я сейчас позову мамку, она вам задаст!» И дети притихают, возвращают ему лопатку и грузовичок, потому что неплохо знают маму карапуза, самую скандальную тетку во дворе! Но ведь не было у Селивановой родителей, ее государство растит, так чего ж она задается?

Впрочем, Лиза согласилась открыть свой секрет самой назойливой, воображуле Ксеньке Корчак. Девочки в свободную минутку прогулялись до скалы Кошачьей, и Ксения вернулась оттуда уже немного другой... А там пошло-поехало, покатился с горы снежный ком, и к началу бархатного сезона уже не было в детском доме «Лучик» воспитанника, который не принес бы свое одинокое, жаждущее любви и ласки сердце к ногам всемогущей богини Эйи...

Как же взрослые ничего не заподозрили? А что им, спрашивается, подозревать? Поводов для беспокойства не было. Кривая успеваемости резко скакнула вверх, но это как раз совпало по времени с введением новейшей методики преподавания, так что и удивляться вроде не след. Дети стали опрятней и спокойней, не убегают, не грубят, не ссорятся, не дерутся, да ведь это от них и требуется, не так ли? У них какая-то новая, странная игра? Подумаешь, мы еще и не такое видали!

Все же руководство детского дома насторожилось. Директриса Мария Тимофеевна и завуч по воспитательной работе Людмила Александровна, закадычные подруги, прозванные Большая и Малая Медведицы, матерые педагоги, почувствовали, что дело нечисто, но подозрениями предпочитали делиться только друг с другом, в приватной беседе.

– Допустим, успеваемость улучшилась из-за новой методики, – рассуждала вслух Большая Медведица. – Только я ж, Людок, двадцать лет в педагогике! Сколько этих методик сменилось, лоботрясам как об стенку горох! Домашних-то хоть родители жуют, а этих ничем не пробьешь! А тут вдруг на-ка, подействовало!

Малая Медведица только вздыхала. В отличие от подруги, которая никогда в жизни даже не примерила розовые очки, Людмила Александровна в душе была идеалисткой и даже с уклоном в мистику. Верила она в снежного человека, в чудовище озера Лох-Несс, в

летающие тарелочки и прочую научно-фантастическую чушь. О внезапном повышении успеваемости она высказывалась в том смысле, что явление это столь же необъяснимое, сколь несомненное. Вроде Тунгусского метеорита. Она особенно умилялась сверхъестественно хорошему поведению воспитанников.

– За столом – как графы! Раньше руки мыть не загонишь, теперь по три куса мыла в день стирают! Никто не курит! Не матерятся! Привелось, дожила я до светлого денечка!

– Смотри на вещи здраво, Людмила! Я вот слыхала, что на умственные способности хорошо влияет йод. А йод – в море. А мы – на берегу. Вот и действует.

– Что ж он столько лет не действовал, а вдруг?!

– Твоя правда...

Начальство, что уровнем повыше, тоже не скрывало удивления. В «Лучик» заладили комиссии, но грозные проверяющие удалялись ни с чем. Не было никакого логичного объяснения тому, что педагогически запущенные ребята, сироты, дети алкоголиков из неблагополучных семей, стали вдруг хорошо учиться и еще лучше себя вести! Надо же как-то отреагировать! Учителей поощрили, директора наградили, детям подарили новые игрушки и пару телевизоров. Ах да – еще прислали группу детей из разных городов, с которыми никто не знал, что делать. Они там, в «Лучике», специалисты, посмотрим, придется ли им по зубам горсточка этих орешков?

Некоторые из новичков были буйными, некоторые – затюканными, но учились все одинаково худо. Но после экскурсии в скалу Кошачью они перестали выделяться среди аборигенов «Лучика». Мария Тимофеевна не знала, что и думать. Она вообще как-то потерялась, утратила бойцовские качества и командный голос. Вроде и ни к чему грозиться и орать, если все в «Лучике» идет путем, верно? Полюбила сидеть в саду на скамеечке, читать романы, мечтать и дремать. О чем думала она, греясь в ласковых лучах осеннего солнышка? О своей ли незадавшейся личной жизни? О том ли, что вот и красива была в юности, да и сейчас еще очень ничего, а не польстился никто? Или дело в характере, резка и своенравна была с молодых ногтей, а мужики любят хозяйственных тихонь?

О чем мечтала Большая Медведица, когда погружалась в сладкую дремоту, где витала она? Но однажды ей не дали вздремнуть – пришел Витя Дорожный и разбудил. Тон мальчика встревожил директрису, а еще пуще напугало ее сказанное. Он лазил в скалу Кошачью, один? Какое вопиющее безобразие! Что? Клад? Какой клад? Все это фантазии!

Однако пошла за мальчиком. Ей не было страшно, она привыкла к официальному единовластию своему, к всемогуществу. Но когда вступила в проем незаметно для нее раскрывшегося тайного, темного хода, какая-то жуть навалилась. От идущего рядом мальчишки веяло силой и уверенностью, он явно не в первый раз сюда шел, хотя заросли шиповника возле скалы еще более буйно разрослись, скрыли протоптанную дорожку.

– Не бойтесь, – шепнул Витя. – Уже близко...

То, что увидела она, было страшно. Не в сверкающий несметными богатствами чертог вступила Мария Тимофеевна, но в преддверие ада, в зловонный склеп, насыщенный запахом тления и гнили. Камень сочился сукровицей, и в зловещей тишине слышались предсмертные, безнадежные жалобы и стоны. Она не успела вскрикнуть, не успела помыслить о бегстве, она не успела рассмотреть существа, поднявшегося им навстречу со своего ложа. Мелькнуло только в зеленоватом полумраке огромное гибкое тело, тело полукошки-полузмеи, и на оторопевшую директрису уставилась звериная морда, бывшая гнусной пародией на человеческое лицо... На женское лицо. И за секунду до того, как предаться всей душой непостижимому обаянию существа, женщина успела внутренним оком прозреть истинную его сущность, непостижимую и несказанную, невыразимую даже в мыслях.

«О господи, это самка! Это самка, и она голодна!» – вот все, что успела подумать женщина.

И тут же все вокруг волшебным образом преобразилось.

Глава 10

Когда Виктор Иванович Орлов, бледный, с блуждающими глазами, встал на пороге детдомовской столовой и услышал тихий голос сына, окликавший его, он не понял и не расслышал того, что звучало в этом голосе.

Мальчишка был испуган, но пытался преодолеть свой страх. Витя сразу же понял, что его увезут из Лучегорска. Увезут из-под ласкового, пристального взгляда Эйи, которая с каждым днем становилась все сильнее, и могла уже видеть сквозь толщу камня, и могла уже дарить такими милостями, о которых раньше и помыслить было нельзя! Его увезут в обычную жизнь, он станет мальчиком, каких много, и запрягут в лямку обыденности, и будут пичкать сладковатой кашницей родительской любви! Он мог бы воспротивиться этому, мог бы отказаться от отца, наврать с три короба, уцепиться за порог дома. Мария Тимофеевна пособила бы ему, она теперь своя, наша! Отчего же он этого не сделал? Хотел, а не сделал и даже сам окликнул отца? Оттого что знал – так надо. Разлука будет короткой, странствие недолгим. Он вернется и, быть может, приведет с собой еще кого-нибудь. Отца, или мать, или обоих. Богиня окрепла, ей требуется больше пищи.

Вдали от скалы Кошачьей Вите сразу стало хуже. Он вдруг с болью ощутил, как хрупко и несовершенно его тело, сколь подвержено оно усталости, слабости и болезням... Удаляясь от благотворного влияния Эйи, он терял и нечто большее, чем физическое совершенство. Незаметно исчезали и другие дары. Он все так же слышал мысли людей, окружавших его, но теперь это были только невнятные шорохи, а влиять на эти мысли стало сначала трудно, а потом невозможно. Исключение составлял отец – вероятно, потому, что успел-таки глотнуть лучегорского воздуха. Но эта позорная слабость, эта зависимость от взрослых, это ощущение жизненного тупика!

В новой жизни ему понравилась только сестренка. Ему понравилось уже само то, что она была – хоть кто-то младше и слабей его! Ему понравился и ее характер. Небалованная, тихоня, кропотунья, все что-то возилась со своими лоскутками. А главное – в ней было так много того, что требовалось Эйе, она одна могла бы вернуть богине все ее бывшее могущество, утраченное за долгие годы сна и бездействия... Лиля, дурочка, тихоня, любила всех и вся. Любила мать, которая то душила ее в объятиях, то холодно отворачивалась. Любила отца, но тот был к ней совершенно равнодушен. Любила бабушку, мамину маму, которую никогда в жизни не видела, но писала длинные ласковые письма. Лиля кидалась с объятиями на бродячих собак, гладила каждую блохастую кошку, бормотала нежности толстым помойным голубям – и собаки не кусали ее, кошки ластились, а голуби клевали крошки из ее ладоней. И мальчишка решился – под видом безобидной волшебной сказки рассказал сестрице о доброй фее по имени Эйя...

Но глупая девчонка не поверила ему! Она выслушала сказку, полностью приняв ее на веру, как сделал бы любой ребенок, но не обрадовалась, не принялась мечтать, как здорово было бы встретиться с добрым и всемогущим божеством, но испугалась и расплакалась. Она не смогла объяснить, что ей внушило такой страх, и Витя понял: она чужая. Совсем чужая, другая, она принадлежит иной породе и никогда, если даже от этого будет зависеть ее жизнь, не поклонится Эйе. А значит, ее потенциал, ее скрытая мощь может быть использована против богини. И ничего с этим уже не поделаешь.

Он тосковал. Он исходил тоской, она проступала сквозь все поры его тела, истекала из глаз, циркулировала в крови. Ему казалось, что он разлучен с собственным сердцем. Незаметные, неведомые раньше болезни набрасывались на него, как хулиганы из-за угла. Его здоровье подтачивали и постоянные усилия внушить отцу мысль о необходимости уехать, вернуться в Лучегорск. Казалось, что усилия тщетны, но это было не так! Он воспринял его внушение, поддался ему! Немалую роль сыграли тут и какие-то неприятности у него на работе, и растущее охлаждение жены, и пошатнувшееся здоровье мальчика... Много скопилось обстоятельств, и все они, значительные и не очень, подводили Виктора Орлова-старшего к одному-единственному решению...

Триумф, однако, не удался. Жертвенный телец оказался слишком тощ. Отец не

пригодился Эйе, хотя она и не отвергла его, позволила жить рядом с ней и с сыном. Рядом, но поодаль. Разумная доброта богини не позволяла ей отказываться даже от самого заколдованного грешника. Она была милосердна ко всем... но больше всего любила детей.

Самым большим счастьем было коротать с ней вечера. Дети приходили по двое, по трое и уютно располагались в полутемной пещере, словно на лужайке для пикника. Затаив дыхание, они слушали древние сказки и чудесные песни, которые богиня нашептывала им, не разжимая губ, не размыкая век. Недвижная, величественная, покоилась она на своем ложе, пока воображение уносило детей вслед за ее рассказом на тысячи лет назад, в волшебную страну, некогда процветавшую на месте, где ныне раскинулась Аравийская пустыня. Под жарким солнцем благоухали сады, которым дарили прохладу полноводные реки, и жили в этой стране смуглокожие и темноволосые люди, любившие равно веселиться и работать. И за свой счастливый нрав награждены они были сверх меры, когда в их страну сошли с неба могущественные существа и стали жить среди них и дарить их своими милостями. Существа эти, все подобные Эйе, были добры и прекрасны, они владели многими тайнами природы и щедро делились ими с людьми. Они хотели приблизить людей к себе, хотели сделать их совершенными, а за это просили какую-то малость... Но и этой малости было жаль людям, которые оказались лишь корыстными, жадными и подлыми. Существа, которых они называли *сфингами*, дарили им золото, которое умели выманывать из недр своими песнями. Они лечили их от черной лихорадки и огненной чумы лекарством, приготовляемым из собственной крови. Они учили их детей, и дети становились послушны и разумны, и все это за такую ничтожную плату!

Но люди не желали ничем делиться, они нашли способ известить *сфингов*, они уничтожали этих гордых и сильных, но доверчивых и любящих существ одного за другим... Пока наконец не осталась одна Эйя. И она бы тоже погибла, но горстка преданных слугителей, которых она успела воспитать и вырастить для себя, спасла ее и тайком вывезла из страны. Они долго плыли морем, пока не пристали к скалистому берегу чужой ветреной и холодной страны. Тут для богини найдено было пристанище. С помощью мощной зловещей магии люди погрузили свое божество в сон, а в пещере, где она почивала, остановили время. Но жизнь казалась им холодной и пустой без ласкового взора божества. К тому же и некуда им было вернуться... Земля их, что к востоку от долины Нила, горней волей обращена в безводную пустыню, а их народ отправился в вечное – пока мир стоит! – странствие. Сиротливо и бесприютно будут они скитаться, терзаемые муками совести и жаждой мести, все же народы будут презирать и отталкивать их! И поделом – зачем они лишили человечество неземного блаженства?

Верные слуги Эйи, не желая разделить участь своего отверженного, презираемого и гонимого народа, добровольно приняли смерть у подножия скалы, ставшей отныне приютом богини.

Но, погибая, преданные слугители знали – рано или поздно явится человек, который проникнет в пещеру и вырвет *сфингу* из объятий бессрочного сна. Об этом вскоре заговорили все народы, причудливо искажая истинное положение вещей.

В стране, отвергнувшей мудрую власть неземных существ, стали править глупые, тщеславные люди. Они приказывали приближенным, чтобы после смерти тела их потрошили, набивали всякими снадобьями и обмазывали драгоценными маслами! Глупцы, они надеялись на воскресение, наивно полагали, что дух может вернуться в усохшее тело, как Нил возвращается ежегодно на орошаемую им землю! Но ни один из правителей-фараонов не восстал из мертвых, невзирая на благовония, золотые саркофаги, тонкие погребальные пелены и белокаменные усыпальницы! Они так и остались вялыми мумиями. Ничто не помогло им, хотя они, ничтожные людишки, и ставили охранять свои жалкие пирамиды статуи *сфингов*, грубые, недостоверные статуи!

Тут дети начинали смеяться над глупыми фараонами и припоминать по очереди подходящие сказки. Неужели про Белоснежку и ее гномов – это тоже о ней, о Эйе? Да, конечно! А «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»? Ну разумеется! Это еще что! А

отчего Ленина не похоронили, а забальзамировали и выставили на позорище? Тоже надеялись, что воскреснет? О да! Один шибко умный египтолог заполучил и расшифровал древнюю надпись... Иероглифы-то он знал, а вот в реалиях современности плохо ориентировался, вот и навлек на себя немилость нового вождя и сгинул, не дотянув даже до конца следствия, а кроме него, знатоков древней культуры как-то не нашлось!

Это все правда, дети, – кивала тяжелой прекрасной головой Эйя. Но, как ни жаль, бессмертие недоступно людям. Все, что подразумевается в этих сказках и документах, относится только к *сфингам*. Но и тут есть тонкости... Впрочем, вам рано об этом думать. Потом, позже когда придет час, Эйя скажет вам, что вы должны сделать для ее бессмертия, для укрепления власти ее и появления новых *сфингов*. И в этом богиня особо рассчитывает на тебя, Победитель!

И дети с завистью смотрели на Витю, везунчика, счастливчика! Но и зависть их была чиста и прохладна, как родниковая вода. Там, где нет любви, не может быть страстных чувств, а любви в этих детях не было, их любовь выпила *сфинга*, стремясь поддержать в себе темную, чужую жизнь.

Время шло, и дети выросли, и к Эйе приходили новые питомцы детского дома «Лучик», и не только они. Даже вполне благополучных детей, росших в семьях, как невидимым магнитом притягивала скала Кошачья. У них тоже находились свои беды и обиды. Кому-то родители не давали завести собаку, на кого-то вообще не обращали внимания, занятые сами собой, кого-то в пионеры не принимали из-за троек, с кем-то не хотели дружить одноклассники, кого-то отверг понравившийся мальчик... И копилась в детских душах оскорбленная любовь, которую некому было принять, которая никому не была нужна. Кроме Эйи, конечно.

Одни дети приходили, другие уходили. Все они, подросшие питомцы Эйи, преуспели в жизни. Баланс таланта и цинизма, фальши и конформизма оказался в лучегорских сиротках как раз вровень с новым временем. Они были обаятельны и умели нравиться всем, но особенно начальству, обладали загадочной способностью улавливать моментально малейшие движения мысли вышестоящих товарищей. Они ухитрялись соответствовать самым запутанным требованиям. Они поступали в престижные институты, получали тепленькие местечки, удачно женились и выгодно выходили замуж. Некоторые уезжали далеко-далеко, иные оседали поближе, но все питали трогательную привязанность к «Лучику» и навещали родной детский дом самое редкое раз в три года. А Витя не уехал никуда, осел в Лучегорске сразу после учебы. Построил себе дом, женился, обзавелся детьми и сколотил состояньице, которое продолжало приумножаться. Он-то мог бы и не трудиться ради хлеба насущного, ему Эйя не отказывала в драгоценном желтом металле... Но помимо высшей власти богини, в стране была еще и власть человеческая, любительница сунуть нос в чужой карман, эта могла не ко времени заинтересоваться «нетрудовыми доходами» своего гражданина!

Но ценил ли Виктор Викторович Орлов свой жизненный успех? Нет. В глубине души он был, он хотел быть только верховным жрецом богини, ее верным стражем, пылко в нее влюбленным и фанатически преданным. Ничего лучшего он от жизни не ждал, но в тот момент, когда Эйя поделилась с ним своими тревогами, ощутил вместо беспокойства радость и подъем. Богиня нуждалась в помощи. И он мог ей помочь.

Часть вторая

Глава 1

– Дубов, возьми меня с собой! Ну, Ду-убов, так хочу поехать! Отчего ты такой сердитый? Ты меня совсем, совсем не любишь!

Последний тезис был произнесен плаксиво, и Дубов поморщился. Он копошился в гардеробной, пытаясь собрать чемодан, не мог найти любимый черный свитер, а все белье

оказалось безнадежно перемешано с бельем кружевным, красным, черным и даже розовеньким! Обладательница же розовенького белья и капризного голосочка восседала в спальне на кровати, обняв, как родную, пушистую подушку-думочку, и вовсе не собиралась ему помогать, а все ныла, как кот за хвост тянула!

— Оля, я не могу. Это деловая поездка. Что тебе делать в Верхневолжске? Скучнейший городишко. Зима. Выйти некуда. Будешь сидеть в номере хреновой гостиницы и хныкать, пока я перетираю насчет стекла.

— Дубо-ов, что за выражения! «Хреновой», «перетираю»... Ты что, пэтэушник?

— Да!

Он наконец нашел свитер. Тот преспокойно лежал на самом виду, но высокий ворот был выпачкан чем-то белым. Дубов понюхал, сморщился и чихнул. Пахло косметикой. Вот черт!

— Да! Я пэтэушник! — завопил он, высунувшись из гардеробной и размахивая свитером, как флагом на митинге. — А ты и не знала? Я закончил профессионально-техническое училище номер сорок один! По специальности слесарь-механик! Оля, зачем ты опять брала мой свитер?

О последующем университетском курсе он благоразумно умолчал, впрочем, Оленька на это внимания не обратила. Теперь она лежала на кровати, задрав точеные ноги на спинку, и рассматривала свои алые, блестящие ноготки. От крика Дубова, впрочем, поменяла положение, перевернулась на живот и посмотрела на него с некоторым интересом.

— Дубов... Твой свитер, он такой теплый и мягкий... И пахнет тобой. А я скучала, вот и надела.

Она была целиком и полностью уверена в своей правоте, вот что было страшно. Олечка считала это нормальным — в отсутствие любимого мужчины напялить его любимый свитер, как будто своих тряпок мало! И пахнуть Дубовым свитер никак не мог, он был только что из немецкой химчистки!

— Хоть бы тогда макияж смыла, что ли, — буркнул Дубов почти про себя, но Оля услышала.

Иногда, в самые неожиданные моменты, она демонстрировала редкую остроту слуха, зрения и реакции!

— Так я и знала, ты меня... разлюбил, — сказала она, отделив последнее слово короткой, но выразительной паузой, и ее прекрасные очи наполнились слезами, блестящими и поддельными, как кристаллы Сваровски.

— Оля, ну что за чепуха!

Дубов, конечно, резче выразился. И напрасно. Он дал повод. Повод для того, что сам называл «штучками». «Штучки» он ненавидел ровно настолько, насколько Оля любила. Список «штучек» и перечисление их разновидностей могло бы быть бесконечным. Дубов и сам не знал, бывают ли какие-либо разновидности, или они каждый раз новые, но для себя некоторые виды все-таки поименовал. Была «штучка» под названием «обиженная сиротка». Была «капризная маркиза». Была «штучка», называвшаяся нецензурно. Ее Оля изображала, когда хотела разыграть безумную страсть. В показе участвовали ужин с морскими гадами, вызывающее нижнее белье, шелковые простыни и всякие прочие атрибуты. Секс на скользких простынях превращался в акробатику, а морских гадов Дубов не любил и боялся едва ли не пуще атрибутов! Не доверял он клешням, панцирям и щупальцам с присосками, да и все тут! Ах да — еще повсюду торчали свечи, нестерпимо воняющие какой-то химической отдушкой, и надо было следить, как бы не своротить локтем ненароком одну из свечек, пожару не наделать!

Нынешняя «штучка» называлась «мадам Фу-Фу». Изображалась она следующим образом: Олечка встала в гордую позу, что выглядело очень занятно, потому что на ней, кроме разлетистого пеньюарчика, ничегошеньки не было, и лицо сделала строгое, вдохновенное.

— Как знаешь, — сказала она. — Для тебя, может быть, и... Вот это самое слово. Но

прошу не забывать, что я – девушка трудящаяся. Я сама добываю средства себе на жизнь. У меня свой маленький бизнес. У меня магазин. У меня клиенты. Мне необходимо побывать в Верхневолжске. Там живет модельер, очень оригинальный и самобытный. Мы обменивались письмами по электронной почте. Я собираюсь купить у него, то есть у нее, новую коллекцию одежды для своего магазина. Разумеется, если тебе не хочется видеть меня в качестве спутницы, я отправлюсь туда сама по себе. Прошу прощения за то, что посмела навязываться.

И тут же сунулась в гардеробную – собираться. Стащила с полки чемодан нежно-зеленого цвета, толкнула Дубова острым плечом и принялась осматриваться, соображая, какие такие туалеты пригодятся ей в Верхневолжске, среди раскисших мартовских сугробов!

– Ладно тебе, Оль, – сказал смирившийся со своей участью Дубов. – Поедем вместе. Извини, я сорвался. Я... затерялся очень.

Прощение было получено и зафиксировано длительным поцелуем среди разбросанных вещей и раскрывших рты чемоданов. А куда Дубову было деваться?

Действительно, у Оленьки имелся магазин. В нем она, повинаясь своему «чутью», а на самом деле исключительно своим фанабериям, продавала коллекции оригинальных российских модельеров. Дела шли неважнецки, модельеры драли за коллекции дикие деньги, а продавались они, честно говоря, так себе. Магазин все норовил прогореть, его нужно было поддерживать финансовыми вливаниями, и Дубов вливал. Ему даже не было жаль этих денег. Он сознавал, что, если магазин прогорит и Оленька останется без своего законного бизнеса, бабок у него все равно больше не станет, а станет меньше. Сколько же огорченная «мадам Фу-Фу» потратит на пластыри раненому самолюбию, на психологов и косметологов, на расслабляющий шопинг и тонизирующий туризм? Это же подумать страшно! Так что пусть, пусть будет магазинчик. В конце концов, будем считать эти бабки пущенными на благотворительность. Кому больше пользы от магазина? Оригинальным модельерам. А они, в массе своей, люди небогатые. Можно сказать, бедные художники.

– Ступай, милый, занимайся своими делами, – проворковала Оленька, стряхивая с плеча Дубова невидимую пыль. – Я сама соберу тебе чемодан. Поцелуй меня еще раз... Мой бриллиантовый принц!

У Дубова оставалось одно дело – помыться и побриться. Вкусив сладость еще одного поцелуя, он направился в ванную. Смирившись с тем, что действительно нужных и важных вещей в его багаже не окажется, любимые джинсы и черный свитер останутся дома, а вместо них будет костюм от Версаче, сорочки по двести баксов штука, гадкий галстук оттенка северного сияния и запонки белого золота, которые ему подарила сама Оленька на годовщину знакомства. Запонки стоили дорого, а присобачить их было решительно некуда, потому что Дубов вообще рубашки не любил, а уж таких, которые нуждались бы в запонках, в жизни не носил! Он бы смирился с безделушкой, засунул куда подальше – пусть лежит, пить-есть не просит, но Оля время от времени вспоминала о своем драгоценном подарке и принималась ныть. Почему Дубов не носит запонки? Это так эффектно, элегантно и умирительно-старомодно! Он, наверное, совсем ее не любит!

Последний аргумент, как вы уже, наверное, поняли, Оленька использовала частенько. И действовал он неотразимо. Дубов смущался, капитулировал, выплачивал громадные контрибуции и аннексии.

Он ведь и в самом деле ее не любил.

А зачем же жил с нею, спросите вы меня?! Зачем продолжал уверять в своем чувстве всеми доступными средствами? Молодой мужик, здоровый, богатый, не урод, не дурак! Так что ж, отвечу я вам, ему все дела бросить и искать свою любовь? У него другие дела найдутся. А что искать, если и не знаешь толком, какая она, эта самая любовь, бывает ли на самом деле или только в мексиканских сериалах да в дамских романах, что Оленька читает тайком и прячет в своей ванной? Дубов про этот секретик знал, как и про все остальные, и порой совал свой любопытный нос под мягкую обложку. Любопытнейшие вещи выяснялись!

По мнению авторов дамских романов, любовь – это волшебная страна, где возвышаются головокружительные пики страсти, увенчанные облаками блаженства, где бушуют огненные океаны ревности, изрыгая жемчужины нежности, и восходит солнце новой жизни. Описанный феерический пейзаж вводил Дубова в ступор. Он плохо представлял описанное, но хорошо знал, что авторы в корне не правы. Какие пики? Какие океаны? Любовь – это семья. Это порядок в доме, поддержка, уважение. Это взаимная верность, чтобы без глупостей, без гадостей всяких, без собачьих свадеб! И в этом смысле Оленька лучше многих. Лучше своих предшественниц, во всяком случае.

Дубов уже был как-то женат. Он женился сразу после армии, просто-таки вкатился в семейную жизнь на волне молодого азарта, задора, ненасытного желания. Супруга ему попалась очень славная – резвая, бойкая хохотушка... Но это было все, что по прошествии десятка лет Дубов мог про нее вспомнить. Они прожили год, а потом разошлись – относительно тихо, без скандала и раздела имущества, благо и делить было тогда еще нечего. Он тогда любил ее, страшно переживал, потому решил проявить благородство, отпустить супругу без сцен. Отпустить и надеяться, что она к нему еще вернется, одумается. Что-то там у нее намечалось с большим начальником, у которого она служила секретаршей, которого покорила своим легким характером и заливистым смехом... Так Дубов и не узнал, женился ли тот чиновник на ней или нет. До него как-то вдруг дошло, что за жену бороться надо было, а не отпускать вот так, на четыре стороны! Но поезд ушел.

Потом ему стало не до барышень, он деньги зарабатывал. Тогда денег ни у кого не было и отчего-то они казались гарантией счастливой жизни вообще и жизни семейной в частности. Конечно, он не монахом жил, были у него девушки! Одна только и знала, что скакать по клубам, имела кучу знакомых музыкантов и сама не чуждалась высокого искусства. Пела она. Не популярные хиты под водочку и караоке, это бы еще полбеды, а песни собственного сочинения под гитару! Будущая Дженис Джоплинг крепко надеялась на Дубова в смысле своей грядущей славы. Но у Дубова от пения девицы закладывало уши, в клубах он скучал, а вкладывать деньги в раскрутку возлюбленной жалел.

Другая пассия была всем хороша, но постоянно сидела на диетах. В ресторане девица, отнюдь не страдавшая избытком веса, заказывала салат без заправки и минеральную воду без газа, а потом с завистью заглядывала в тарелку кавалера, где исходил душистым паром янтарный осетровый бочок! Она пыталась обратить в свою веру и Дубова, проповедовала, сверкая голодными глазами, пользу овсяных отваров и пророщенных пшеничных зернышек.

– Да что ж я – курица, что ли? – пугался Дубов.

Расстаться с ней было актом милосердия. Как говорится, сытый голодному не товарищ.

Были еще и другие... Только вот ни одну из них он не решился бы познакомить с мамой, слишком хорошо представлял, в каких выражениях мама могла бы охарактеризовать «невест»! Где подбирает их сынок, на каких панелях? Гулены, бездельницы, хабалки! Хищницы! Пожалуй, что и так. Дубов выглядел легкой добычей.

Поиск подруги оказался похожим на рулетку. Лучше вообще не начинать, но уж если начал, то бери первый же выигрыш и уноси ноги, иначе рискуешь лишиться не только денег, но и последнего ума-разума! И вот подвернулась Оленька, «девушка трудящаяся». У нее на Дубова, казалось, были серьезные виды. Она не стала изводить его свиданиями в грохочущих клубах и походами по ресторанам, быстренько переехала в его дом и бойко принялась вести хозяйство, то есть переставлять мебель, переклеивать обои по своему вкусу и шпынять домоправительницу Любовь Тарасовну. Это было правильно, это было по делу – все, как у людей, и Дубов все нововведения кротко одобрял, а перед Тарасовной укрادкой извинялся и повысил ей жалованье. Кроме того, Оленька его любила, целовала и называла своим бриллиантовым принцем!

Дубов протер запотевшее зеркало, увидел себя и вздрогнул. Все никак не мог привыкнуть к тому, что зеркальная поверхность бесстыдно увеличивала отражаемое на пять, а то и на десять! Якобы так удобнее бриться! Может, и удобнее. Но эта седеющая щетина, как у старого ежа, этот топорный нос, грустные глаза бассета и жесткие прутья волос над

пористым лбом!

– Это я-то бриллиантовый принц! – хмыкнул Дубов. – Заросли-с, ваше высочество! Пожалуйста бритесь!

Одним словом, его все устраивало. Даже то, что Оленька словно бы не торопилась выходить за него замуж. Он уж как-то делал предложение, но выяснилось, что делал не по правилам. Счастливая суженая, не смутившись, поведала ему об этом.

– Дубов, милый! Я так рада! Но мне бы хотелось, чтобы все это было иначе! Представь себе: Париж. Ночь. Мы с тобой в ресторане на Эйфелевой башне. Все утопает в красных розах. Внизу море огней, а в зале полутьма, играет нежная музыка. Ты встаешь на одно колено и протягиваешь мне кольцо с бриллиантом от Тиффани...

Дубов удрученно кивал. Он догадывался, что сцена обручения целиком взята из романа некой Даниэль Шепп «Люби меня по-французски», там еще Эйфелева башня на обложке была и миллион алых роз. Красота, аж сердце замирает! А пока оно замирает, в уме щелкает калькулятор.

Билеты в Париж, плюс гостиница класса люкс, плюс ресторанный счет, плюс немалый тиффаниевский бриллиантик... Солидная выходит сумма, а если учитывать все побочные расходы, то ее следует умножить на два. И это только обручение, а что она на свадьбу запросит?

– Я согласна ждать, сердце мое, – снисходительно кивнула Оленька. – Но мне надо, чтобы все было по первому классу, без подделок! Я замуж собираюсь один раз и на всю жизнь! И чтобы жизнь эта была полной чашей! Знаешь, я должна тебе еще кое-что сказать... Современный мир так циничен! Эти новомодные выдумки! Эти брачные контракты! Они так унижают достоинство женщины!

Ах вот оно в чем было дело! Не стоило в первой матримониальной беседе упоминать брачный контракт, ведь это такая неромантическая деталь! Но Дубов прекрасно понимал, что в случае сами знаете чего брак влетит ему в копеечку и обойдется подороже, чем пять поездок в Париж. Даже чем пятьдесят!

Брачная тема была временно закрыта. Казалось, все и так всех устраивало. Конечно, у Оленьки были свои причуды. Например, за те два с лишним года, что Оля жила с Дубовым, она смоталась в Египет аж четыре раза! Что ей там, медом намазано? Но Оля, по ее словам, была без ума от этой страны. Весь дом она завалила египетскими сувенирами, фигурками сфинксов, папирусами и фараонскими масками. Завела себе голую египетскую кошку по прозвищу Нефертити, злонравную тварь, которую Дубов звал попросту Титькой. Оленька с удовольствием щеголяла в египетских платьях и пользовалась египетскими духами. А возвращаясь из круиза в любимую страну, страну пирамид, она некоторое время существовала в высокодуховной отстраненности от Дубова, словно не в Египте побывала, а в нирване. Дубов так понимал, что она дуется – он-то с ней не ездил ни разу, у него от жаркого солнца в глазах темнело и в голове начинали стучать молоточки. Чтобы утешить подругу, он покупал ей очередную цапку, снисходительно удивляясь Оленькиной любви к бранзулеткам, и вез куда-нибудь развлекать. Это было нормальной, пусть и не самой приятной частью семейной жизни.

Вот и в последнее время Оленька что-то начала томиться и призадумываться – очевидно, не за горами было очередное заграничное турне. Вот и катила бы, не путалась под ногами, не мешала человеку в деловой поездке! С модельером ей надо повидаться! Какой там модельер, в Верхневолжске-то? Вот завод технического стекла там есть, это да. И выпускают они пуленепробиваемые лобовые стекла для автомобилей, они Дубову во как нужны! А никого из подчиненных отправить он за ними не может. В чем была причина, Дубов не знал, но успел понять – вырвавшись в командировку, любой самый адекватный сотрудник начинает вести себя странно. С редким постоянством дипераны Дубова становились жертвами поездных шулеров, нечистых на руку горничных, буйных собутыльников и вороватых жриц продажной любви. У них пропадали деньги и документы, им подливали клофелин в коньяк, и они возвращались – кто со щитом, кто на щите,

потрепанные, осунувшиеся и запыленные, словно с Бородинского сражения.

– Да что случилось-то с тобой? – орал Дубов на последнего командированного, пожилого и такого благонадежного Михайлова. – Зачем ты пил-то в поезде? У тебя с собой деньги и документы ценней денег, так неужели нельзя до дому потерпеть? Приезжай и хоть в запой иди, я тебе ради такого дела три дня отгула дам! И кто кинул-то! Баба! Что, старый гулена, бес в ребре покою не дает? Так занимайся шашнями в нерабочее время!

Михайлов только ухмылялся – похмельно и виновато. Легко шефу орать и разоряться, советовать – пей, мол, дома и гуляй тут же. А как тут расслабиться, если гримза-супруга, тридцать лет душа в душу, так и пилит, и пилит, словно «Дружба», нюхом взяв след зеленого змия? И получку всю изымает, оставляет только на карманные расходы. Так разве ж хватит этих карманных денег, чтобы поухаживать за приличной дамой? Про неприличных мы уж молчим, одно разорение! А в командировке благодать – женушка далеко, в кармане деньжата шевелятся, вагонная тряска весьма располагает, а тут еще и попутчица, пышная такая, рыжеволосая дамочка... Кто ж знал, что она покорыстуется заветным чемоданчиком, когда Михайлов прикорнет, устав от коньяка и любовного общения? Хоть бы только деньги взяла, а документы оставила, ей ведь без надобности! Деньги-то, пес с ними, такой фигуристой да горячей не жалко отдать...

Виноватая улыбка на физиономии у Михайлова сменилась мечтательной, и Дубов это заметил.

– Тьфу на тебя, старый ты... Как его... Ловелас! В другой раз поеду собственной персоной, пусть вам всем будет стыдно! Если я единственный человек, способный в командировке обойтись без пьянки и бабы...

И вот теперь он ехал, что называется, сам-друг. То есть без бабы все же не обошлось.

Глава 2

С самого начала поездки не заладилась.

С первого дня Оленька стала вести себя так, словно он, Дубов, ее сманил, отвлек от какого-то увлекательного и важного дела, а потому теперь обязан развлекать ее и баловать, и на руках носить. Впрочем, если бы даже Дубов согласился с таким положением вещей (к чему-то в этом роде он был, в принципе, готов), то носить Оленьку на руках ему было бы некогда и некуда. Верхневолжск не мог предоставить никаких развлечений столичной штучке, из трех мучительно-длинных, тускло-серых дней поездки только последний вспыхивал для нее заманчивым огоньком – в местном клубе «Гран-Мишель» должен был состояться модельный показ, ради которого, собственно, Оленька и ехала. А что делать целых два дня? Пока Дубов мыкался по делам, она валялась в номере, до одури смотрела телевизор. По кабельным каналам тянулись к провинциальному городку освещенные вспышками фотокамер подиумы, чему-то изумлялись, тараторя по-английски, ведущие, мелькали смокинги и вечерние платья, и жеманные манекенщицы с модных каналов, казалось, готовы были шагнуть прямо на тонущие в весенней слякоти тротуары Верхневолжска...

На второй день Оля решила выйти из надоевшего номера, – ей необходимо было «привести себя в порядок». Разумеется, местная индустрия красоты только ее и ждала, хищно потирая ручонки с кустарно наращенными ногтями. Оленьку неудачно причесали, совершенно изуродовали маникюр да еще как-то крайне оскорбительно высказались насчет ее неотразимых внешних данных. Поплатиться за ненавязчивый верхневолжский сервис пришлось Дубову. Он-то вернулся в гостиницу в самом благостном расположении духа. Дело на мази, теперь бы в ресторан, заказать что-нибудь горяченькое, а потом завалиться спать! Но вместо обеда и сна ему пришлось два часа выслушивать горестный Оленькин рассказ, гладить ее по голове и утешать, а все из-за какого-то маникюра, в котором Дубов, если честно, не заметил никаких существенных изменений!

– Все пальцы на месте, чего тебе еще? – как умел, утешал он Оленьку.

– Дубов, они мне хамили! Какой-то ужасный салон, все такие хабалки сидят! Если бы мне такое сказали... такое сделали в «Гармонии и уходе», я бы добилась увольнения этой нахалки! Стоило только позвать менеджера, и она бы вылетела с работы! Вылетела со свистом!

– Милая, так ведь твоя «Гармония» – она в Москве, и ты там постоянная клиентка с платиновой карточкой. Знаешь анекдот про одесского портного?

– Не знаю! И знать не хочу-у-у!

– Я все же расскажу, тебе понравится. Ну, слушай. Приходит к одесскому портному мужик, приносит отрез и говорит: «Послушайте, можете сшить мне пиджак?» Портной ему: «О чем вы говорите, таки смогу». Мужик: «А может, и костюм сошьете?» Портной: «Конечно, сошью, матерьяльчику хватит». Мужик: «И с жилеткой?» А портной: «Таки зачем нам с вами костюм без жилетки?» Мужик очень удивляется и говорит: «Знаете, я живу в Киеве, ходил к тамошним портным, они все говорят, что этого отреза хватит только на пиджак, потому что я большой человек». Портной снимает с него мерку и отвечает: «Это в Киеве вы большой человек, а в Одессе вы дерьмо. Кепочку из того же матерьяльчика не желаете ли?»

Дубов, давно зная Оленьку, и не ожидал взрыва смеха, но взрыва рыданий ожидал того меньше.

– Ты меня оскорбил! – горевало несчастное создание. – Я просила тебя не выражаться в моем присутствии! Какая гадость!

Дубов встал, потянулся, так что захрустело в позвоночнике, и зевнул. Честное слово, иногда ему хотелось пристрелить Оленьку, чтобы она не мучалась. Прелестное, хрупкое создание, она так искренне страдает из-за несовершенства этого мира! Неужели ей самой не скучно и не противно разыгрывать драмы из-за неправильно уложенных волос, поливать потоками соленой жидкости каждый дурно подпиленный ноготок? И неужели есть на свете женщины, которые ведут себя иначе? Простые, разумные, с некоторым запасом стойкости и жизнелюбия? Или такие встречаются только в романах под цветастыми обложками, которые Оленька прячет в своей ванной, а Дубов находит и украдкой почитывает?

Ну да, читает. А что тут такого? Глупо, не по-мужски, но интересно же! Вот в них и попадаются такие бабы, которые за своим мужиком хоть куда пойдут и не будут ни ныть, ни жаловаться! Любой наряд им к лицу, они не нуждаются в косметике, в духах, в этих кошмарных клещах, которыми Оленька вытягивает, выпрямляет, жжет свои слегка выющиеся волосы! А если они и надевают какой-нибудь подвенечный убор, так только затем, чтобы герой его сразу же стащил, а может, и разорвал к чертовой матери, потому что именно затем этот балахон шился и надевался! И никто мужика не будет три года попрекать, потому что сама счастливая невеста только об этом и мечтает! А вот Оленька, интересно, мечтает о чем-нибудь в таком роде? Ох как редки и прохладны ее соизволения! Она только разыгрывать любит африканскую страсть, ее привлекает все внешнее, показное... Как те «атрибуты», которых Дубов побаивается.

Задумавшись, Дубов перестал утешать Оленьку, и та сразу почувствовала недостаток внимания, принялась всхлипывать громче и жалостнее. Это уже начинало раздражать, в конце концов.

– Вот что, дорогая... Я пошел ужинать. Жрать хочу, как медведь после спячки! А ты, как придешь в себя, присоединяйся.

– Ты уйдешь и оставишь меня в таком состоянии? – возмутилась Оля, но Дубов не стал выслушивать претензий, плотно притворил за собой дверь.

Конечно же ужин не доставил ему удовольствия. Оленька все же соизволила спуститься, но была бледна и печальна, кушенькала только греческий салат, прерывая трапезу душераздирающими вздохами. Конечно же ее томный вид и укоряющие взгляды порядком действовали Дубову на нервы, и мирного семейного вечера не получилось. Дубов все не мог отделаться от мысли, что без Оли в этой поездке ему было бы гораздо лучше, он отдохнул бы и от работы, и от своей дражайшей половины, сладко ел, крепко спал и не

занимался бы глупостями! Да и ей было бы лучше без него – он хам, он не понимает ее страданий, ранит тонкую женскую душу своими грубостями! Подумать только, впереди еще целый завтрашний день, а все дела уже сделаны, и уйти будет некуда! Придется таскаться с Оленькой под руку, выслушивать жалобы, а потом сидеть с ней в клубе, зевать и смотреть показ коллекции «оригинального модельера», чтоб ему пусто было!

«И ведь это на всю жизнь!» – подумалось Дубову, и эта мысль, обычно такая успокоительная, внушила ему внезапный ужас. Неужели всю жизнь рядом с ним будет эта плаксивая, вздорная, неумная бабенка? Может быть, и нет. Она не хочет выходить за него замуж – иначе давно бы согласилась, без Парижа и Тиффани! Она не хочет иметь от него детей и вообще детей не любит. А Дубову нужно не меньше троих, и обязательно сына, сына! Не так уж и много он хочет! Дом есть, сад есть, дело за сыном. Значит, придется снова пускаться в поиск, снова вытаскивать пустые билетки, ошибаться, спотыкаться, тратить деньги, время и душевные силы. А перед этим еще спровадить Оленьку, тут тоже не обойдется без жертв и разрушений, она же так любит его, все время об этом говорит!

Занятый размышлениями о своей будущей вольной жизни, Дубов большую часть следующего дня молчал, во всем соглашался с бедной обреченной Оленькой и позволял вертеть собой, как комнатной собачонкой. Поэтому Оля пришла в самое благостное расположение духа, а выбравший свободу Дубов, наоборот, помрачнел.

«Я ей, в сущности, совсем не нужен. Ей нужен манекен, заводная кукла, способная произнести несколько заученных реплик, обладающая изящными манерами и... ах да – еще толстым бумажником. Я не такой, я не подхожу. Так на какого рожна она мне сдалась? И все, хватит об этом... Сейчас придем в ресторан, я поем мяса и выпью водки. Мне сразу станет легче».

Клуб «Гран-Мишель» был декорирован зубастыми шестеренками, чугунными утюгами и помятыми чайниками. Весь этот металлолом размещался по потолку и стенам, а один наиболее дошлый утюжок забрался даже в аквариум. Дубов содрогнулся, но быстро утешился. Ресторан в клубе выглядел вполне традиционным, меню смотрелось изобильным и аппетитным... Об официантках можно было сказать то же самое. Дубов сразу же заказал кучу снеди, не обращая внимания на критическую физиономию Оленьки. Возле импровизированного «языка» уже крутились какие-то малоодетые девицы, показ явно должен был вот-вот начаться. Оля сидела беспокойно, ерзала и оглядывалась. Наконец вскочила, едва не выбив поднос из рук подошедшей официантки. Та принесла Дубову салат, как он любил – крупными кусками нарезанные помидоры, огурцы и перцы, присыпанные зеленью, и распластannую селедку с лучком, и графинчик ледяной водки вкупе с рюмкой, тоже ледяной, запотевшей! Занятый гастрономическими красотами, он вовсе не обратил внимания на женщину, приблизившуюся к столику. Да и на что там внимание обращать-то? Еще одна ломака, вроде Оленьки. Модельерша была вся прохладная, подщипанная, приглаженная, где надо – блестит, где надо – подрумянено. Улыбка светская, равнодушная.

– Позволь представить тебе моего спутника, – пропела Оленька после традиционных приветствий. – Это Дубов.

Дубов о необходимости делать реверансы забыл, поэтому уже успел хватануть рюмку и теперь основательно набил пасть селедкой с хлебом. Пришлось всё в срочном порядке проглотить и принять для пожатия сложенную лодочкой ладонь. Целовать модельерше руку он как-то не решился.

– Лиля, – назвалась девушка.

От нее повеяло тонкими, теплыми духами, и Дубову вдруг стало неловко – за свой дешевый одеколон фабрики «Красная Заря», а также за водку, селедку и лук. В общем, за благоухание. От неожиданного смущения он больше ничего не смог сказать, а только поклонился и плюхнулся обратно, почувствовав себя не только вонючим, но и неуклюжим, тяжеловесным, толстым, в конце концов! Вон край стола как в живот впился, худеть пора!

Но модельерша Лиля не придавала, очевидно, значения хамству Дубова и не ответила даже на извиняющуюся улыбку Оленьки. Сложная это была улыбка и выражала примерно

следующее: «Ах, эти мужчины, они такие увальни, такие бурбоны! Но умная женщина всегда знает, как заставить их плясать под свою дудку, не так ли?» А модельерша должна была скроить гримаску, означавшую: «Именно так, дорогая, и обстоят дела. Надеюсь, вам еще удастся выдрессировать своего милого медведя».

Но Лиля не ответила на Оленькин посыл, и Дубов почувствовал к ней что-то вроде благодарности. Пожалуй, она ничего. Дамы зашебетали о своем, а Дубов принялся за салат. Ему стало вкусно, и он забыл обо всем, а очнулся, когда уже заиграла музыка. Свет в зале пригасили, подиум напротив, осветился ярче. Дубову принесли жаркое, и он откинулся на спинку стула, налил водки, нацепил на вилку маринованный огурчик – приготовился смотреть. Оленька еще не успела сделать ему замечания – много, дескать, пьет, еще больше ест, за едой чавкает, зубочистки грызть нельзя! – как по «языку» зашагали «вешалки». Все они были поджарые, что гончие собаки, с впалыми боками и злыми глазами. И кто только придумал эту моду на суровые лица, стервозные взгляды, вампирские ухмылки? Неужели когда-то давно манекенщицы умели по-настоящему улыбаться?

– Ну как тебе? – шепнула Оленька.

Дубов, занятый размышлениями о моделях, на саму коллекцию как-то забыл взглянуть. Хотя ему в общем-то было безразлично, какое шмотье Оля потащит в свой магазин, он ведь давеча решил с ней расстаться! Все же, отделившись неопределенным мычанием, взглянул попристальнее. Что ж, занятные вещи делает эта Лиля. И они непременно должны были понравиться Оле, – насколько Дубов мог судить, в коллекции тоже присутствовал египетский мотив, и окрашены-начесаны модели соответственно. Вот будет ли это продаваться? Не его это больше забота. Не его...

– Что, Дубов, берем?

– Бери, – равнодушно пожал плечами Дубов.

Манекенщицы продолжали шастать туда-сюда, музыка звучала так же громко, за соседними столиками звенели приборами и разговаривали, но над их столиком вдруг повисла напряженная тишина.

– Что такое? – осведомился Дубов. Ему теперь сам черт был не брат, он не собирался далее терпеть фанаберии капризной девицы!

– Дубов, у меня денег нету, – сложив губки бантиком, сообщила капризная девица.

– А если нет, то чего ты сюда приперлась?

– Фи, как грубо! Дубов, не обижай меня! Я приехала, потому что думала, что ты добрый мальчик и купишь своей девочке платьицев...

Дубов терпеть не мог, когда Оленька начинала ребячиться и сюсюкать, но до сего момента не давал ей об этом знать, потому постарался взять себя в руки.

– Не куплю, – ответил он, надеясь, что Оленьку отрезвит его холодный тон.

– Поцему, холесенький мой? Лазве ты не хочесь порадовать свою девочку? А я бы потом вернула тебе денежки, когда платьица уйдут...

– Оля, перестань. Я сказал, а ты услышала. Я не буду покупать эту коллекцию. Мне она не нужна.

Наивно распахнутые Олины глаза сузились, оцетинившись щедро окрашенными ресницами. Тройной объем от Мейбеллин!

– Ах так? Может быть, и я тебе не нужна?

– Может быть. Даже совершенно точно. Не нужна.

– У-у, милый, вон как ты заговорил! Тогда и ты мне тоже не нужен! И вообще... – Оленька набрала побольше воздуха в грудь и взвизгнула на самых высоких нотах, на мгновение заглушив пульсирующую музыку: – У меня есть другой человек, понял?! И был все время, пока я... Пока мы с тобой жили, понял?

«Понял» она выговаривала как «поэл», и Дубову стало смешно. И противно.

– Воздержись от подробностей, будь добра. Мне это совсем неинтересно.

Но Оленька раздухарилась, ее было уже не остановить.

– И я люблю его, понял? Все время любила! А тебя, медведя, увальня толстобрюхого,

терпеть не могу! Тоже мне, принц бриллиантовый! Навалится, сопит, пыхтит, луком воняет! Да еще и жмотничает!

Вот это было уже обидно. Дубов вдруг вполне спокойно подумал, что мог бы, наверное, Оленьку убить. Вон у нее шейка какая тонкая, сжал разок, и ау! Ни в коем случае нельзя сегодня с ней наедине оставаться. Мало ли чего она наскажет!

– Прервись на минуту. Не ори, на нас уже люди смотрят, – зашипел новоявленный Отелло.

На разошедшуюся Оленьку можно было повлиять только с помощью общественного мнения.

Этот резон Дездемона восприняла и замолчала.

– Сейчас ты идешь в номер, собираешь свои вещи. Ключ оставишь у портье. Вот тебе деньги. Бери такси, езжай в аэропорт и первым же самолетом дуй в Москву. В моем доме не показывайся, поезжай в свою квартиру. Вещи заберешь, когда я вернусь. Поняла? – И почти без паузы он убийственно-спокойно добавил: – Всего доброго.

Дубов побаивался, что Оля заартачится и не уйдет. Еще он опасался, что, вернувшись в номер, она начнет шарить там и что-нибудь испортит или сопрет – бескорыстно, в порядке мести. Но все деньги и документы, что у него с собой были, он сдал в сейф. И ноутбук спокойно лежит там же. Единственное, что Оля могла бы повредить, – это комплект переливчатых галстуков, а реквизировать – запонки, свой собственный подарок. Но это пожалуйста, не жалко. Дубов полагал, она откажется от денег, которые он вынул из бумажника и деликатно положил на краешек стола. Есть же у нее гордость, нельзя брать деньги у человека, которому только что наговорила кучу гадостей! Но, как выяснилось, плохо он ее знал. Скользящим, незаметным почти жестом Оленька купюры подтибрила и удалилась. Дубов без эмоций смотрел, как уходят, независимо выпрямив спину, два года его не такой уж молодой жизни. Скатертью дорога, как говорится. А у нас тут жаркое стынет, водка греется.

– Извините...

Нет, этому несчастному мясу не суждено быть съеденным! Дубов обернулся – возле стола крутилась давешняя модельерша.

– Извините, а Ольга... Мы с ней должны были поговорить после показа...

Вот оно что, показ-то давно закончился, а Дубов в пылу сражения и не заметил!

– Она ушла. Уехала в Москву. Вспомнила, понимаете ли, об одном неотложном деле и помчалась в аэропорт, – забормотал Дубов, ощущая неловкость.

В самом деле, если бы не его внезапное решение расстаться с Оленькой... Получается, что он эту самую Лилю обездолил, куса хлеба лишил. Она-то, бедняжка, надеялась, что залетная москвичка купит ее коллекцию оптом на корню, а тут вон что вышло!

– Вот оно что, – прошептала Лиля, и Дубову показалось, что ее глаза подозрительно заблестели, зарозовели крылья узкого носа. Уж не плакать ли она собралась? Женских слез Дубов не любил и боялся, этого добра он с Оленькой хлебнул по самые лобные пазухи! Но нет, не плачет. Молодец.

– Да вы садитесь! – спохватился Дубов, сообразив, что он сидит в присутствии дамы, да еще перед накрытым столом. – Давайте поужинаем. Видите, я остался без спутницы, да и вам не мешало бы перекусить...

Не то чтобы ему очень хотелось ужинать в компании этой провинциальной дамочки, но ему было перед ней неловко и хотелось чем-то искупить свою невольную вину. Дубов полагал, она откажется, но Лиля согласилась – села и деловито развернула меню.

Так по-дурацки начатый ужин все же удался. Модельерша не сидела на диете, ела с аппетитом и смеялась незамысловатым шуточкам Дубова. Улыбка у нее была искренняя, да и вообще при ближайшем рассмотрении модельерша оказалась очень славной. Возможно, Дубов слегка перебрал... Он вообще-то не пьянел никогда и в этот раз хмеля не чувствовал, но что-то ведь должно было его сподвигнуть пригласить Лилю к себе в номер, продолжить посиделки? Он ведь только что вырвался, скуля и теряя клочья шерсти, из романа, как из

капкана, неужели же будет утешаться таким примитивным методом? И опять она могла отказаться, разве приличные девушки ходят по ночам в гостиничные номера к малознакомым мужчинам? А она согласилась, вот мы какие!

Впрочем, Лиля могла бы и не соглашаться. И Дубов мог бы ее не приглашать. И Оленька могла бы вдруг передумать и не уехать в аэропорт, остаться в номере, на свой страх и риск устроить второй раунд выяснения отношений... Но все равно – судьба нашла бы средства, чтобы Лилия и Дубов встретились. У нее, у судьбы, у старушки кривой, были на этих двоих какие-то собственные планы, вились для них нехоженые тропы, приоткрывались, ржавыми створками скрипя, темные, древние тайны...

Глава 3

Шампанское было слишком холодным, ледяные иголки неприятно впивались будто бы прямо в мозг. Дубов вообще шампанское не любил, поэтому допивать не стал, приткнул фужер на столик, да неудачно. Тонкое стекло взорвалось пенным фонтанчиком, острые, как иглы, осколки усеяли белый ковролин. Дубов ругнулся было и сразу же виновато прижал уши, покосился на Лилу:

– Извините.

– Не страшно, – спокойно ответила она. – Думаю, это вашему номеру уже не повредит.

Что правда, то правда! Оленька, собираясь, ухитрилась перевернуть люкс вверх тормашками. Все шкафы были открыты, шмотки Дубова ровным слоем усеивали пол в спальне, а в гостиной мстительная девица учинила настоящий свинарник, вывернув на стеклянный столик пепельницу, вазу с цветами и тарелку блеклого зимнего винограда. За поздним временем горничную вызывать не стали, ликвидировали беспорядок сами. Цветы снова оказались в вазе, виноград и окурки – в мусорном ведре. Сели, открыли шампанское, тут бы и наступить напряженной паузе. О чем им разговаривать? Ан нет, беседа потекла вполне весело и приятно. Лилия даже показала новому знакомому фотографии своих близких, хранимые в бумажнике. Мужа у нее не было, зато была мама и чудесный сын Егорушка.

– Настоящий ангелочек, – искренне сказал Дубов.

– Спасибо, – растрогалась счастливая мать.

Ангелочек, да. Сколько Дубов таких побил в золотые денечки детства! Впрочем, может, это снимок такой неудачный. Соломенные есенинские кудри, круглые голубые глаза, натянутая улыбка. Одет мальчик так, что в голову невольно приходят мысли о похоронах – черный костюм, черный галстук, белая рубашка. Впечатление усугубляется букетом осенних астр, которые мальчик сжимает в руке. А в жизни может быть нормальным пацаном, кататься на скейте, играть в футбол и слушать «Ромштайн». Или еще рановато для «Ромштайна»-то?

– Это первое сентября, Егорушка идет в первый класс, – сообщила Лилия. – А вот мама.

Мама оказалась подтянутой молодящейся дамой.

– Красивая.

– Жаль, я не пошла в нее. Маму все знаете как называют? Царица Тамара.

– Ты тоже красивая. Ох, я, кажется...

– Можно на «ты». Только без брудершафта.

– Как угодно, мадам, ваше желание для меня закон!

– Дубов... А я вот хотела спросить – как тебя зовут?

– Что? А... Григорий я.

– А почему Ольга, представляя тебя, назвала только фамилию?

– Имя ей мое не нравилось. Может, мы лучше не будем о ней говорить?

– О-о, я догадывалась, что у вас что-то не так...

– Уже никак. Мы расстались. Почти у тебя на глазах.

– Надеюсь, не я была тому причиной?

– Как галантный кавалер, я должен бы сказать, что именно ты.

– Нет, наоборот. Чтобы меня не мучили угрызения совести...

– Чтобы тебя не мучили угрызения совести, я говорю: мы расстались, потому что назрело. Пришла пора, она влюбилась. Хочешь конфет? Тут есть. Кажется, неплохие. С орешками... Еще вот апельсины и бананы.

– Гриш, если я еще что-нибудь съем, я лопну. И тут будет очень грязно.

Звук собственного имени заставил Дубова напрячься. Странное дело, он почти от него отвык. Оленька предпочитала звать его по фамилии, имя ей и в самом деле не нравилось. Выговорить «Гриша» у нее язык, видите ли, не поворачивался, «Григорием» она тоже его звать не могла. Начала было именовать «Гарри», представляете? Вот так томно, в нос, по-французски грассируя: «Гар-хг-хг-и»! Но тут Дубов взбунтовался, заявил, что он не мальчик-волшебник и пусть лучше зовет по фамилии, как в школе!

– Фамилия-то тебя моя устраивает?

Оленька только изящно сморщила носик, но промолчала. Сама она, знаете ли, была Вяземская! Не кто-нибудь! Впрочем, однажды Дубову случилось поговорить по телефону с сестрой госпожи Вяземской. В легкой беседе и выяснилось, что фамилию Оля изволила сменить, а вот сестренка ее, и мать, и отец – вся семья, в общем, – Кашнотовы! Оленька Кашнотова – это ведь неизящно! Дубову тогда хватило такта над Олей не подшучивать, и вот благодарность. Гришей Дубова с тех пор только мама звала. И вот сейчас эта чужая совсем женщина произносит его имя – так легко, так спокойно!

И тут он ее поцеловал. Не мог не поцеловать. Одной рукой неловко обнял за плечи, в другой держал на отлете коробку отвергнутых шоколадных конфет. Кажется, неплохих, даже очень хороших – с орешками... А поцелуй получился еще лучше – настоящим, крепко-зжмуренным, влажно-трепещущим. Он словно спросил ее о чем-то, целуя, и ее теплые губы, прижимаясь к его губам, нашли и дали ответ. Единственно возможный, единственно верный ответ. Все поцелуи, бывшие до этого в жизни Дубова, вдруг показались ему фальшивками, а этот, настоящий, вот-вот должен был кончиться, и Дубов этого не хотел.

Неожиданно он обнаружил, что коробка конфет упала на пол, а он стоит посреди гостиной и держит Лилию на руках. Она оказалась странно легкой, как птица, и так же трепетала в его руках, и Дубов вспомнил, как в детстве он спас забившуюся между двойными оконными рамами ласточку. Птица была очень испугана, но пошла ему в руки, быть может понимая своим малым птичьим умишком, что в Дубове – последняя ее надежда. Гладкое, обтекаемое тельце, приспособленное для высокого полета, для стремительных скоростей и рискованных траекторий, вздрагивало в его ладони, и тогда он разжал ладонь. С ликующим криком ласточка взмыла в прозрачное небо, заложила крутой вираж и исчезла, словно растворилась. Но теперь он не мог разжать пальцы, он готов был на все, только бы не выпустить ее, эту хрупкую птицу, доверчиво притулившуюся к его груди.

Сердце билось все громче и громче, и за его стуком уже трудно было расслышать мысли. Дубов, однако, понял, что в спальню Лилию нести нельзя – с момента отъезда Оленьки постельное белье, разумеется, не меняли, значит, от подушки разит ее египетскими духами и, быть может, остались ее пережатые, выпрямленные волосы. Потоптавшись на месте, испытывая что-то вроде постоянно усиливавшейся жажды, он опустил свою драгоценную ношу – так и подумал, словами дамского романа, «драгоценная ноша»! – обратно на диван. Опустил и сам примостился рядом. Оказалось, лежа целоваться не в пример удобнее. Вот только внезапно ранимый Дубов вспомнил про свой живот, и про пыхтение, и про запах лука, раскритикованные неделикатной Оленькой. От этого ему стало так нехорошо, что даже слегка замутило и целоваться расхотелось.

Одновременно ему вспомнился и рекламный ролик лекарства «Победин», неоднократно виденный по телевизору. Лекарство, по словам закадрового диктора, волшебным образом укрепляло мужскую силу. Герой же ролика, лысый и усатый, как таракан, мужичонка, отведав «Победин», страстно обнимал свою дебелую подругу, а сам в это время смотрел в камеру, прямо в глаза зрителю. Этот взгляд говорил, что, исполнив свои обязанности по отношению к супруге, герой моментально кинется на поиски нового объекта, и, быть может,

этим объектом суждено стать как раз конкретному зрителю. Дубову всегда было неловко от этого взгляда, а теперь он, значит, как этот мужичишка-таракан. И ему пора принимать лекарство «Победин». Дожили.

Но тут справа от него произошла как бы радужная вспышка – это Лиле надоело лежать и ждать, когда ее кавалер закончит бороться с комплексами. На ней был свитерок, расписанный абстрактными завитками – нежно-лимонными, розовыми, сиреневыми. Этот свитерок она и стащила через голову, вызвав вспышку, едва не ослепившую Дубова. А потом он взглянул на нее и ослеп окончательно, не понадобилось даже гасить настольную лампу!

У Лили была фарфоровая кожа, и округлые плечи, неожиданные у такой худенькой женщины, и маленькая мягкая грудь. Многие мужчины знают, что у женской груди бывает свое выражение – надменное, нахальное, самоуверенное, а хуже всего, когда розовые пуговицы сосков таращатся глуповато и похотливо. Но грудь Лили выражала нежность и беспомощность, а в затененной ложбинке, подвешенный на цепочке, болтался золотой кулон, крошечная пирамидка.

«Неужели и эта помешана на Египте?» – испуганно подумал Дубов, но потом все заволочлось сладким маревом, и у него осталась одна забота, как бы не придавить своей немалой массой такую хрупкую Лилию. Неожиданно она оказалась наверху, и руки Дубова скользили по ее шелковистой влажной спине, нежно ощупывая бугорки позвонков.

Лилия была легкая-легкая, стремительная, как та ласточка, и тихо вскрикивала, так же изумленно и радостно, и трепетала, словно под порывами бури. Между тем золотая пирамидка порядком досаждала Дубову, то щекотала ему шею, то оказывалась во рту, и он решил снять эту цепочку, а она никак не хотела сниматься! Все за что-то цеплялась, а Лилия не хотела ему помочь, а буря все крепла, и Дубов понял, что следующего порыва он не перенесет. И рад бы был оставить кулон в покое, но цепочка как-то замоталась у него на руке и вдруг порвалась. Почти теряя сознание, он отбросил ее в сторону и схватил Лилию обеими руками. Она вдруг гортанно вскрикнула, забилась в его объятиях, и одновременно погас свет. Дубов не успел понять, перегорела ли лампочка, или у него совершенно потемнело в глазах? Не понял, потому что и для него наступил блаженно-мучительный миг, который несправедливо быстро кончился, принесся слабость и покой.

Он открыл глаза и в первое мгновение не мог вспомнить, кто он и где он. Наконец вспомнил, и полежал еще немного, тихо улыбаясь новым ощущениям. Женщина, которая только что стала его женщиной, лежала рядом и, видимо, спала – тихо и ровно дышала. Дубов не хотел ее будить, но нельзя же провести ночь вот так, на диване, голым и ничем не покрытым! Он тихонько сел, пощелкал выключателем настольной лампы. Нет, она все же перегорела. Немудрено, такие страсти бушевали! Хотел встать, но вспомнил про разбитый фужер. Пол тут наверняка усеян острейшими осколками. Дубов нашарил свои ботинки, удивившись тому, что не помнит, как и когда успел их снять. Нашел гостиничный махровый халат, затянул пояс и направился в ванную. По пути наступил на что-то, что мягко подалось под его тяжелой ступней, вызвав отчего-то мысль о раздавленном неприятном насекомом.

Дубов принял душ, стараясь не очень шуметь, и прошел в спальню. Вещи, разбросанные на кровати и на полу, сгреб и засунул в шкаф, скинул покрывало с кровати и задумался. Вернулся в ванную, взял чистое полотенце и застелил подушку, на которой спала Оленька. Отдав дань гигиене, он вернулся в гостиную. Лилия спала, дышала совсем неслышно. Она не проснулась и тогда, когда он на руках перенес ее в спальню, уложил, подоткнул одеяло. Он был рад, что она не проснулась. Ему было жаль, что она не проснулась. Ведь ей, пожалуй, можно было бы рассказать, что с ним сейчас творится – как странно перемешались в его душе внезапно налетевшее, страстное желание и умиленная жалость к ней, такой маленькой, такой беззащитной!

– Кажется, я попал, – сказал Дубов, и голос его излишне громко прозвучал в тишине гостиничного номера.

Впрочем, тишина была не абсолютной. В соседнем номере кто-то раскатисто храпел, а этажом ниже постояльцы продолжали развеселый командировочный кутеж, стараясь,

впрочем, не очень шуметь. Дубов понял, что заснуть не сможет. Он всю ночь напролет проведет без сна и встретит поздний зимний рассвет в мыслях о своей... Неужели о своей любви? А утром они с Лилей пойдут завтракать в ресторан, а потом гулять и разговаривать и непременно договорятся так, чтобы им встречаться часто-часто, а потом, быть может, и вовсе не расставаться... И с этой мыслью Дубов уснул, сам того не заметив.

Глава 4

Лилия говорила во сне. Вернее, она сказала единственную фразу, но с такой убеждающе-умоляющей интонацией, словно заканчивала ею длинный монолог, обращенный к кому-то непреклонному.

– *Я должна сшить*, – сказала она, и Дубов услышал и проснулся.

Ему казалось, что он только на секунду закрыл глаза, и вот уже утро, и в окна бьет горячее солнце. В спальне душно – на совесть топят в гостинице! – у Лили на лбу выступили крохотные жемчужинки влаги. Она вздохнула несколько раз – глубокими, душераздирающими вздохами, и длинные золотистые ресницы дрогнули. Она проснулась и посмотрела на Дубова так, словно не узнавала его.

Он ответил ей улыбкой и ждал улыбки от нее... Но Лилия не улыбалась.

– Который час? – спросила хрипловатым шепотом.

– Не знаю...

Но она уже сама увидела часы – на стене против кровати. Конечно, часы были ужасно безвкусные, этакая раззолоченная блямба с пухлощековыми купидонами на циферблате, но все равно не стоило на них так болезненно реагировать! Лилию как ветром смело с кровати, но тут она обнаружила, что на ней нет никакой одежды, ахнула, потащила на себя покрывало, валявшееся в ногах... Дубов смотрел недоуменно.

– Половина девятого, – прошептала Лилия. – А у меня дома мама с Егоркой. Господи, как они там?

И кинулась в гостиную, в ванную.

Дубов тоже встал, неохотно. Как-то не так он представлял себе нынешнее утро, по-другому его видел. Пришлось одеться, собрать Лилины одежды и передать ей в ванную, в приоткрывшуюся дверь. Она одевалась, шурша и роняя что-то, а Дубов стоял под дверью как дурак и не мог сообразить – что ж ему делать-то? Как себя вести? Нечасто с ним такое бывало.

Она вышла из ванной комнаты, словно облачившись не только в джинсы и радужный свитерок, но и в непроницаемую броню. Такой отстраненной и прохладной Дубов увидел ее вчера еще до всего... Вот именно, до всего – сколько всего случилось-то со вчерашнего вечера!

– Извините, я... – пролепетала Лилия.

В броне явно появились бреши, но Дубову все равно было как-то не по себе.

– Мы вчера перешли на «ты», – напомнил он, отводя глаза. Не хотел на нее смотреть. Зачем, если она все равно сейчас уйдет и то, что казалось вчера волшебной встречей, окажется просто командировочным приключением?

Не хотел, но все же взглянул. У нее были отчаянные глаза, и губы поджаты и бледны, как от сильной боли, и на щеках горели алые пятна.

– Мне что-то нехорошо, – сообщила она. – Давай посидим немножко...

Дубов с готовностью проводил Лилию в гостиную, усадил на диван и налил минеральной воды.

– Ну-ну, что ты так разволновалась, – бормотал он, пока она пила. – Все хорошо, все нормально... Ты позвони домой, предупреди, что задержишься. Я хотел... Мы с тобой...

Не мог же он вот так, с места в карьер, объяснить ей в любви! Она не поняла бы, и вообще... Глупо как-то!

– Извини. Просто Егорушка – он болен, понимаешь? Я боюсь его оставить. Мама

приглядит за ним, конечно, только мне все равно не по себе!

– А что с ним такое? – удивился Дубов. Вчера он видел фотографии вполне здорового мальчика.

– У него... – Похоже, Лиле нужно было собраться с духом, прежде чем вымолвить страшный диагноз. – Ты же видел фотографии. У Егорушки болезнь Дауна.

– Да? А так не скажешь.

– Спасибо, – жалко улыбнулась Лиля. – Но...

В руках у нее оказался бумажник, и она раскрыла его, словно желая убедиться в том, что «так не скажешь». Но, едва взглянув на фотографию, Лиля отбросила его в сторону. Лицо ее исказилось, она поднесла руку ко рту – конвульсивным жестом ужаса.

– Это не мой сын, – сказала она.

– Что? – удивился Дубов.

– Это не мой сын, – повторила Лиля. – Я не знаю этого мальчика.

Дубов подумал, что она, должно быть, спятила. Интересно, бывает вот так, чтобы человек, встав с утра пораньше, взял да и сошел с ума? Ни с того ни с сего. Или и с того и с сего. Наркотики. Алкоголь. Дурная наследственность. Что он знает об этой женщине? Вдруг она давно больна шизофренией, а сейчас у нее как раз обострение? Не выглядит она безумной, ну и что? Говорят, настоящие сумасшедшие порой производят впечатление абсолютно адекватных людей.

Очевидно, тяжелые размышления Дубова отразились на его физиономии, потому что Лиля встала, схватила сумочку, неловко подобрала бумажник.

– Я пойду. Извините. Я, должно быть, вас задерживаю. До свидания.

– Куда еще ты пойдешь? – возмутился Дубов. – Нет, давай сначала разберемся. Вчера ты показывала мне фотографию этого пацана и говорила, что этой твой сын. Так?

– Наверное, так.

– Ты что, не помнишь ничего? – поразился Дубов. – Ты же и не пила вовсе!

В ресторане Лиля заказала грейпфрутовый сок, в номере едва пригубила шампанское. Так, алкоголизм исключается.

– Помню. – Лиля зарозовелась. – Только, мне кажется, что-то изменилось. Я стала другая. Словно спала какая-то пелена. Словно... Что это?

Вот, оказывается, на что наступил Дубов ночью. Это была цепочка с кулоном, которую он снял, да что там – сорвал! – ночью с шеи Лили. Украшение осталось валяться на полу. Направившись в ванную, Дубов тяжелым ботинком наступил на кулон и сплющил его в лепешку. Египетская пирамида оказалась дутой. Дешевка! Но Лиле она, верно, была дорога, вон как она расстроилась!

– Это я раздавил. Нечаянно. Я тебе новый куплю, ладно? – покаялся Дубов, но Лиля...

Лиля, казалось, его не слышала. Она склонилась над расплющенной пирамидкой и поманила Дубова рукой:

– Смотри-ка...

Кулон был дутым, и что-то, видно, таилось в его полости. Это «что-то», капля неведомой субстанции черного цвета, и вытекло на паркет. Жидкость казалась густой, маслянистой и пахла недобро, удушливо – раскаленным железом и гарью. Лиля потянулась пальцем, но Дубов остановил ее руку. Еще чего не хватало! Душа ли, сердце ли, неведомое ли звериное чутье подсказывало ему – эту жидкость не стоит трогать. Она опасна, очень опасна. Лиля носила эту жидкость, заключенную в золотой сосудик, на груди. Быть может, неведомый яд, просочившись сквозь атомы золота, отравлял ее разум и повергал ее в мрачные, странные грезы? Дубов отыскал на столе зубочистку, поддел цепочку и осторожно, на вытянутой руке отнес в ванную, где и спустил в унитаз, несколько раз дернул рычажок смыва. На паркете осталось только крошечное темное пятнышко.

– Не трогай. И знаешь... Давай сейчас оденемся и уйдем. Поговорим где-нибудь в другом месте, а тут пока уберут.

Они быстро, молча собрались и вышли, стараясь держаться плечом к плечу, как

пехотинцы, идущие врукопашную.

Разумеется, в номере тридцать шестом люкс влажная уборка была произведена в тот же день. Горничная Лена, меняя постельное белье, возя пылесосом по ковровину и протирая полы, ничего особенного не заметила. Она вообще занята была больше собственными мыслями, чем этими гигиеническими действиями. А мысли были печальные. Лет десять уже, с четырнадцати, пожалуй, Лена страдала от вульгарного заболевания – угревой сыпи. В юности надеялась, что перерастет, потом купала всевозможные мази и лосьоны, сидела на строгой диете, прибегала к нетрадиционной медицине. Мама уверяет – напасть пройдет, как только Лена замуж выйдет, а как подцепить мужа, если лицо похоже на пиццу? И на груди, и на спине та же напасть! Годы идут, все подружки замужем, а у нее даже парня никогда не было! Совсем расстроившись, Лена приткнула в угол швабру и вытерла лоб запястьем руки, облаченной в толстую резиновую перчатку. Запястье было чуть влажным, на него попали брызги воды... Этого оказалось достаточным, чтобы вечером, когда Лена сдала смену и переодевалась у своего шкафчика, она заметила в зеркальце, что воспаление вроде бы стало поменьше. Прошло три дня, а у нее не выскочило ни одного нового прыщика и старые начали подживать. Со временем Лена скопила денег на косметолога, который с помощью лазера удалил с ее лица рубчики и узелки, оставленные болезнью. А через год она вышла замуж за славного парня, сантехника, служившего в той же гостинице, так и не узнав никогда, какая беда пронеслась над ее головой, какое зло ее миновало...

В ресторане Дубов невнимательно заказал какой-то еды, положил локти на стол и уставился на Лилию – приготовился слушать.

– Что?

– Рассказывай.

– Сегодня утром я проснулась рядом с тобой.

– И очень удивилась.

– Да. Мне показалось, что все вокруг стало... светлее, ярче и тверже.

– Тверже?

– Вещественней. Объемней. Слово какое-то время я видела все окружающее на экране или на картине, в двухмерной плоскости. И наблюдала именно со стороны, не принимая ни в чем участия. За меня действовал мой двойник, а я как будто смотрела кинокартину о своей жизни, с собой в главной роли.

– Ни хрена себе, – пробормотал Дубов и покосился на Лилию испуганно, ожидая, что она сморщит носик и скажет «фи». Но она ничего такого не сказала, а только кивнула. – Скажи, а ты точно ничего не принимаешь?

– Точно, Гриша. Ничего такого, никогда. Даже с валерьянкой осторожна.

– Ясно. И что же происходило в твоей «киношной» жизни?

– Мы переехали со старой квартиры в новую, очень хорошую. Центр города, евроремонт, обстановка. Со мной были мама и Егор...

– Извини, один вопрос. А мама, что на фотографии, это...

– Да, это мама. На вид. А что касается внутреннего, то я сомневаюсь. Она всегда была сдержанной, над детьми не кудахтала, выглядела как бизнес-леди да и, по сути, была ею. Меня она отправила жить к бабуле, когда мне было двенадцать, мы с ней никогда не были особенно близки. Но теперь она совсем другая. Такая домашняя хлопотунья, классическая бабушка в очках и в передничке. Пирожки печет, носки вяжет, сериалы смотрит. А Егора вообще подменили...

Голос Лили дрогнул, но Дубов остановил ее жестом руки:

– Так, давай договоримся раз и на всю жизнь. Ты при мне реветь не будешь. Особенно когда такая ситуевина, что мне надо пошевелить мозгами, поняла? Потому что, когда рядом плачет женщина, я думать не могу и ужасно раздражаюсь. Плакать разрешаю только от счастья и только пять минут в год. Договорились?

– Договорились, – кивнула Лилия.

– Так вот. Про маму и сына я понял. Ну а ты-то чем занималась в своей «киношной»

жизни?

– Да все тем же, – пожала плечами Лиля. – Я же портниха.

– Модельер.

– Да нет, портниха. Но с какого-то момента все пошло иначе. Про меня стали писать в журналах и газетах, было несколько сюжетов на местном телевидении. Поступили заказы от магазинов. Все это смутно как-то... Понимаешь, как будто все решали за меня, а у меня-то ведь ни ума, ни храбрости не хватило так вести дела!

– Ага. А теперь тебе нужно напрячься и вспомнить – когда все это началось? С какого момента ты перестала жить свою жизнь и начала смотреть картину с собой в главной роли? Не торопись отвечать, подумай как следует.

Лиля послушно не торопилась, глядела в свою тарелку, рассеянно ловила вилкой зеленые горошинки, обрамляющие оранжевый зрачок глазуньи.

– Приехали мама... и Виктор.

– Кто есть Виктор?

– Это мой брат.

– Родной?

– Родной. Но мы почти не жили под одной крышей. С ним случилась удивительная история, он в детстве пропал на несколько лет. Отец его искал и нашел в каком-то детском доме. А через год мама с папой развелись и нас поделили. Они уехали в другой город, и я не видела Витю... До того дня.

– Прелюбопытнейший рассказ, дорогой мой Ватсон. А куда же он пропадал, твой братец? Когда еще малюткой был?

– А-а, это так и не выяснилось. Все говорили, что его украли цыгане.

– Цыгане... А что, пожалуй...

– Тем более что он их ненавидит теперь. Было, помнится, одно высказывание.

– Да нет, я не об этом. Просто подумалось: может, ты под гипнозом была? Говорят же люди...

– Может, – согласилась Лиля, смутно припомнив щедро орошенный летним дождиком вокзал и босоногую цыганку с красавчиком цыганенком. Что она говорила ей тогда? Предлагала поменяться детьми, а потом уколола чем-то в руку. Вот оно!

Запинаясь и путаясь, Лиля рассказала Дубову про это происшествие. Тот важно нахмурился, переваривая информацию.

– Допустим. А скажи ты мне, почему гипноз держался-держался и вдруг в один момент слетел? Я что, сыграл роль волшебного принца? – Тут Дубов вспомнил «бриллиантового принца» и передернул плечами. – Поцеловал спящую красавицу и вырвал ее из царства грез? Ох, что-то не верится. Я не спрашиваю у тебя...

– Нет, – перебила его Лиля. – Ты меня не спрашиваешь, но я тебе отвечу. За это время я ни с кем... не целовалась.

– Тогда... Тогда допустим. Но мне лично кажется, что все дело в той беребендейке, что я раздавил. Откуда она у тебя? Помнишь?

– Нет, – выдохнула Лиля. – Мне чудится, я проснулась как-то утром и она уже была на мне... Крестика не было, а она была. И я не снимала ее никогда. Не знаю почему. Как будто запретили мне снимать.

– И с этого момента, как она появилась, твоя жизнь начала меняться?

– Не могу точно сказать. Наверное, да. Понимаешь, сейчас мне кажется, что все менялось постепенно, не враз.

– Понятно, понятно, – покивал новоявленный Шерлок Холмс.

На самом деле ему ничего не было понятно! Эх, Григорий Дубов, в какую мистику ты влип? Сроду был чужд суевериям, посмеивался только, а теперь гляди-ка! Как тут разобраться? Махнуть бы рукой на всю эту сверхъестественную чепуху, схватить в охапку Лилю и увезти ее – далеко и навсегда, чтобы она была только его и ничья больше!

– Мне нужно вернуть Егора, – тихо сказала Лиля, словно отвечая на его невысказанные

мысли. – Он маленький, больной, беспомощный. Он очень привязан ко мне, не сможет без меня жить. Кому он понадобился? Я должна его найти и вернуть!

– Вернем, – кивнул Дубов, смирившись с тем, что прямо сейчас похитить и присвоить Лилю ему не удастся. – Вот это ты правильно сказала, что нужно понять, кому он понадобился. Об этом и будем думать. Сама понимаешь...

– Еще что-нибудь будете заказывать? – сунулся под руку Дубову официант.

– Нет. Давайте счет.

– Поедем ко мне, – предложила Лиля, глядя, как Дубов хлопает по карманам, ищет бумажник.

– К тебе? Вряд ли это...

– На старую квартиру. Я могу ошибаться... нет, я уверена – ее не продали и не сдали. Только не бабушкину квартиру. Там есть одна женщина, соседка, Софья Марковна. И еще Нинуля! Я с ними общалась до этого... До того, как все переменялось. С ними тоже стоит поговорить.

– Поехали. Я только вещи заберу, хорошо?

Глава 5

Лилия потянула было Дубова на троллейбусную остановку, но тот заартачился. Взяли такси и ехали в нем долго, минут сорок. Заскучав, Дубов украдкой взял Лилю за руку, и она руки не отняла, но прошептала, испуганным зрачком косясь на непроницаемый затылок водителя:

– Гриш... Я хочу... то есть я не хочу, чтобы ты обо мне так думал.

– Как? – не понял Дубов, который в эту минуту как раз о ней вообще ничего не думал, а соображал, кто бы мог им в этой истории помочь и стоит ли подключать милицию.

– Ну, что я с тобой вчера в ресторане познакомилась, а потом к тебе в номер пошла, и... Со мной такого раньше никогда, я ни с кем...

Тут она окончательно смутилась под вопрошающим взглядом Дубова и замолчала.

– Я понял, – ответил он строго.

Эта строгость сейчас была понятна и нужна им обоим. Ей – чтобы не дрожать, не потеть ладонками, ему – чтобы скрыть умиление ее неподдельной наивностью. Господи, да как Лилия могла подумать, что он что-то там подумает! Она ему доверилась. Он теперь отвечает за нее. Вот и весь разговор, и незачем смешить таксистов!

На окраине воздух оказался чище, сугробы целее, люди проще. Пятиэтажный дом сталинской застройки выглядел элитным жильем среди обступивших его серых хрущевок. Кодовый замок сломан, в подъезде пахнет кошками, стены исписаны доступными словами и анатомическими комиксами. Дубов покосился на Лилю – чистенькую, тонкую, ясную, как полевая ромашка, и вздохнул. Когда б вы знали, из какого сора... Впрочем, в розариях, бывает, вырастает дурнопахнущая белена.

Лилия загремела ключами, открыла дверь. И тотчас же пахнуло застоявшимся нежилым духом. В квартире был полумрак – задернуты повсюду тяжелые плюшевые шторы, да и оконные стекла осунулись, посерели от пыли и неохотно впускали дневной свет. Дубову понравилась мебель, старая, приобретенная еще до того, как в моду вошли полированные ящики из прессованных опилок. Молча Лилия провела его по всем комнатам, показала гостиную, свою комнатку, где замерла в ожидании швейная машинка и вытертый до основы палас все еще цвел разноцветными лоскутками... Одна катушка, завидев хозяйку, так обрадовалась, что покатила ей навстречу по полированной плоскости стола, да так и упала тихонько на пол.

Показала Лилия и детскую комнату, там тихонько сидели на диване, прижавшись друг к дружке, мягкие игрушки и на полу расстелен был лист ватмана, рядом валялись фломастеры. Дубов поднял один, пару раз черкнул по листу, но красный клювик, скрипнув, не оставил следа. Фломастер высох.

На кухне в дешевом электрическом чайнике плескались остатки воды. В отключенном холодильнике ютилась сиротливо банка консервированной кукурузы. Жестяная коробка, расписанная желтыми китайцами, хранила на дне остатки чая.

– «Мария-Селеста», – лаконично высказался Дубов.

– Я сейчас о том же подумала. Надо же, совершенно не помню, как мы переезжали. Как будто ластиком стерли часть воспоминаний. Сейчас пойдем к...

Но тут в дверь позвонили – коротко, неуверенно. Дубов с Лилей переглянулись.

– Я открою, не возражаешь?

Лилия кивнула, и Дубов направился в прихожую, стараясь не топтать слишком громко. Пока он возился с незнакомым замком, Лилия устроилась с ногами на табурете и подавила желание зажмуриться и зажать уши. Ничего страшного между тем не произошло – слышались шаги, голоса, и в кухню вошел Гриша, а за ним семенила Софья Марковна собственной персоной. Ух как Лилия ей обрадовалась!

– Лилечка, милая! – заголосила тетя Соня и тут же прослезилась – ее-то Дубов не успел предупредить о своей идиосинкразии к слезам. – Где же ты пропадала? Что же с тобой случилось-то? Где Егорушка?

– Я не знаю! – вскрикнула Лилия, но приневолила себя и продолжила уже более ровным голосом: – Тетя Соня, давайте сядем, поговорим спокойно. Здесь творятся странные вещи, и мне нужен ваш совет. Очень нужен.

Даже если бы Софья Марковна лежала на смертном одре и у нее попросили помочь кому-либо советом, она бы с легкостью поднялась и принялась наставлять, поучать, вразумлять. А сейчас и подавно! Тетя Соня опустила на второй табурет, а Дубову пришлось взгромоздиться на угрожающе скрипнувший подоконник.

– Это кто, Лилечка? – шепотом спросила Софья Марковна, выразительно моргнув в сторону Дубова.

– Это Григорий, мой... мой знакомый. Гриша, познакомься, это Софья Марковна. Моя соседка. И добрый друг.

– Очень приятно, – сказал вежливый Дубов.

– Вы уж извините старуху, Григорий, – смутилась тетя Соня. – Я ведь голоса услышала, вот и спустилась, а для храбрости скалку прихватила. И тут мне здоровенный мужик открывает, заходите, говорит! Я испугалась... И хотела...

– Трагедию удалось предотвратить, – солидно покивал Дубов. – Ничего, тетя Сонь. Бывает между соседями. Ну вот что: давайте все же поговорим. Вести беседу буду я, потому что я тут самый главный. Возражений нет?

Женщины помотали головами. Нет, мол, возражений, продолжайте, пожалуйста, Григорий Степанович.

– Когда вы, Софья Марковна, последний раз видели Лилию? До сегодняшнего дня?

– Двадцать третьего сентября, – без запинки ответила старушка.

Дубов не ожидал такой точности, и это немного сбило его с толку.

– Почему двадцать третьего? – удивился он.

– Потому что двадцать четвертого мужу моему память, – охотно пояснила Софья Марковна. – А накануне я всегда в церковь хожу. Так-то из дому редко выползаю, ноги распухают. Тут, однако, пришлось поехать. Вышла из маршрутки, плетусь полегоньку, а Лилия мне навстречу. И мальчика за руку держит. Незнакомый мальчик, хорошенький такой. Я к ней – что, да как, да почему? А она смотрит на меня как, значит, на пустое место и говорит эдак с гонором: женщина, дескать, вы меня с кем-то путаете. А мальчик ей: мам, пойдем. И посмотрел на меня исподлобья, со злостью такой... Будто сглазил он меня – ноги ослабели, сердце зачастило. Доковыляла кое-как до скамеечки на остановке, сию, воздухом дышу. А она так и пошла прочь, не оглянувшись даже!

– Я ничего не помню, – покачала головой Лилия. – Тетя Соня, миленькая!

– Стоп! – скомандовал Дубов. – У нас, тетя Соня, такая оказия вышла. Мы думаем, Лилию загипнотизировали, навязали ей чужую жизнь и мальчишку ее подменили.

– Страсти какие! – охнула Софья Марковна.

– Теперь мы соображаем, кому это понадобилось и когда произошло. А вы должны нам помочь. Так вот, припомните – когда в последний раз вы видели Лилию, чтобы она вас узнавала и с вами говорила? Чтобы она была такой, как сейчас?

– Так ведь в мае же, Лилечка! В конце мая! Аккурат когда твоя мама приехала и брат твой с нею! Ты же помнишь, как они приехали, Лилия! Что с тобой? Григорий, посмотрите, что с ней?

У Лилии глаза закатились под лоб, она держалась на табурете только потому, что спиной опиралась о стену.

– Она в обмороке. Гришенька, давайте воды!

– Не надо воды, – подала голос Лилия. – Я никогда не падаю в обморок, не по чину нам. Я все вспомнила. Это ужасно. Виктор уговаривал меня уехать с ним, к нему. В Лучегорск.

– Где это? – удивилась Софья Марковна.

– Западное побережье Крыма, – нетерпеливо шепнул Дубов. – Дальше, дальше!

– Он сначала предлагал, потом умолял, потом, кажется, даже угрожал. Напирал на то, что Егорушке там будет лучше. Я отказывалась, потому что знала – ему там не будет лучше, совершенно точно! Мы поссорились... А потом помирились. Ночью мы разговаривали, он расспрашивал меня о жизни, о том, чего бы мне хотелось... Он сказал – давай, как в детстве, помнишь, мы играли? Приплыла к тебе золотая рыбка и спрашивает: чего тебе, дескать, старче? Или могущественный джинн вылетел из старой бабулиной лампы... И можно загадать три желания, только три! А я тоже играла в эту игру сама с собой, и желания у меня давно были готовы, да чего я особенного желать-то могла? Хотела, чтобы мой сын был здоров, это перво-наперво; хотела стать известным модельером; хотела, чтобы у меня было современное, удобное жилье – дом там или квартира... И он сказал – у тебя все будет. У меня, сказал он, есть маленький подарок для тебя. Носи его постоянно. И повесил мне на шею вот это...

Лилия схватилась за шею, где не было уже привычной цепочки с медальоном-пирамидой.

– С этого момента началось кино.

– Да-а, – протянула Софья Марковна, а Дубов только за голову схватился.

– Погоди-погоди. Мне вот что пришло в голову. Ты говорила, твой брат в детстве пропадал? Цыгане его, типа, украли?

– Да.

– Романтичнейшая история, – прошептал Дубов. – И твой отец его нашел в детском доме? В городе Лучегорске?

– Да.

– И что же, он, в смысле твой брат, туда переехал на постоянное жительство?

– Ну, после того как родители развелись и нас поделили, отец с братом... Да, они уехали в Лучегорск. Я помню, отец говорил, что у Вити слабые легкие, ему полезен морской воздух...

– Странно, очень странно, – пропел Дубов. – Думаю, пора лезть в Сеть.

– Куда? – не поняла Лилия. Она как раз думала про рыбоперерабатывающий заводик, принадлежащий брату, и мысль эта странно сплелась с высказыванием Дубова.

– В Интернет! – крикнул Дубов уже из прихожей. – Пробьем твой Лучегорск, посмотрим, что на него есть!

– У нас нет Интернета.

– Зато у нас есть! – заявил Дубов, опуская на кухонный столик ноутбук. – Хозяйка, сгоноши чайку, а? И слушай, может, пиццу закажем? Что-то я есть захотел на нервной почве!

– У меня оладушки есть, сейчас принесу, – поднялась Софья Марковна. – А ты, Лилечка, поставь чайник и сходи в магазин, купи продуктов. Пиццу к нам сюда не возят, не в Италии, чай, живем. А мужика кормить надо часто и много. Он ведь ишь какой у тебя!

– Да, я такой, – с достоинством согласился Дубов, тыча пальцем в миниатюрные

кнопки ноутбука. Кнопки стонали и попискивали. – Кормить – это хорошо, я согласен.

А Лиля посмотрела на Софью Марковну изумленно. Помнится, когда речь шла об Игоре (кто такой, кстати Игорь? из какого далекого прошлого он явился?), тетя Соня, напротив, советовала его не прикармливать, разносолами не баловать.

– А то повадится ходить, чтобы только покушать сладко! – говорила она, возмущенно пожимая округлыми плечами. – Тут ему и стол, и дом, и ласка... Нечего, нечего!

Ого, как тетя Соня сейчас заговорила! Лиля посмотрела на Дубова. Тот весь ушел в процесс нажимания кнопочек. Кажется, на языке Софьи Марковны «ишь какой» значит «большой и красивый».

– Ладно, пойду куплю еды какой-нибудь.

– Пельмешек бы хорошо, – кивнул Дубов. – Знаешь, со сметаной. Деньги в кармане куртки.

Он уже успел узнать: Лучегорск известен не только рыбными консервами «Бычок в томате». Как и было сказано, в этом богоспасаемом городишке имеется детский дом. Так вот – выпускники и питомцы этого детского дома отличаются редким умом и сообразительностью, а также высокоразвитым интеллектом. С завидным постоянством они участвуют в различных турнирах и олимпиадах и повсюду берут призовые места. Вот Катя Находкина (явно придуманная фамилия, вероятно, подкидыш) побила, как младенцев, математических гениев со всей страны и поступила в МГУ без экзаменов. А Григорий Скуратов (привет, тезка!) победил аж на международном конкурсе программистов и тоже получил какой-то ништяк.

Одна из ссылок вывела Дубова наконец и на сайт Лучегорского детского дома. Веселый оказался сайт, цветастенький. Вот оно что – домик-то для гениальных детей. Для гениальных «сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», вот как было сказано. Им в Лучегорске созданы все условия – нарядные спаленки, масса развивающих игрушек, прославленные врачи, вдумчивые педагоги и классные комнаты, оборудованные по последнему слову техники. Принимаются дети от полутора до двенадцати лет. Интересно, задумался Дубов, как в полтора года можно определить гениальность ребенка? По тому, научился ли он самостоятельно ходить на горшок или нет? Впрочем, быть может, Дубов что-то путает и некоторые полуторагодовалые малыши уже способны играть в шахматы. С гроссмейстерами. И обыгрывать их.

Дубов был так занят изучением сайта детского дома «Лучик», что не услышал, как Лиля ушла и пришла. Очнулся, когда за спиной чпокнула дверца подключенного теперь холодильника. Лиля складывала в сияющее белое нутро симпатичные припасы – килограммовый пакет пельменей, колбасу, пучки зелени и лука, сметану, кетчуп, еще какие-то привлекательные баночки и упаковки.

– Что это у тебя там? Грибочки? – заинтересовался Дубов. – Давай-ка их мне сюда...

– Успеется, – строго сказала Лиля. – Что-нибудь нашел?

– Сколько угодно. Домик-то этот не простой, а продвинутый. А вот скажи мне, дорогая, как твоя фамилия?

– Орлова, – отчего-то смутилась Лиля.

– Красиво! – одобрил Дубов. – А у брата твоего?

– Тоже... Та же самая.

– И зовут его Виктор, да? Смотри, его имя в списке попечителей этого богоугодного заведения.

– Ну и что?

Действительно, ну и что, подумал Дубов. Это так естественно. Местный бизнесмен, владелец заводов, газет и пароходов, состоит в попечительском совете детского дома «Лучик». Детского дома, в котором сам когда-то рос. Что может быть нормальнее?

– Нам придется туда поехать. Слышишь, Лиль?

– Прямо сейчас? А у меня вода закипела. И лаврушку я бросила уже... Не надо пельмени запускать?

– Я тебе дам «не надо», – задумчиво погрозил Дубов. – Ох, не нравится мне все это. Сдается мне, вся мистика только начинается... Я должен понять – почему пирамидка? Почему твоя коллекция была такой египетской? Почему Оленька, которая свихнута на Египте... При чем она тут вообще?

Он уже не говорил, а думал. Он не хотел думать вслух, потому что не хотел посвящать Лилию в некоторые из своих мыслей. Мрачноватые это были мысли, и все крутились перед внутренним взором те запонки белого золота, что подарила ему Оленька. Сфинксы были на запонках, два сфинкса-близнеца... И что-то они ему напоминали. Да нет, не напоминали даже, а так...

– Господи, я совсем забыла вам рассказать! – Софья Марковна появилась в кухне неслышно. – Лиля! Что с Ниночкой-то нашей случилось!

– Что, тетя Сонь? – отозвалась Лиля, помешивая пельмени.

– Пропала она. Пропала без вести.

– Да как же!.. – Лиля обернулась, прижала ложку к груди. – Как?

– Поехала к подруге на дачу. Ты помнишь, Лилечка, платье же ты ей шила еще для этой поездки?

– Конечно...

– Вроде машина ее какая-то увезла. Отчего-то она не в тот поселок приехала, да может, перепутала просто. Водитель автобуса ее видел, а потом еще какой-то мальчик, как она в машину садилась. Номеров не запомнил, но он странную вещь сказал – что вроде в этой машине за рулем мужчина сидел, а на заднем сиденье двое детей. Может, он их всех похитил, кто знает! Так и сгинула девчонка, а ведь сколько и в газетах пишут, и по телевизору говорят, чтобы не садились в какие попало машины, мало ли теперь развелось отморожков! Милиция приходила, меня допрашивали и тобой сильно интересовались.

– Ужас какой...

– Дети... – задумчиво сказал Дубов.

– Что? – хором переспросили Лиля и Софья Марковна.

– Дети. Все упирается в детей. Они в этой игре – главная ставка. Они повсюду, и с ними связаны самые странные события. Нет. Нам надо ехать в этот Лучегорск, так его растак! Даже не ехать, а лететь. Завтра же. Я позвоню в аэропорт, узнаю рейсы. Лиль, собирайся потихоньку.

Ответом ему было молчание.

– Ты чего?

– Нам?

– Не понял.

– Нам надо ехать? – Лиля нажимала на слово «нам», но Дубов все равно ее не понял.

– А?

– Гриш, ты что, со мной поедешь?

– Ну конечно. Ты же одна не справишься, так?

– Не знаю. Может, и справлюсь.

– Так, я что-то не понял. Ты не хочешь, чтобы я тебе помогал?

– Хочу! Очень хочу! Я ничего не смогу одна, я боюсь и ничего не понимаю! А ты?

– Я тоже пока ничего не понимаю, но не боюсь и знаю, мы справимся и отыщем твоего Егора. Так в чем же дело?

– Просто я думала, что у тебя дела.

– Какие еще дела?

– Всякие. Важные. У мужчин всегда дела.

– Ах ты, дурочка, – ласково сказал Дубов, и у Лили немедленно затрясся подбородок. – Не реви. Как там пельмени, сварились? Клади! Тетя Соня, садитесь за стол. Никаких возражений! Я пойду отнесу ноутбук и руки помою. Мои дела подождут, пока мы Егорку найдем.

Когда в ванной заплескалась вода, Софья Марковна шепотом сказала Лиле:

- Повезло тебе, доченька, на этот раз. Григорий-то твой!
- А что?
- Человек-то какой! Серьезный, душевный...
- Да? – слабо улыбнулась Лиля, быстро нарезая зелень.
- И ко всем у него разговор есть, вот что ценно. Настоящий мужчина, положительный!

Держись за него, поняла?

Лиля поняла. За пару минут до того, как тетя Соня сделала это историческое заявление. Он не собирается уезжать и бросать ее в беде, а зачем ему Лилины проблемы? Зачем ему искать совершенно постороннего ребенка, вступать в непонятную, страшную историю? Они же только вчера познакомились, а кажется, что прошла уже целая вечность! Держаться за него? Но как? Сейчас они прибиты друг к другу чрезвычайными событиями, словно вместе сидят в углой лодчонке посреди бушующего океана, а что будет потом? И что же ей делать?

– Ты только люби его, – сказала медицинская сестра. – Просто люби, понимаешь? Не жди от него никаких свершений, не надейся, что он оправдает твои чаяния! Люби его, и он будет тебя любить. Это так просто – но почему-то мало у кого получается! А у тебя получится, я знаю.

Лиля прижала к груди шумовку, которой только что вылавливала из кастрюли пельмени. Не так-то уж это и просто! Он ведь совсем чужой, этот большой мужчина в мешковатом свитере, Лиля ничего о нем не знает. Как он жил до их встречи, чем занимался, какую роль в его жизни играла Ольга? Как быстро она исчезла, это неприятно! И не слишком ли быстро у Лили с Дубовым дошло до... До близких отношений, в общем. Что он о ней думает? Понимает ли, что это была не она вчера, не Лиля, а героиня какого-то эротического шедевра типа Тинто Брасса? И как у них сложится дальше? Ночь не за горами! Куда Дубова девать, где найти для него место в запутанной Лилиной жизни?

Но все ее мысли, все страхи испарились, когда Дубов вышел из ванной и уселся за стол, а по дороге чмокнул ее куда пришлось – в ухо. Он так плотно сел на табурет, так деловито взял ложку и нетерпеливо посмотрел на Лилу, которая нарезала ему хлеб, да замешкалась! Действительно, серьезный и основательный человек. Такому не надо искать место, он сам его себе найдет. И вообще, может, пора бросить рефлексировать и положиться целиком на Гришу? Он все сможет, всех победит, разрешит все проблемы...

«Но я должна буду шить», – подумала Лиля.

Глава 6

– Гриша... Это, наверное, очень дорого, – прошептала Лиля на ухо Дубову, когда улыбающаяся стюардесса усадила их в кресла и пожелала приятного полета.

– Мм... Что? – удивился тот.

Вчера они долго не спали, разговаривали почему-то шепотом. Стесняясь и пряча глаза, Лиля постелила ему в своей спальне, а себе – в комнате Егорушки. Тоже смущаясь, Дубов быстро разделся и спрятался под одеяло, но Лиля не ушла, осталась сидеть на краю кровати. Они говорили, говорили, а потом она незаметно уснула – как была, в халате, поверх одеяла. Дубов вытащил из-под нее одеяло накрыл, даже поправил, попинал подушку. Не без тайного умысла, что Лиля проснется, и... Что? Ничего. Какое свинство – лелеять свое любопытство, когда она, маленькая, несчастная, доверчивая, спит рядом! Мысленно заклеив себя позором, Дубов отвернулся от Лили и постарался заснуть. Естественно, спал он очень плохо, а теперь вот клевал носом.

– Ерунда, – ответил он Лиле. – Тебе что, подумать больше не о чем?

– Не о чем, – согласилась она. – Я не могу думать о том, что нас там ждет. У меня сразу сердце начинает колотиться и воздуха не хватает.

– Тогда ни о чем не думай, мой тебе совет. Не приставай, дай вздремнуть.

И Лиля сразу замолчала, сидела тихо, как мышка. А Дубов заснуть опять не смог. Полулежа в кресле, он соображал. Что же это, он сказал Лиле «не приставай»? Оленька бы

сейчас разразилась гневным монологом, вспомнила о своих правах, всплакнула бы даже! Он бы сто раз пожалел, что решил вздремнуть в неурочное время! Да и вообще – нельзя сказать «не приставай» постороннему человеку. Только самому родному, самому близкому, который все поймет и оставит тебя в покое на некоторое время. Это несправедливо, быть может, но так уж обстоят дела.

Он покосился на притихшую Лилию и чуть не умер от удивления, поняв, что она улыбается. Чуть-чуть, краешком губ, но улыбается!

– Ты что? – осторожно спросил у нее. Кто знает, какие формы приобретает женская истерика?

– Ничего. Просто ты просишь меня не приставать, как будто мы уже лет десять женаты. Смешно.

– Смешно, – согласился Дубов и тут же, по странной филиации идей, спросил: – Лиль, а отец Егорки... Ты не говорила о нем, а я думал...

– Не стоит, – бесстрастным тоном откликнулась Лилия. – Ему нет до ребенка никакого дела. До меня – еще туда-сюда, но лично я сомневаюсь...

– Все, понял, извини. Просто так спросил.

– И вообще, – продолжила Лилия, будто не слышала его. – Вообще мне кажется, что вокруг меня за последнее время создавался какой-то вакуум. У меня отобрали всех, кого я могла бы любить. Всех, кто хоть сколько-нибудь любил меня. Нинуля... Я дружила с ней. Она была смешная, вздорная, но добрая и привязалась к нам. Ко мне и Егорушке. Потом Игорь. Отец Егора. Знаешь, ко мне приходила его жена...

– Вот оно что, – присвистнул Дубов. – Ты у меня, оказывается, роковая женщина, да?

Но и это довольно неделикатное замечание Лилия пропустила мимо ушей, и у Дубова родилось соображение, что точно так же она всегда, если случится у них хоть сколько-нибудь длительное «всегда», будет пропускать мимо ушей все глупости и бестактности, которые ему, грубому мужлану, вздумается ляпнуть. Она не устроит «много шума из ничего», не раздует скандала из неловко сказанного словечка, а наоборот, постарается сгладить все неровности и шероховатости, чего-то не заметит, где-то промолчит и не увидит в этом ни малейшей своей заслуги!

Просто потому, что она женщина. Не роковая, а вполне обычная женщина, способная любить.

Только... Так ли обычна способность любить, вот вопрос.

– И выяснилось, что Игорь обманывал меня все это время. Обманывал нас обоих. Он говорил ей, что я требую с него алименты, что он носит мне много денег. Мне, допустим, ничего не говорил, я знала, что он мало получает, и никогда у него ничего не просила! Я не горжусь этим, понимаешь? Просто мне не хотелось от него зависеть.

– Я понимаю.

– Правда? Так вот, он брал у жены деньги, она-то неплохо зарабатывала, и проигрывал их на автоматах. Я что-то подозревала, но...

– «Уж полночь близится, а Германа все нет!» – фальшиво пропел Дубов. – С ним все ясно, случай клинический. Наплюй.

– Уже. Но ведь еще был Димка...

– Димка? – пробормотал Дубов. Странное было чувство, словно заговор у него порос густой шерстью и вся шерсть вдруг встала дыбом, аж защекоотало в позвоночнике! Неужели это ревность?

– Дима Попов, мой одноклассник, – сбивчиво стала объяснять Лилия, с ужасом соображая, что говорит не то, что надо, и уж совсем не по адресу! – Мы с ним встретились, и он начал за мной вроде как ухаживать. И к Егорке хорошо отнесся, а обычно люди... Ну, ты понимаешь. У нас как-то ничего не определилось еще, как вдруг Димка перестал нас навещать. И не звонил больше. И я пошла на встречу одноклассников, и там мне сказали, что он умер. Сердечный приступ. Так странно.

– И что же, у тебя с этим вроде как ухажером были серьезные отношения? – спросил

Дубов каркающим голосом, причем он сам себя ненавидел в эту секунду, стеснялся собственной ревности.

– Нет, не очень, – ответила несколько ошарашенная его тоном Лиля. – Кажется, у нас вовсе не было никаких отношений. Просто он хотел помочь мне, понимаешь? Жалел, наверное.

– Наверное, – проскрежетал Дубов.

Он очень хорошо представлял себе, как ее можно жалеть, как ей можно хотеть помочь, но искренне не понимал, как можно испытывать к ней только эти, одни только эти весьма достойные чувства?

– И потом, у нас бы с ним все равно ничего не вышло. Ничего... долгосрочного. Он был богатый.

Дубов посмотрел искоса – не издевается ли Лиля? Вроде нет.

– Ну и что?

– Как что? Богатому человеку нужна соответствующая жена. Красивая, эффектная, яркая. Успешная. Чтобы с ней не стыдно было показаться людям – в ресторане там, на горнолыжном курорте, на презентациях каких-нибудь...

Он на нее снова посмотрел. Не шутит. Лицо серьезное. Господи, откуда она взяла эти дикие понятия? Из сериалов? Из желтушных телепередач о личной жизни олигархов? Впрочем, других способов познания жизни ей эта самая жизнь не предоставила.

– Что ж, он очень богатый был? – поинтересовался, чтобы хоть что-то сказать.

– А? Да, у него машина такая была, и своя фирма.

Тут Дубов совершенно неприлично хрюкнул, но тут припомнил, что речь идет о покойном, и перемогся. Своя фирма, надо же! Больше всего на свете ему хотелось спросить: «А как же я?» Но Дубов сдержался. Не буди лихо, пока спит тихо. Но тут Лиля сама спохватилась:

– А ты, Гришенька?

– Что – я? – состряпал непонимающую физиономию Дубов.

– Ты – богатый?

– Не-ет, – торопливо отрекся Дубов. – Ты же видишь, я обычный командированный. Тот еще гусь! Какое там богатство! Вот и джинсы у меня протертые, и свитер вытянутый... на горнолыжном курорте, веришь ли, ни разу в жизни не был! Ресторанами грешен, каюсь. Но предпочитаю домашнюю здоровую кухню. Уважаю бульончик куриный, наперченный, с зеленым луком и укропчиком. А к бульону – пирожки мясные, и можно ложкой, понимаешь, наливать немного бульончика в пирожок, чтоб сочнее был. Как в детстве!.. – Он нахально ухмыльнулся, видя недоверчивую гримасу Лили. – Разве я похож на олигарха?

– А компьютер твой? Он, наверное, очень дорогой. Такой ма-аленький...

– Казенный, – стоял на своем Дубов. – На службе дали. Эх, влетит от начальства, если я его поломаю! Может, даже уволят.

Лиля продолжала смотреть испытующе:

– И у тебя квартира в Москве!

– Тоже мне квартира! Не квартира вовсе, а частный дом в Подмоскowie!

Тут Дубов почти не соврал, и на душе у него стало полегче. Впрочем, он и про курорты не врал, и про ноутбук! Сломай он его, сам себе бы по затылку настучал! Только чего это она смотрит так испытующе?

Стюардессы принялись разносить напитки. Очень вовремя. Лиля соскочила со своего антиолигархического бзика.

– Что ты все-таки обо всем этом думаешь? – спросила она, залпом прикончив свою порцию апельсинового сока. – Как странно, что мы об этом почти не говорим... Ведь это же... мистика?

– Да. Мистика. Но боюсь, у меня не припасено ни осинового кола, ни серебряной пули. Я даже святой водой не вооружился...

– Зря, – серьезно заметила Лиля.

Ей была неприятна эта шуточка. И хотела Грише сказать, а вот не скажет теперь, что у нее в сумке лежит склянка крещенской освященной водицы! Женским чутьем Лилия понимала, что не стоит рассказывать Грише и о том, что Димка Попов явился ей после смерти. Если уж он так отреагировал на рассказ о вполне земных встречах, то загробное свидание его просто взбесит!

– Лили, не обижайся, – попросил Дубов, уловив ее напряжение. – Я не хотел. Я дурак. Понимаешь, никакого рационального объяснения я отыскать не могу. Пока. Быть может, мир выглядит иначе, чем я себе представлял до встречи с тобой, и безумная иррациональность находится ближе к повседневности, чем мы предполагали раньше. Но это не значит, что нужно визжать без умолку и говорить об этом непрерывно. Можно и вздремнуть, и соку попить, и я даже поцеловать тебя сейчас могу, вот как! Я не знаю, как следует себя вести при встрече с необъяснимым. Но быть может, чтобы остаться собой, сохранить здравый смысл и способность к действиям... Быть может, нужно научиться реагировать спокойно.

...В какой-то момент Лиле показалось, что ее ноги лишились опоры. Она кинула взгляд на Дубова, но он продолжал рассуждать как ни в чем не бывало. Остальные пассажиры тоже вели себя вполне обычно. Пожилые муж и жена, похожие друг на друга, как брат и сестра, вместе читали одну газету. Девушка в ярко-красном костюме слушала в наушниках музыку, отбивая пальчиками ритм слышимой лишь ей мелодии. Южный человек, закрыв глаза, то ли дремал, покачиваясь, то ли думал о чем-то своем, далеком... Значит, только показалось.

– Гриш, что там за окном? – робко спросила она Дубова.

– Не за окном, а за бортом. Там облака. Громадные. Посмотри.

Лиле было как-то не по себе от недавнего дискомфорта, но, пересилив свой страх, она потянулась к иллюминатору. Там, за круглым стеклянным окном, торжественно и могущественно простиралась другая жизнь. Могучие крыши облачных строений, увиденные сверху, потрясли Лилию. Когда-то, то ли во сне, то ли наяву, она уже была здесь... И точно так же царствовали над этими просторами облака и точно таким же прозрачным – до звона в ушах! – был воздух, и точно такой же игрушечно-крошечной виделась ей земля в прогалах меж облаками. Вон и солнце, идущее на посадку, протягивает ей, Лиле, свою огненную руку, как будто зовет с собой за горизонт...

Она почувствовала, что ей необходимо поделиться с Дубовым, рассказать ему о необычных ощущениях.

– Слушай, – она взяла его за руку, – я подумала сейчас, что мы остановились, мы не летим, а движется один только воздух, обтекая самолет со всех сторон.

– Как это? – Григорий Дубов как-то был не готов к изящной беседе.

– А вот как. Гляди, то облако...

Резкий толчок не позволил Лиле договорить. Кто-то охнул, кто-то вскрикнул, что-то тяжелое с грохотом покатилося в проходе между креслами. И прежде чем Дубов успел обнять Лилию, спеша защитить ее от невидимой, но такой близкой угрозы, чья-то чудовищная воля заставила самолет тряхнуться и содрогаться всем телом – от головы до хвоста. Вместе с уходящим из-под ног полом исчезал и воздух, у Лили внутри все похолодело и сжалось, кислородная маска беспомощно болталась около ее уха. И что же, этот жалкий полупрозрачный мешочек может спасти чью-то жизнь?..

– Наш самолет попал в зону турбулентности. – Бледная стюардесса, та самая, что приносила совсем недавно апельсиновый сок и расточала улыбки и любезности, теперь всем своим видом старалась внушить спокойствие, но до чего же неуверенно и жалко это выглядело! – Просим вас пристегнуть ремни безопасности...

Она говорила еще что-то о высоте, извинялась за причиненное беспокойство, уверяла всех в безопасности так называемых воздушных ям... Но Лилия ее не слушала. Она вдруг поняла, что не боится. Смерть? Глупости! Она даже сделала конвульсивный жест, словно отводила что-то от лица, и задела теплое большое плечо Дубова.

«С ним вместе, – пронеслась в голове у Лили отчаянная мысль, – мне даже и...»

– Нет, у тебя другое предназначение...

Странно. До сих пор кресло через проход пустовало, откуда там взялась эта женщина, словно прочитавшая ее мысли? И одета она до чего броско! Оранжевая повязка полыхает в черных вьющихся волосах, переливается цветами павлиньего пера тафтяная юбка, но подол ее потемнел от влаги, а из-под оборки видны босые озябшие ступни...

«Да ведь это...» – Лиля вновь не успела додумать мысль до конца.

Ее ладонь пронзила острая боль, а сердце, трепыхнувшись, замерло. Цыганка смотрела прямо в глаза Лиле, посверкивая золотозубой улыбкой. Но гораздо страшнее было то, что она молчала. А говорил, не поворачивая головы, мальчик – он сидел за матерью, его Лиля не заметила сразу. Цыганенок Васенька совсем не изменился, только парадный костюмчик его чуть-чуть выцвел, как выцветают старые фотографии.

– Ты... должна... сшить... – Его голос звучал совершенно не по-детски, с расстановкой, медленно, ровно он повторял: – Ты... должна... сшить...

Лиля окинула взглядом весь салон. И пожилая пара, и молоденькая девушка, влюбленная в неведомые ритмы, и даже южный человек – все смотрели на Лилю в ожидании, как будто они знали, о чем речь, и от Лилиного ответа зависела их судьба. В иллюминаторе угрожающе показался крошечный край грозовой пирамидальной тучи.

– Ты... должна... сшить...

– Конечно, я понимаю, я все понимаю, я должна, я сошью...

– Мы вышли из зоны турбулентности. – Стюардесса снова сияла, как радуга после бури. – Высота семьсот метров... Наш самолет... Минералка... Сок... Температура за бортом...

Она словно пыталась уболтать пассажиров, извиниться за свой недавний непрофессиональный страх...

– Лиль! Лиль, все! Слышишь? Все! Пронесло! – Дубов по-прежнему сжимал ее левую руку, но только как-то очень бережно, мягко. – Не бойся, я бы все равно тебя спас! Кстати, что это ты все собираешься сшить?

– Да, родной, конечно. Потом... Потом...

Кресло впереди пустовало. Лиля закрыла глаза. Капелька крови застыла на ладони ее правой руки. И еще покалывало сердце, словно засела там крошечная остренькая игла.

Егорюшка. Боль и радость каждого дня. Беспомощный и отважный малыш. Он не способен завязать шнурки на ботинках, но может проникать самые тайные движения человеческой души. Он не умеет считать до десяти, но сочиняет загадочные песни, похожие на ритуальные напевы какого-то африканского племени. Он не умеет читать, но сочиняет и рассказывает себе сам сказки. Ему не угнаться за здоровыми детьми, он не в состоянии быстро бегать и ловко прыгать, но готов с игрушечным мечом защищать мать от грозящей ей опасности! Что с ним? Жив ли он? Здоров ли? Хорошо ли о нем заботятся? Помнит ли он маму?

Глава 7

Он был жив и физически чувствовал себя лучше, чем обычно. И он помнил мать – хотя, быть может, проникни мы в темные глубины его памяти, мы бы сочли, что не помнит. Он помнил иначе, и видел людей иначе, и иначе воспринимал их. В его восприятии люди не имели внешности. Их физическая оболочка казалась ему стеклянной, прозрачной, всегда одинаковой. Только наполненный сосуд имел для мальчика смысл и цену, он мог видеть, запоминать и отличать только «наполненных» людей. Всклянь была наполнена мама, и содержанием ее был янтарный, теплый свет, как свежий мед. Такой же свет виделся ему и в других людях – в тете Соне, и в приходящей массажистке, и в той девочке из соседнего подъезда, что подарила игрушечного зайчика, такого пушистого и славного на ощупь! А вот мать той милой девочки, выбежавшая во двор и раскричавшаяся, была изнутри вся темно-коричневая с зелеными и желтыми промоинами, такой цвет приобретают проходящие синяки, если ушиб был сильным. Она и была ушиблена жизнью, ее много раз обманывали,

лишали чего-то дорогого, оскорбляли ее и использовали. Она боялась такой же судьбы для своей дочери, и самое лучшее в ней было непоправимо испорчено этим страхом и обидой на все и вся. Таких, как она, было много. Особенно среди немолодых и небогатых женщин.

Но еще хуже обстояли дела с папой Игорем. У него внутри, в мутноватом стекле, шевелились в похмельной бурой жиже отвратительные щупальца, сплетались в неразрешимый узел – пагубная страсть, досада и чувство вины. Смотреть на это было отвратительно, и Егор старался как можно реже видеть папу Игоря. Печально было смотреть на Нинулю – на добрую, славную Нинулю, которая умела так красиво петь и звонко смеяться и делать бумажных голубков, которые летали под самым потолком! Ее, верно, однажды кто-то сильно обидел, и она не хотела больше ни с кем делиться своим драгоценным эликсиром, замкнулась в себе, и янтарный свет медленно закатился в ней, превращался в уксус и мог, в конце концов, прожечь ей сердце насквозь!

Встречались люди, в которых не было ничего дурного или страшного, просто света в них было мало. Таких людей было большинство. В одних было больше света, в других меньше, в ком-то – на самом доньшке. Но никто не был так заполнен, как мама. Янтарное, теплое свечение ее сути на человеческом бедном языке называлось любовью... Или, вернее, способностью к любви.

Но с некоторого момента вокруг Егора стали появляться странные существа. Он почти не мог их видеть, как если бы они носили сказочные шапки-невидимки. Прозрачные, пустые люди. Не просто пустые, а опустошенные. Кто-то выпил их суть, как редкостное вино. Осушил их до дна, оставив лишь оболочки, и они жили, руководимые ничтожным, самоуверенным рассудком. Такой была бабушка, которую Егорка уже видел когда-то, и тогда она была другой. Таким был дядя, которого Егор никогда раньше не видел и теперь не смог увидеть.

А хуже всего было то, что их пустота не была лишь пустотой. У нее присутствовали своя воля, свои желания, и ей нужен был Егор. Он слишком поздно понял это, но, даже пойми он раньше, все равно не сумел бы защитить себя. Этот бой придется принять. Сейчас они, пустые, сильнее.

Сначала они что-то сделали с мамой – быть может, дали ей плохие таблетки или вонючую, жгучую жидкость, от которой люди дуреют и делаются сами не свои. Неизвестно, что произошло, но мама не смогла больше заботиться о Егоре, и люди взяли его. С ними было страшно и казалось бы еще страшнее, если бы они не давали малышу лекарство, после приема которого ему нестерпимо хотелось спать. Его все везли и везли кудато, а он все спал и спал. Потом проснулся в доме, где было много детей. Ему всегда нравились дети, он любил играть с ними, а они сторонились его. А порой даже бранили и толкали! Но эти дети не избегали его общества, это он сам, впервые в жизни, не хотел водиться с ними. А они, как назло, жались к нему, и все были пусты, как пересохшие колодцы.

И они черпали из него – его свет. Черпали по горсточке, словно сладкую родниковую воду в жаркий день. Ему было не жаль, но на следующий день они снова делались пустыми, все уходило, как вода в песок... Нечто осушало их, нечто, чья жажда была сильнее и неутолимей даже жажды сухого песка Аравийской пустыни. Егор чувствовал присутствие жаждущей пустоты совсем рядом, совсем близко. И он, этот ребенок, которого люди считали почти во всем подобным себе, только больным, знал о *сфинге* гораздо больше, чем кто-либо из живших на земле, больше, нежели она сама знала о себе... Потому что он и сам был *сфингой*.

Их жизни происходили из одного русла. В одной колыбели качала их предков ледяная ладонь вечности. Но однажды, понукаемое неумолимым законом эволюции, русло раздвоилось, и *сфинги* разделились на две расы. Представители одной из них полюбили новый мир, частью которого они стали, и полюбили все сущее в этом юном мире, а больше всего – людей. Из бывшего могущества своей расы они унаследовали великий дар любви ко всему живому. Людей они полюбили, как детей своих, которых нужно опекать, и умиляться ими, и учить добру, и прощать им ошибки. Эти новые *сфинги* во всем постарались

уподобиться людям и войти в их семьи, и это у них получилось. Потомки *сфинги* и человека были более похожи на людей, но владели всей памятью *сфинг*.

Другие же были горды и считали себя много выше всего – живого и неживого. Они хотели жить по древнему закону и говорить на древнем языке. А по этому закону высшим благом всех миров была любовь, а на этом древнем языке слово «любовь» звучало так же, как слово «война». Они заполонили землю, прекраснее которой не было в мире, и поработили племя, живущее на этой земле, поработили обманом, сказавшись богами, преувеличив свои возможности. *Сфинги* умели вытягивать из глубинных недр земли золото, читать человеческие мысли и диктовать людям свою волю, а кровь их обладала ценными свойствами и, будучи принятой человеком, лечила его от всех болезней и немощей, в то же время подчиняя его *сфингам* навеки. Но ничто, исходящее от *сфинг*, не приносило людям истинного блага, не могло принести, потому что эти древние *сфинги* ненавидели людей и презирали их, а дар, принесенный с подобными чувствами, может пойти лишь во вред. Даже друг друга ненавидели *сфинги*, и природа наказала их, лишив возможности иметь потомство, и тогда они отдались войне, потому что слова «война» и «любовь» на их древнем языке звучали одинаково... Они были воспитаны в бессмертии и мыслили веками. Они видели мир иначе, чем люди, и имели свои, не выражимые человеческими понятиями цели. Они создали страшное оружие, которое выжгло цветущую землю, превратив ее в пустыню, они истребляли друг друга и почти истребили.

Но маленький мальчик по имени Георгий, Егорушка, ничего этого не знал. Маленький мальчик, в чьих клетках было не сорок шесть, а сорок семь хромосом, и эта лишняя хромосома была наследием его пращуров, не мог этого знать. Он мог только чувствовать – на уровне инстинкта. И он чувствовал, что нужен, очень нужен этой последней, чудом оставшейся в живых *сфинге*. Зачем?

* * *

Первый автобус Адлер – Лучегорск уходил утром, в шесть часов, а самолет приземлился глубокой ночью. Дубов предложил Лиле переночевать в гостинице, с трудом выдержав ее обжигающе-молящий взгляд. Будь ее воля, она бы просидела всю ночь на автовокзале.

В маленьком номере было прохладно, сильно пахло штукатуркой. Лиля не захотела раздеваться, пыталась улечься прямо поверх одеяла, но Дубов не позволил.

– Прими душ и ложись по-человечески, – строго сказал он. – Как ты будешь выглядеть, если не вымоешься, не поспишь? Ты же своего ребенка напугаешь!

– Разбуди меня пораньше, ладно? Мы не опоздаем на первый автобус?

– Не бойся. Я просил коридорную нас подергать в пять. Мы еще должны успеть позавтракать до автобуса.

– Не думаю, что мне кусок в горло ползет, – предположила Лиля, и Дубов почувствовал неловкость.

В самом деле, что это он все о еде? Она вот, кажется, ничего не ела с того памятного завтрака в кафе верхневолжской гостиницы, да и там глотнула только гадкого растворимого кофе, сдобренного крахмалом вместо сливок, да подцепила на вилку несколько зеленых горошин! А он все ест да ест, грубое животное!

– Но мы, конечно, пойдем завтракать, – словно услышав его мысли, проговорила Лиля – слишком громко и четко, как говорят во сне. – Ты мужчина, а мужчина должен много есть.

От этой несложной житейской мудрости «от Софьи Марковны» Дубову вдруг стало очень весело и тепло.

– Лиль... Выходи за меня замуж, а?

Но она уже спала.

А утро началось с теплого дождя. В ресторане было пусто, только за столиком у окна сидел какой-то франт. Он на них покосился, но Дубов не заметил, он вокруг Лили хлопотал,

стул ей пододвигал и усаживал.

– Гришака, ты?! – Цепкая рука, дотянувшаяся до высокого дубовского плеча откуда-то снизу, заставила Дубова остановиться.

Гришакой его звал только весельчак и балагур Альберт Шустов. Вот он и сам, собственной персоной, в этот ранний час весел и свеж.

– Альберт? Вот так встреча! Сколько лет...

– ...сколько Зин! – продолжил фразу Альберт, заговорщицки кивая в сторону несколько обескураженной Лили.

– Ну, это... совсем не то... совсем не то, что ты... мы... В общем, знакомься: это Лиля!

– Молчу, молчу!.. Сразу видно, что вы просто соз-да-ны... – Некоторые слова он произносил нараспев, сладко помурлыкивая при этом, и глаза у него делались масляные. – Соз-да-ны друг для дру-га! Лилечка, можно руку?! Какая теплая ладошка, божественно! А я Альберт. Как Эйнштейн, только чуть гениальнее...

Гениальный Альберт росточком не вышел, зато красотой выделялся даже на фоне ранних отдыхающих. Каблуки его «казаков» с серебряными нашлепками могли бы поспорить высотой с каблуками Лилиных сапожек. Дизайнерские черные джинсы были ему явно узковаты. Черная куртка мягкой кожи выглядела очень дорогой, как и хронометр на волосатом запястье. Тем смешней казалась его рубашка в зебровую полоску и ярко-лимонный шелковый платок, мягким узлом повязанный вокруг шеи – по моде семидесятых годов. В молодости так же повязывал шейный платок Лилин отец, если судить по сохранившейся фотографии дурного качества. Одеколон у Шустова был оголтелый, и речь его тоже казалась нарочито приукрашенной. Усики и эспаньолка выделялись на зимнем, бледном лице, словно нарисованные.

«Фломастерный», – подумала про него Лиля. Несмотря на донжуанские замашки, на попугайские дорогие шмотки и попугайские фразочки нового знакомого, он ей понравился. Лицо у него было хорошее. Некрасивое, умное, печальное лицо.

– Вы как здесь? Впрочем, что за вопрос?! Весна, море и все такое!..

– Нет, старик! – рассмеялся Дубов, а Лиля нетерпеливо поежилась. Она не хотела, чтобы Дубов говорил. Но одернуть его не могла. – Мы тут проездом, по делам. Вот только позавтракаем. И сразу на автобус. Едем в Лучегорск.

– Серьезно?! – Альберт чуть не подпрыгнул на месте. – Значит, нам по пути! У меня ведь тоже в этом самом Горске дела, дела. Странно быть странником. Лучегорск, Солнцедар, Анапа, в общем – бормотуха! А помнишь, Гришака, как мы... Впрочем, тс-с! В обществе прекрасной дамы не решаюсь приводить подробности. А дама, воистину...

– Альберт, нам помощь нужна, – прервал его излияния Дубов.

– Всегда готов, родной! Денег дать или собачку передержать?

– Все шутишь?

– На том стоим. Доедайте свое месиво и пошли на автобус. По дороге расскажете, что у вас стряслось.

– Чудной какой, – пробормотала Лиля, когда Альберт отгарцевал от них на приличное расстояние.

Он все время словно спешил, сидя – ерзал, стоя – переминался с ноги на ногу, прищелкивал пальцами, прикуривал и тут же бросал сигареты.

– Дерганный. Где ты с ним познакомился? Вы друзья?

– Знакомые, – уклончиво ответил Дубов.

– А где познакомились?

– В бане, – ляпнул Дубов и зажмурился, как нашкодивший кот.

Но Лиля не стала бить его газетой, а только вздохнула и укоризненно качала головой, как делала, бывало, если Егорушка проливал молоко.

– Не нравится он мне, – повторила она. – Но я понимаю, у мужчин бывают секреты...

«Неужели понимает?» – обрадовался Дубов и совсем было решил повторить вчерашнее, так неловко сделанное предложение, но тут к ним вернулся Альберт, принес

мороженого.

– Ешьте быстрее, оно тает! Что это вы такие серьезные? Берите пример с меня: я всегда весел, как скворушка. А?

– Я спрашивала Гришу, где вы с ним познакомились. Он сказал – в бане, – наябедничала Лиля.

– Точно, в бане! – обрадовался Альберт. – Мы все время ходим с ним в баню! Я так прямо там живу, в бане этой, чтоб ей пусто было! А Гришака для нашей любимой бани проектировал... скажем, шайку. Новой конструкции. Я же, балбес, в испытании этой шайки участвовал, чуть до смерти не замылся! Вы мне верите, Лилечка? Вы любите баню? Знаете, хорошая банька русскому человеку необходима, как воздух! Многие бранятся – мол, вредна она для здоровья, а по мне нет ничего лучше горячего пару да холодного квасу! Квас настолько холодный, что кружка запотела, ну, неси же скорей, плутовка! Пардон, забылся.

– А в Лучегорск вы тоже за шайками едете? – не унималась Лиля.

– Какая умная барышня, – восхитился Шустов. – Гришака, тебе повезло! Вот уж правда, Бог дурака повая кормит! Нет, родная, я за свежими вениками. Моя миссия – кипарисовые веники. Ки-па-ри-со-вы-е!

Альберт захихикал, а Дубов, предатель, его поддержал, тоже гоготнул. Лиля нахмурилась.

– А вообще, милая барышня, сдастся мне, что мы за одним делом туда едем, а?

– Не знаю, – сказала Лиля, переходя на шепот. – У вас тоже украли сына с синдромом Дауна?

На одну секунду шутовская личина Альберта спала, и Лиля увидела его истинное лицо – глаза с поволокой печали, щелеобразный рот – при улыбке кончики губ не поднимались, а просто рот съезжал влево, независимо и нахально вздернутый подбородок.

– Вот оно что, – с трудом, словно корчась от неведомой боли, сказал Шустов. – Вот оно как... Значит, пришла пора. Знал, да не ждал, что так быстро...

– Чего не ждал? – попытался уточнить Дубов.

– Брачного сезона, – усмехнулся Альберт. Он развернул серебрящуюся изморось пачечку мороженого, откусил, поморщился. – Зубы ноют от холодного, сил нет никаких! У вас не ноют, Лилечка? Да вы не плачьте, от слез женщины дурнеют и увядают раньше срока. Автобус наш подан, давайте сядем подальше и слушайте. Расскажу я сказочку, вам в утешение, добрым людям в назидание...

Глава 8

...Когда-то Альберту Шустову, без пяти минут выпускнику МГУ, сделали предложение, от которого он вполне мог бы отказаться. Некто не представившийся позвонил на кафедру и имел беседу с научным руководителем Шустова. Говорил, что-де есть такой исследователь и писатель-фантаст, так его очень заинтересовало выступление Альберта на недавней конференции. Писатель хочет встретиться с молодым ученым, поговорить, предложить сотрудничество, которое писателю будет полезно, а студенту Шустову – выгодно.

Днем позже Альберт нерешительно открывал тяжелую дверь, переступая порог роскошного кабинета. Первое, что бросилось ему в глаза, – движение. В кабинете все двигалось и вращалось, поблескивало и тикало. Метроном, установленный в центре стола, размеренно отсчитывал ритмические единицы, будто не соглашаясь ни с какими другими отсчетами: нет и нет, нет и нет... Тяжелый маятник громадных настенных часов, напротив, соглашался с каким-то очень значительным, важным доводом: и да, и да... и да, и да...

На специальной подставке, похожей чем-то на блестящую юлу, подрагивала ослепительная перьевая ручка, в любой момент готовая к броску-росчерку. Хозяин кабинета, будто подчиняясь общему потоку двигающихся частиц, медленно и непрерывно вращал большими пальцами, крепко сцепив руки. Его округлые слова тоже как будто вращались,

ускользая от немедленного восприятия и оставляя за собой лишь туманный обрывочный след.

– Жду, наслышан, проходите... Видите ли, я пригласил вас, чтобы...

Книги, в том числе и старинные, располагались внушительными рядами в застекленном шкафу, каждым корешком осознавая свою раритетность. Макс Нордау и его труд «Вырождение», знакомый Альберту лишь по хрестоматиям, Мальтус, Ломброзо, Оруэлл, Сведенборг, Кропоткин, Витте...

– Николай Ильич меня зовут... И мне, и мне... – Хозяин вздохнул. – Здесь запах книг, здесь стук жуков, как будто тиканье часов. Хорошо сказано. Как там дальше-то?.. Здесь время снизу жрет слова, а наверху идет борьба... Это Константин Вагинов, был такой чудак в двадцатых... Леонтьева не читали? Нет, конечно. Не издают пока. Перестраховываются... А следовало бы. Есть у него книжечка «Восток, Россия и славянство», где замечательно он говорит, что нашу страну нужно хоть капельку подморозить. – В глазах Николая Ильича действительно появился холодноватый блеск. – Да теперь уже поздно. Не того боялись, не того. Да вы садитесь – чай? кофе? сигару?..

Альберт попросил воды.

– О социальном оптимизме и пессимизме пока у нас мало задумываются. А ведь согласись, Альберт Александрович, состояние государственного нутра на сегодняшний день отображает не многозначная цифра планов и отчетов, а этот самый моральный плюсики или минусик. Тьфу! Плохо объясняю, скучно... И от жизни далеко. А вот такие люди, как вы, молодые и яркие, способны... – Он задумался, медленно поднялся из-за стола, не переставая вращать пальцами, и заговорил вдруг совершенно по-другому, сорвавшись на свистящий, воспаленный полусшепот: – Страна на грани страшных потрясений, нищета и безработица, беспросветность и бесцельность, все самое темное, самое низкое в человеческой натуре вырвется наружу... Талантливые умы предчувствуют эту грядущую тьму и сводят счета с судьбой. А в большинстве народ даже не догадывается о том, что ему предстоит стать безжизненным – при жизни...

Альберт был смущен. Он не мог прервать потока откатанных, отглаженных слов и недоумевал.

«Писатель-то малость сумасшедший, – подумал он, ерзая на стуле. – А может, и не сумасшедший. Впрочем, быть может, он и не писатель никакой...»

– Вы ведь извините мой невинный обман? Да, полагаю, вы при вашем уме и проницательности уже поняли, что заглянули в гости отнюдь не к служителю муз. Уж простите старика. Молодость дерзка, молодость склонна к протесту. Услышав название структуры, которой я имею честь верой и правдой полвека служить, иной только плюнет и пойдет. Но вы ведь не станете плевать, верно? Тем более что я вам предлагаю не стучать на коллег, прошли те времена. Не то мне от вас нужно. Часов зубилом не чинят. А вот одному нашему подразделению очень пригодилась бы помощь молодого специалиста со взглядом свежим, незамыленным!

– Чем же я могу...

– Можете, можете! Пусть сейчас все худо и беспросветно, пусть ваше будущее видится вам безнадежным прозябанием в каком-нибудь НИИ... О, как это не так! Я слышал ваш любопытнейший доклад. Жаль, я далек от химии. Наукой будущего ее называли еще в мое время, потом подзабыли, повергли в ничтожество... Доклад ваш смел, весьма смел. Кстати, вы после экзаменов в аспирантуру? А местечко-то вам приурочено уже? Да-а, сейчас без протекции ничего не делается, а вы, я слышал, сиротка? Выросли в детском доме?

– Да, я...

– Жаль, жаль... Так что же, в армию, с вашим-то талантом? Опять на казенный кошт возвращаться? – Николай Ильич подошел к часам, покачал головой в такт маятнику. – Поймите, у вас может быть творческое будущее. Разве плохо разбираться в часовых механизмах? Человеческое счастье тоже имеет свой механизм. Но часы скоро встанут, и нужно будет смягчить удар. Пусть умирающий надеется на долгую жизнь, пусть бездетный

чувствует себя отцом, пусть нищий примеряет мантию принца. – На мгновение он расцепил пальцы рук и сразу же соединил их вновь. – Когда-то я был похож на вас. Вы мне напомнили... Ну да ладно. Наш разговор не должен быть беспредметным. Государство вас вскормило, вспоило, образовало. Пора отдавать долги. Мы предлагаем вам работу. Отлично оснащенная лаборатория, высокая зарплата. Место в аспирантуре будет вам обеспечено. Квартирку вам подыщем, хватит вам по общагам ютиться. Один уговор – полнейшая тайна! Ну, по рукам? Или еще подумаете?

Но думать Альберт не стал, согласился. Ему, сироте, не помнящему родства, хотелось прижаться к чему-то настоящему, надежному, неколебимому. В детстве он кочевал по разным детским домам, потом чудом попал в университет. Помогла школьная олимпиада по химии, в которой он участвовал и победил, помогло пристальное, ласковое внимание некоего старичка профессора. Но профессор умер, когда Альберт был на втором курсе, – еще один удар со стороны шаткого, ненадежного мира. Стены альма-матер оказались ненадежными – вот-вот побежит по стене трещина, и Альберт окажется на улице, только диплом в узелочек завяжет. Так отчего же не поработать на родное государство? Оно и правда – государство всю жизнь Альберта учило, лечило и кормило, заботилось о нем, без родительской заботы оставшемся! Пора его отблагодарить. Да и работа намечалась интереснейшая...

И он ушел в работу с головой, как умеют уходить только очень одинокие люди, не знавшие никогда семейного тепла. Николай Ильич не обманул, не подвел – получил Альберт и собственную квартиру немалого метража, и порядочную сумму денег для разгона.

Первое время новоявленный хозяин очень гордился своим жилищем, обставлял его и украшал, добывал с доплатой чешские гарнитуры да итальянские диваны, но потом остыл, охладел. Для чего заниматься квартирой, если он днюет и ночует на службе, а вернувшись домой, сразу валиться спать? Так дом стал логовом – мутным, зачехленным, серым логовом холостяка, куда дневной свет почти не проникает, до того грязны окна. Полы были покрыты мохнатой пылью, а по пыли протоптаны дорожки – из прихожей в кухню, из кухни в ванную, из ванной в спальню. В спальне свои маршруты – кровать, шкаф, зеркало.

Одеваться Альберт любил, тратился на гардероб не жалея, но одевался плохо, в соответствии с собственными странными представлениями о моде и стиле. Эта невинная страстишка вредила его внешности, но не его казне. Получал Альберт, как и было обещано, неплохо, а вот расходовать было вроде и некуда. За двенадцать лет беспорочной службы он ни разу не съездил в отпуск, очень удивлялся, когда ему предлагали отдохнуть, потому что отдыхом полагал только сон. Разорительных слабостей у него не было. Он почти не пил, не курил, гастрономическими изысками не тешился, женщин...

Вот женщин Альберт любил. Но любил он их, как астроном любит звезды – теоретически и издалека. В ту студенческую пору, когда так легко завязываются романы, разбиваются сердца и заключаются недолговечные браки, Шустов считал себя слишком некрасивым и незначительным для того, чтобы покорить какую-нибудь прекрасную даму, а прекрасными ему казались все. О, конечно, случались и у него легкие, нетрезвые победы, но как скучно было просыпаться утром рядом с малознакомой девицей, как мучительно бывало осознавать разницу между искристой мечтой и неумытой реальностью! Потом студенческие годы закончились, загадочных незнакомок стало больше, а беспорядочных связей меньше.

Иной раз, ощутив острую телесную тоску, Шустов высматривал из автомобиля прихотливо расставленных там и сям жриц продажной любви. Все до одной они были красивы в дымных московских сумерках, все до одной улыбались прельстительно и равнодушно. У Альберта было подозрение, что все остальные холостяки обустроиваются как-то иначе, есть потайные телефоны, есть изящные квартирны с зеркалами на потолках, но безразличность и страх не позволяли ему произвести подробные изыскания. Зато он как-то раз, остановившись у разноцветной вереницы и пережив минуту дикой неловкости (переглядывания, смешки, гнусный торг), заполучил в душистое нутро автомобиля юную большеротую и большеглазую проститутку. Она назвалась Аллой, и это яркое, трепещущее имя необыкновенно шло к ее вульгарной юной красоте.

Впрочем, когда Альберт доставил свою желанную добычу домой, очарование тайны вдруг развеялось. При ярком свете старомодной шестирожковой люстры таинственно-порочная гостья оказалась вдруг костистой деревенской девахой, неумело накрашенной и очень бледной. Кожа ее была того оттенка, что можно увидеть на брюшках у лягушек-жерлянок, и, дополняя сходство, девушка еще постанывала, преждевременно изображая бурную страсть.

Шустов некоторое время спустя догадался, отчего так бледна была эта бедная дурочка – Алла выходила на улицу только в сумерках, днем же отсыпалась в неведомом убежище от всех гнусностей, что учиняли над ней такие, как он! Тогда же эта бледность ее, и утробные стоны, и профессиональное кружевное снаряжение, выявившее при свете свою потрепанность, внушили ему только судорожную жалость и чувство вины. Шустов удивил бывалую гостью своими половыми чудачествами. Для начала он попросил приготовить ужин, с чем она худо-бедно справилась, разогрев в микроволновке полуфабрикат, потом предложил поужинать с ним... А после, что бы вы думали, выставил, дал денег да наказал сегодня больше на панель не возвращаться, идти домой! Ишь чего удумал, извращенец! Альберт же после жалел, что не оставил ее у себя, не дал отоспаться на пыльных просторах двуспальной кровати, где он сам не почивал никогда, предпочитая хлипкий пружинистый диван. Он даже искал ее, снова и снова всматриваясь в цепочку камелий, но так и не нашел, да и не знал, ее ли ищет. Приготовленный проституткой простенький ужин он вспоминал с теплым чувством. В неярко раскрашенных грезах являлась ему хрупкая, нежная и беспомощная дева, которую он мог бы защищать и баловать, чтобы она взирала на него с восхищением и благодарностью... Но такой среди камелий не нашлось.

А потом началось такое, что уж было и не до любовной тоски, виной же всему явилось загадочное вещество, попавшее Альберту в руки. Загадочное – прежде всего по действию, производимому на живой организм. Оно сочетало свойства мощнейшего антибиотика и антидепрессанта, подавляло рост раковых клеток... Да что там говорить!

Неизвестная субстанция излечивала ВСЕ возможные болезни. Вирус СПИДа погибал в деготно-черной жидкости, как и вирус банального гриппа. Впрочем, вирус птичьего гриппа погибал тоже. Необъяснимо, непостижимо, но вещество явно имело происхождение биологическое. Многочисленные пробы и экспертизы недвусмысленно доказали – это кровь.

– Фантастика. Этого не может быть... Но это есть. Вот оно, лекарство от всех на свете болезней, и оно же – кровь. Кровь существа, которое может быть подобным и человеку, и животному. Сверхсущество, венец создания, мессия... Кто он, кто?

Так шептал Альберт, тер воспаленные глаза, улыбался растерянно и радостно. Но на душе у него невесело было, и копошились в глубине памяти растревоженные воспоминания. Как милосердна память к детям, как легко они забывают то, что им приказывает забыть инстинкт самосохранения! Но ничто не проходит бесследно, буки прячутся в чуланах, призраки населяют чердаки, и из-под кровати в любой момент может высунуться чешуйчатая клешня чудовища.

Нехотя, нехотя вспоминал он. В послужном списке его сиротства был Лучегорский детский дом, куда его зачем-то перевели из-под Астрахани и откуда быстро переместили в Подмоскowie. Смысла в этих пертурбациях не было никакого... Разве что, припомнил Шустов, после пребывания в «Лучике» он стал значительно лучше учиться. Да-да, а потом была та олимпиада, где он блеснул своими познаниями в химии, и старенький профессор, вздев на лоб очки, бормотал, трогательно пришепetyвая: «Прелештно, голубшик, прошто прелештно»...

И еще одно воспоминание прикатилось к нему уже поздно ночью, в дремотной расслабленности. Воспоминание или сон? Он увидел себя в темной комнате лежащим на кровати. Он просыпается, открывает глаза и вскрикивает от ужаса. По беленым стенам скользят тени, луна играет на никелированных спинках кроватей, но кровати пусты. Мальчишки, которым видеть бы сейчас седьмой сон, стоят вокруг Альберта и смотрят на него пристальными, пустыми глазами, на дне которых плещется, отражаясь, оранжевый

лунный свет. Зачем они смотрят? Чего они хотят?

Маленький Альберт переворачивается на живот, утыкается в подушку и натягивает на голову колючее одеяло. Так лежать хорошо и нестрашно, но трудно дышать, и вскоре он снова поворачивается на спину, подглядывает сквозь сомкнутые ресницы... Мальчишки стоят и смотрят, и тогда Альберт просыпается окончательно, в темной и душной комнате. Он лежит среди влажных простыней, но он у себя дома, он один, и ему не тринадцать, а уже под сорок, и он забыл что-то, невосполнимо что-то забыл!

– Растребушили у нас это дело, господа хорошие, только об этом – ни-ни, никому! Государственное преступление я теперь совершаю, что с вами об этом говорю! Был зван специалист, подверг меня гипнозу, на сеансе я и раскололся. Оказывается, в своем розовом детстве столкнулся я с древним, но возрожденным, могущественным, но без людей прожить не могущим разумным животным, который в мифологии остался под именем сфинкса, так и мы его впредь именовать будем...

– Альберт! – потрясенно охнул Дубов. – Вы там все с ума посходили? Какие сфинксы? Или это ты так фигурально выражаешься? Террорист там какой-нибудь засел, монстр в человеческом обличье?

– Ни-ни, какое там «фигурально»! Вот смотри: девушка твоя молчит, она мне верит. Бабье-то сердце – вещун! Позволь, я продолжу. И закипела у нас тут работа, не мне одному заделье нашлось. Трудились и футурологи, и египтологи, и особый оккультный отдел, про который нам и думать не след, не то что вслух при барышне говорить! Ну и составили на нашего зверька досье. Подняли кое-какие документы, которые и раньше видали, да не знали, как истолковать их, родимых. Вот я вам по секрету скажу...

Альберт говорил, а Лиля с Дубовым слушали, не хотели верить, но верили.

– Так наше доблестное ведомство раскрыло тайну космического масштаба. Впрочем, на тайны оно всегда востро было! Знаете, Лилечка, такой анекдотец? Нашли раз ученые мумию, а кто такой, догадаться не могут. Позвали специалиста из КГБ, тот заходит в кабинет с мумией, выходит через час и говорит обалдевшим ученым:

«Эменхотеп пятнадцатый, царствовал в восемнадцатом веке до нашей эры, умер от укуса ядовитой змеи». Ученые в шоке: «Ох, ах, как вы это узнали?» А кэзэбэшник им: «Да он сам сказал!» А вот еще один анекдот...

– Альберт, больше не надо, – мягко попросила Лиля. – Вы рассказали удивительные вещи. Но объясните, при чем здесь мой сын...

– Желание дамы – закон. Ваш мальчик понадобился сфинксу для свершения с ним мистического брака...

– Он ребенок! – вскрикнула Лиля. – Он маленький мальчик, и он болен!

– Родная моя, да поймите: этот брак не имеет ничего общего с... Я хочу сказать, с браком в смысле человеческом. Брак этот свершится, когда сольются две древние крови, и тогда сфинкс обретет возможность давать потомство. Как это должно выглядеть, я не знаю. И знать не хочу. Так вот, не исключено, что эти существа, обладающие коллективным разумом и памятью, учтут ошибки своих предков и не станут больше собачиться между собой. Возьмутся, так сказать, за ум. Последствия непредсказуемые, почему футурологов не уволят к черту, не понимаю! Но, памятуя сверхъестественные способности этих зверушек, можно ожидать... Ничего хорошего ожидать нельзя! Мое начальство мыслит категориями государственными и первым делом, столкнувшись с каким-либо явлением, решает, пойдет ли это явление на пользу отчизне, или как? Сейчас решено – или как. Брака не допустить, зверюшку уничтожить, не заноса в Красную книгу!

– Это все чепуха какая-то, – начал было Дубов, но замолчал, взглянув на Лилю.

Она сидела очень прямо, строго развернув плечи и подняв подбородок, но отчего-то ясно было, что она на грани обморока.

– Я ничего не понимаю, – прошептала Лиля. Запрокинутое лицо ее побледнело и словно подернулось рябью. – Егор... Вы поможете нам найти его и спасти? И убить эту тварь, если понадобится?

– Женщины, даже самые красивые, не в состоянии мыслить государственными категориями, – пожаловался Альберт Дубову, и тот кивком подтвердил ценную мысль. – Но за это мы их и любим! Верно, Гришака? Лиля, я ваш Робин Гуд. Я вам помогу. Иначе с чего бы мне подать вам на хвост? Я буду благородным спасителем, а потом вы выйдете за меня замуж, договорились?

Дубов все это время машинально кивал, но тут очнулся.

– Ну уж нет! – возразил он с таким негодованием, что Альберт заржал по-жеребьячи и даже Лиля невольно улыбнулась. – Ты, конечно, герой и Робин Гуд, но... скажи мне, Альбертик, а почему именно тебя, крысу тыловую, посылают на подвиг? Что, у вас уж и подвига совершить некому? Все в отпуске, некого послать?

– Ох-ох-ох, кто это говорит? Рембо? Терминатор? Черепашка-ниндзя? От тыловой крысы слышу! – возмутился Альберт. – Есть кого послать, я вот тебя хоть сейчас могу! Только вот беда: кого ни посылали в Лучегорск, ни один пока не вернулся. Столько хороших бойцов извели, жуть! Самое интересное, что они живы и здоровы, только миссию свои забыли и зверушке в вечной преданности присягнули. Так что они взяли да и меня послали. Если уж я раз из этой магнитной аномалии вырвался, знать, не по вкусу я сфинксу... А кому по вкусу, правду сказать? Один я, как перст, слопают меня чудовище, никто и не заплачет!

И состряпал Шустов трогательную рожицу – губки пупочкой, бровки домиком.

Глава 9

Все вокзалы похожи друг на друга, автовокзалов это также касается. Магадан или Сочи, Москва или Саратов – везде одинаково пахнет горелым мясом из палаток с надписью «Шаурма», везде неразборчиво вещает радио, тяжело вздыхают раскаленные автобусы и курят рядом их властители-водители, а приезжий либо отъезжающий люд все торопится куда-то. Второпях все иначе – не едят, а глотают, не пьют, а захлебываются, не дышат, а задыхаются. Бросают обеды мимо урн, тащат тяжелые баулы, перекликаются, как в лесу. Шоферы стерегут приезжих, норовят тройной тариф содрать. Весело, суетливо, угарно!

Лиле немного легче стало, когда она убедилась, что и автовокзал Лучегорска в этом смысле не исключение. Может, чуть потише, чуть почище – так ведь и час поздний, ночь на дворе. С ними вместе мало народу ехало, и все люди спокойные – бабулька с сумками, мужчина с кроссвордом, две переспелые девицы, эти даже друг с другом не шептались. Слишком неприметные были пассажиры, слишком тихие, словно и не живые люди, а так – декорации.

– Кадавры, – наклонившись к ее уху, высказался Дубов. – Плохо сделаны, топорно. Смотри, бабулька на маленькую пенсию не жалуется, мужик слово из трех букв не спрашивает, девушки не шепчутся... Даже водитель какой-то ненатуральный, сидит как манекен.

– Тебе тоже кажется, что они ненастоящие? – невесть чему обрадовалась Лиля.

– Не пугайте меня, – влез Альберт. – Люди как люди. Вот если бы они на нас смотрели и глаза бы у них зеленым светились, тогда да... Я вот в одном фильме видел...

Шутки шутками, но на конечном пункте невеликая толпа пассажиров рассосалась слишком уж незаметно. Растаяли в теплом мраке девицы, деловито утопала, ступая войлочными ботинками, бабуля, а угрюмец с кроссвордом задремал вроде бы, так и остался в автобусе. Водитель не возражал, его и не видно было, водителя-то, только над его местом время от времени вспыхивал ленивый огонек сигареты. Лиля проскочила выход с колотящимся сердцем.

– Сейчас такси возьмем и марш в гостиницу, – высказался Альберт, которому, очевидно, тоже было не по себе. – Вон они дежурят, старатели...

Машины с шашечками стояли поодаль, но дойти до них путешественники не успели. Очевидно, самый резвый и жадный водила подстерегал добычу на полпути. Дубов придержал Лилю за руку.

– Такси, – проскрипел человек. Яркий свет фонаря обливал его с ног до головы, проявлял, как на фотографии, мельчайшие детали внешности. – Такси, такси берем!

Это был глубокий старик – морщины бороздили ничего не выражающее лицо. Глаза прятались во впадинах. Волосы серебристым венчиком окружали обширную лысину. Кожа на щеках и шее висела. Старец явно знал лучшие времена, был некогда полнокровен, статен и силен. Об этом свидетельствовал и мощный разворот плеч, и гордая посадка головы, и добротная ширина груди, о том же говорил и темно-зеленый костюм старика. Не готовая, но пошитая на заказ, и пошитая хорошо – уж это Лиля могла сказать наверняка! – двубортная «тройка» с низко вырезанной жилеткой, широкими отворотами отглаженных брюк. На пиджаке широкие лацканы, и справа на карманчике...

Роза.

Лиля замедлила шаг, потом остановилась.

– Не поедет же мы на этом дедке? – зашипел Альберт. – Он же в маразме, это сразу видно!

Лиля зажмурилась, потом снова открыла глаза, тряхнула головой, стремясь отогнать наваждение, только что ущипнуть себя не попросила.

Роза.

Та самая роза.

Сиреневый шелк лежал в бабушкином комоде. Он дождался своего часа – сшила Лиля для своей приятельницы Нины платье, волшебное платье по последней парижской моде. А из остатков, из невесомых скользких лоскутков, смастерила розу, как умела только она одна. Шелковые лепестки как живые, один даже завернулся, будто тронутый ранним увяданием. Заказчицы любили, когда Лиля им розы в качестве бонуса делала, одна только, помнится, скривилась. Пошлость какая, говорит. Ну и шут с ней. А Нинуле роза понравилась. Она ее к своей шляпке приспособила, с тем и ушла в неведомое, с тем и фигурировала в безнадежном и все же оставляющем тень надежды списке пропавших без вести...

Теперь сиреневая роза красовалась на лацкане темно-зеленого пиджака незнакомого старика, шагнувшего навстречу Лиле из тени Лучегорского вокзала. Она потрепалась и запачкалась, но Лиля узнала ее, не могла не узнать.

– Такси, такси, – равнодушно скрипя, повторял старец.

– Это знак, – шепнула Лиля наклонившимся к ней, обеспокоенным мужчинам. – Мы должны поехать с ним.

– Мы готовы ехать, милейший! Где ваше транспортное средство? – моментально отреагировал Шустов.

«Средством» оказался старенький «москвич». Он тоже, как и старец, явно знал лучшие времена и выглядел таким же обихоженным, как и костюм старца. Водители близстоящих такси оживились – им явно было жаль добычи, что ушла прямо из-под носа.

– Иваныч, тебе веревочку дать? Подвяжешь свою колымагу, а то развалится по дороге!

– Лучше сразу эвакуатора вызвать!

– Девушка, поехали со мной! С ветерком прокачу!

– Нам бы в гостиницу, – попросил Дубов, умещаюсь рядом с водителем. – Альберт, какая, ты говорил, тут гостиница нормальная?

– Подожди, – остановила его Лиля. – Скажите, а роза... Откуда у вас эта роза?

Кроме слова «такси», они ничегошеньки пока от своего возницы не слышали, а уж такого монолога, каким он разразился, и ждать не могли!

– Это внучка моя мне подарила. Внученька у меня, Аленка. Хорошая, заботливая. Готовит, гладит, стирает. По дому, по саду, все она. Дом у меня большой. На что вам в гостиницу? У меня можно остановиться. Комнаты я сдаю в сезон, все довольны. А чего там в гостинице? Тараканы одни. Человек я не лихой, бояться вам нечего. Много не возьму, не сезон теперь. Питание, постели, все честь по чести. Будете довольны.

Помолчали. Старик ждал ответа, Дубов и Альберт ждали, что скажет Лиля, а Лиля молчала от смущения. Не слишком ли она много командует? В конце концов, она только

слабая, неумная женщина, а рядом двое опытных мужчин, один из которых приехал в Лучегорск за кипарисовыми венками. Да и Дубов тоже, судя по всему, имеет отношение к русской баньке.

А в это время Дубов думал: «Домашний стол – это не то что ресторан в гостинице. Тьфу ты, о чем это я?»

Но они смотрели на нее. Они ждали ее слова, ее решения, словно чувствовали, что вступили в сферу, где их сила, воля, энергия и ум окажутся тщетными, где не им править и верховодить, где сила может оказаться слабостью, а слабость будет повелевать и сможет даже двигать вот эти банально-величественные горы!

И Лиля сказала неожиданно выпренне:

– Мы принимаем ваше предложение. Извините, как вас зовут?

– Да кличьте Иванычем, – равнодушно и приветливо откликнулся таксист. – А вас-то как величать, господа постояльцы?

– Альберт.

– Григорий.

– А я Лилия.

В зеркальце она поймала взгляд таксиста. Выражение его не соответствовало индифферентно-ласковому тону. Глубоко посаженные, скрытые кустистыми бровями глаза смотрели с надеждой – тревожно и радостно.

Это был действительно славный домик – двухэтажный, окруженный высоким забором. Хозяин долго возился, открывая мудрено запертые ворота. Было ему, видно, от кого хорониться...

– Окошки светятся, Аленушка не спит, – бормотал Иваныч, заводя машину во двор. – Обрадуется гостям, певунья моя, соловушка...

В доме и правда пели – полудетский голосок выводил старательно и верно прелестный романс о душистых гроздьях белой акации. На мгновение ослепнув от яркого света, Лилия вошла в большую комнату. Там было прохладно и пахло по-особенному, как пахнет в опрятных домах, где только что вымыли полы. Есть в этом запахе свежесть и смолистый привкус, обещание нежного попечения, радость легких каждодневных хлопот и простое, ничем не замутненное счастье. Девушка, внучка Аленушка, только что разогнулась от ведерка с мыльной водой. Румяное, чуть обветренное личико, вздернутый носик простонародно-ясные глаза, светлые волосы... Крепенькой красной ладошкой отвела она с лица выбившуюся прядь, и тут же все стало ясно, и понятно, и светло. Нинуля! Нинуля растерянно улыбалась навстречу неожиданным гостям, навстречу Лиле, но в улыбке ее не было проблеска узнавания, и ответная Лилина улыбка увяла, толком не успев расцвести. Быть может, и не Нина это вовсе? Просто очень похожая на нее девушка?

– Что ж ты, Аленушка, полы на ночь затеяла мыть?

– Не спалось, мне, отец, тебя ждала, – просто ответила девушка, подхватывая с пола отжатую тряпицу. – Как знала, что ты с гостями придешь.

– Постояльцы, верно, – поддакнул Иваныч. – Комнатки-то у нас как?

– Постели только застелить. Вы, верно, помыться с дороги хотите? Ванная там.

– Я первый! – сориентировался Альберт. – Вы проводите меня, прекрасная леди? А то в коридоре темно, я боюсь темноты...

– Я провожу, – строго заявил старец. – Да вот и ведерко кстати выплесну. Идем, Адольф. Сумочку-то здесь оставь, никто небось не покорыствуется...

– Альберт меня зовут!

Дубов весело хмыкнул, и Лилия строго на него посмотрела.

В отведенной ей комнатке Лилия быстро переоделась, между делом осматриваясь. Целомудренно узкая тахта, пестрый коврик перед ней, ветка дерева, то ли персикового, то ли вишневого, стучит в оконное стекло. Над постелью, в рамке, репродукция «Богатырей» Васнецова. В родительском доме, в кабинете отца, висела такая же. Лилия смутно помнила, как боялась она огненного, живого глаза коня Ильи Муромца. Но сейчас Воронеюшка

казался совсем нестрашным. Он сильный, он грозный, но смирный и покладистый конь. А богатыри-то! Как славно и странно взглянуть на них незамыленным взглядом и в одну секунду постичь строгую доброту их, неколебимую мощь и надежность! Как похож Шустов на Алешу Поповича – такие же хитрые глаза и тонкие усики! А Дубов пусть как будто Добрыня, взгляд у него такой же внимательный. Только кто ж будет за Илью Муромца, за старшего, самого могучего?

В дверь постучали – тихо, но уверенно.

– Да-да, входите!

Это был хозяин.

– Ужинать собрали, – оповестил он.

– Да я, вроде бы...

– Никаких! Знаю, растрясло вас в автобусе, да и час поздний. Но чаю выпить обязательно надо, пирога кусок съесть. Аленка моя хорошие пироги печь научилась.

– Аленка...

Лиля медлила, молчала, молчал и Иваныч.

– Она ваша внучка, да?

– Внучка, точно. Аленушка.

– А мне почему-то кажется, – издалека начала Лиля, – мне кажется, она не совсем ваша внучка. Может быть, ее и зовут по-другому, как вы думаете?

Хозяин насупился:

– Чего-то я тебя, милая барышня, не пойму. Ты на что намекаешь-то? Пошли ужинать, все уже за столом сидят...

Дубов, расположившийся во главе стола, похож был сейчас не на Добрыню Никитича, а на замоскворецкого купчика прежних времен. В одной руке у него была огромная красно-золотая чашка, до краев налитая чаем с молоком, в другой он держал ломоть пышного пирога. На пирог Дубов смотрел нежно и явно примеривался: как бы пошире рот распахнуть, чтобы побольше кусочек урвать? Шустову досталась чашечка поменьше, кусок у него был потоньше, и он не столько ел, сколько старательно оттопыривал мизинец и бросал томные взгляды на Нинулю-Алену. Та тоже не сводила с него глаз, но амурные гримасы Альберта пропадали втуне, так как девушка смотрела только на его новую рубашку – переливчато-золотую, отороченную черными кружевами и с какими-то совсем уж невиданными пуговицами, которые ослепительно вспыхивали при малейшем движении хозяина.

– Аленушка, налей-ка и нам чайку. А вы, Аполлон, кушайте пирог.

– Альберт меня зовут!

– Ну, ин так, не обижайся на старика.

– А дедок-то непрост, – шепнул Дубов Лиле, примериваясь к пирогу.

– Челюсть не вывихни.

– А?

– Да нет, ничего. Занятный дед. И внучка у него...

– Что?

– Потом расскажу. Что это?

Это была луна – огромная и желтая, как медный таз. Выкатилась она из-за невидимых гор, вылупилась в окошко, как сплетница-соседка.

– Давайте выйдем на улицу! – взмолилась Лиля, сделавшись вдруг совсем маленькой, и смешной, и трогательной. – Пожалуйста, пожалуйста! Я же никогда такого не видела! Как-ая луница!

Дубов умилился и закивал. Он готов был даже с пирогом расстаться, только бы ей угодить, вот как все далеко зашло!

– Только ж ведь приехали, – бормотал Иваныч. – И после чаю на воздух не след выходить, сейчас вы разогрелись, раздухарились, а там вмиг прохватит ветерком... Да уж ладно, и я с вами выйду, вам впервой, заплутаете еще в моих владениях...

Он бубнил и долго нашаривал на спинке стула свой аккуратный пиджак, но видно было, что ему приятен искренний Лилин порыв и сам он не прочь прогуляться под луной, похвастаться перед приезжими обустроенным, обихоженым своим земельным наделом. А проще говоря – садом. Но на пороге он обернулся:

– А ты, Альфред, чего ж от товарищей отстаешь? Пошли, пошли, подышишь свежим ветерком. А ты уж, внуча, тут оставайся, постели гостям приготовь!

– Я Альберт!

– Ну-ну, не топорщись... Пошли, пошли... Крыльцо тут, не торопко нужно... – скрипел старик. – Да не торопись вперед батьки, Афтандил!

– Я не Афро... Альберт я! – вскипел Шустов. Кипел он, впрочем, умеренно – очевидно, из уважения к седидам хозяина. А вот на хихикающего Дубова поглядывал очень грозно.

Ночь, давно уже вступившая в свои права, царила над миром безоговорочно и спокойно. Звездное небо настолько приблизилось к земле, что земля, казалось, уменьшилась, сжалась, замерла, словно бы потрясенная картиной, на которую можно смотреть и смотреть вечно. Звезды, невероятно близкие и по-весеннему округлые, пульсировали, как светящиеся сердца, сообщая особую размеренность всем мягким шагам, всем звукам и призывам этой неповторимой южной ночи. Иваныч зажег фонарик, но тут же прервал ниточку искусственного света – слишком тонкой и жалкой выглядела она на фоне восстающего над горизонтом лунного тела. Луна, по-хозяйски подбоченясь, деловито смотрела на мир с такой уверенностью и силой, что сразу становилось понятно, почему его называют подлунным...

– Я таких никогда не видела, – восторженно прошептала Лиля. – Откуда? Почему у нас она совсем другая?

– Она румяная... – стараясь говорить в такт Лиле, отозвался Дубов и быстренько дождал какой-то кусочек.

– Как пирог! – не сдержалась Лиля.

– Большая мастерица ваша внучка, – продолжил тему Альберт. – Неужто сама печет?

– Сама, сама... – недовольно заскрипел Иваныч. – Рецепт потом дам, пирожник! Мы тут все рукодельники, домовники, таких пирогов напечем, что чертям тошно станет! Воздухом раздышайтесь – он здесь целебный, на древесном духе настоящий...

Воздух в ночном саду и впрямь был густым, чуть сыроватым и терпким. Кора абрикосовых деревьев напоминала на ощупь чьи-то морщинистые, но все еще готовые нежно нянчить ребенка руки. Сливы держались кучкой, переплетались и путались в собственных тенях. А вот это деревцо было меньше и тщедушнее прочих.

– Миндальное, – с какой-то особой гордостью вздохнул Иваныч. – Колючка на колючке – а цвести начнет деревцо и... – Ему не хватило выдоха и верного слова, и он лишь покачал головой.

И рядом с деревцом стояла скамеечка – словно нарочно, чтобы со всеми удобствами любоваться на цветущий миндаль. На скамейку присели Лиля и Дубов. Как-то незаметно ступевался странный хозяин, отступил в темноту и Альберт. Лиля с Дубовым остались вдвоем – в темном незнакомом саду, под таинственной луной. Но Лиля не смогла полностью оценить романтической обстановки – ей помешал некий естественный позыв. Так, кажется, по пути сюда она заметила маленькую будочку... Будем надеяться, это не душевая и не жилище для собаки.

– Я сейчас.

– Ты куда?

– Я скоро. Скоро.

– А-а... Смотри, осторожнее.

Она вышла на тропинку и успела сделать шагов десять, не больше. Ее внимание привлекли тихие голоса. Лиля успела себе напомнить, что подслушивать нехорошо, но уж больно разговор был интересный!

– Ты чего, старый хрен, меня Афтандилом честишь? Совсем одичал, забыл, как меня зовут?

– Тебя забудешь, как же... А чего ты, юбочная твоя душонка, девке голову морочишь? Она не в себе, без памяти, не говорит почти, а ты ей глазки строишь!

– Да я что, я так... Славная девушка. Где ты взял-то ее?

– Сама прибилась, осенью еще. Привезли откуда-то детишки наши разумные, зверю в пасть доставляли. Да пережали по дороге, без головы она стала, не сгодились. Так и бросили. Стала она по городу шататься, вроде дурочки тут была. Ноябрь уже, холодает, ветра задули, а она в одном платьишке шелковом, сиреневое такое платьишко... Пришла и сидит у меня под окнами, а сама уже под цвет платья стала – замерзла да и изголодалась. Вот и взял ее в дом, готовить научил, убирать... Приходили за ней...

– Ты не отдал?

– Сам видишь. Уперся, говорю: внучка моя, Аленушка, из Евпатории на житье приехала. Они и отступились – с сумасшедшего-то и взятки гладки...

– Это у тебя получается.

– Поживи тут с мое... А теперь и я тебя спрошу: ты-то на кой шут этих двоих притащил?

– Э-э, дед, тут такая история... Дубов – свой человек, он со мной работал. Башка-а! А спутница его... Можешь мне не верить, я и сам себе не верю, но сдается мне, что это и есть мать нашего жертвенного агнца...

– Ну?

– Вот тебе и ну. Так что скрывать от нее нечего. Тем более... – Шустов обернулся в сторону Лили, – тем более что она уже пять минут слушает наш разговор, стоя на тропинке...

– Да, я слушаю, – подала голос Лилия. – Значит, вы знакомы? Ловко сделано! Теперь, раз уж сеанс разоблачения состоялся, может, мы все вместе вернемся в дом и поговорим как следует?

Глава 10

– Так вы знакомы? Ну Альберт, ну пройдоха, – удивленно хмыкал Дубов. – Так значит, наш добрый хозяин...

– Ага, любитель природы, юный натуралист, – трепался неугомонный Альберт. – Особенно интересуется семейством кошачьих. Мечтает отловить одного представителя редкого вида. Для живого уголка детдома «Лучик». Там тоже о-очень обожают зверюшек!

Иваныч не обращал на него внимания, смотрел на Лилию.

– Так, значит, вы – мать агнца?

– Мне страшно, когда вы его так называете... Моего сына зовут Георгием. Егор, Егорушка. Лучше так.

– Простите. Но суть именно такова – ваш малыш приготовлен на заклятие. Это случится завтра ночью. Ох, простите еще раз, я вас напугал!

– Иваныч хотел сказать, что этого НЕ случится завтра ночью, – ласково кивнул Лиле Альберт. – Именно ради этого мы здесь и собрались. Думаю, Лилечка, нам удастся уничтожить чудовище. Сейчас путь к нему охраняют адепты, последователи. Совершенные отморозки, но со временем они как-то научились определять тех, кто не подчинен влиянию *сфинги*, закрыт для ее чар. Они умеют узнавать нас, и они нас боятся, что в некотором роде является гарантией нашего успеха. Завтра доступ к телу их ненаглядного божества будет открыт для всех. После свершения так называемого брака *сфинга* обретет не только способность размножаться, но и невероятную силу. Думаю, на свете уже не найдется человека, способного противостоять ей. Может быть, раньше такие люди были. Раньше – еще до фараонов. Еще до того, как люди полюбили золото и власть больше, чем друг друга, больше, чем самих себя.

Лилия пристально на него смотрела – это был совсем другой Шустов, не тот, которого они встретили в Адлере. Сквозь балаганную маску проступило новое лицо – умное,

серьезное, горькое. И речь его звучала совершенно иначе – без излюбленных словечек, без ужимок...

– Я думаю, люди с восторгом предадутся воле этого существа. Мне хотелось бы думать по-иному, но я не могу.

– И что тогда будет?

– В случае нашей неудачи? Я не знаю, Лиля. Мы можем только предполагать. И надеяться, что нам все же удастся остановить эту тварь. Любой ценой.

– Вы хотите... убить его? Физически уничтожить?

Лиля не знала, что побудило ее задать этот вопрос.

В любом случае ответа на него не последовало.

– Я! Я должен сделать это! – вскинулся Иваныч. Он тоже изменился, сбросив личину поддельного безумия. Черты лица стали прозрачней, словно очистились, разгладились напряженные морщины, и лицо это стало казаться Лиле знакомым. Где она видела этого человека? Словно это было давным-давно, в детском сне... – Я уничтожу эту египетскую драную кошку, потому что я во всем виноват! Никому про это не говорил никогда и не знал, что люди будут судить мой позор. Но вам скажу. Вам я все скажу. Это мой сын открыл гробницу *сфинги*. Это он разбудил ее. Он стал первым и самым верным ее слугой. Но виной всему был я. Это я предал его, когда он был еще ребенком. Я променял Витеньку на любовницу, пустую, вздорную бабенку. Я его потерял, а когда нашел, было уже поздно... Но и тогда я продолжал сеять зло. Я бросил жену и дочку, я поехал с сыном сюда, потворствуя своим жалким амбициям, своим понятиям о жизни! И вот теперь... Теперь именно он привез сюда твоего мальчика, привез, чтобы отдать его на съедение! И я...

Но на него никто не смотрел, его никто не слышал. Все смотрели на Лилю. Все, кроме Нинули, – она смотрела на Альберта и даже, протянув руку, неистребимо женственным жестом потербила рукав его роскошной рубахи, словно пальцами дегустировала ткань на гладкость, на шелковистость, на плотность.

– Папа? – спросила Лиля, уже зная ответ.

А до него все не доходил смысл ее слов, одного-единственного ее слова, он еще пытался продолжать, пытался что-то сказать, но потом смолк и тоже встал. Он протянул к ней руки – жалким, молящим, зовущим жестом, обреченным, как казалось ему, на провал. Но Лиля шагнула навстречу, и попала в кольцо этих дрожащих рук, и совершенно исчезла в них, как маленькая птица в ветвях огромного дерева. Она прилегла к его груди и услышала, как бьется его сердце – глухо, по-стариковски. Закусив губу, с пылающими щеками, она слушала биение сердца своего отца – отца, которого почти не знала, которого она забыла, которого не узнала при встрече.

– Ты меня простишь? – спросил он тихонько.

Лиля подняла на него глаза и улыбнулась своей щедрой, лучистой, необыкновенной улыбкой, в которой Виктор Иванович узнал улыбку своей бывшей жены Тамары. Он не переставал любить ее все эти годы, он мучительно тосковал по ней, а о дочери вспоминал так редко!

– Так, значит, Егор...

– Твой внук, папа.

– Егор... Хорошее имя.

Все смотрели на них, чувствуя радость, и смущение, и особую, щекотную тоску, от которой хочется то ли заплакать, то ли засмеяться нетерпеливой душе... А Нинуля смотрела на Альберта. Очень он ей нравился – такой яркий, такой красивый! А какие блестящие пуговицы у него на рубашке, как переливается, манит золотой огонек! Его свет рассеивает туман, затянувший и зрение Нины, и память, и разум, и вот уже стихает шум в ушах, и она вновь обретает что-то самое главное... Ей постепенно становятся понятны слова окружающих, а говорят они о долгой разлуке, завершившейся счастливой встречей, о том, что всем разлукам суждено закончиться именно так, а теперь надо непременно пить чай! Нина встала, чтобы снова вскипятить чайник, ей удалось наконец оторвать взгляд от

вспыхивающего огонька, но прежний дурман не вернулся к ней.

– Лилька? Ты как здесь, господи?!

– Вот и потеряшка наша вернулась, Нинуленька! А я знала, я знала! – засмеялась Лиля, смахивая слезы. – Ты хоть помнишь, что с тобой было-то?

– Ничего ровным счетом не помнит, – встрял Альберт. – Я ж говорил, как только девушка меня видит – враз обо всем прочем забывает!

Но голос его слегка дрожал.

– Я все хочу забыть, – ответила Нина. – Я скиталась в темноте, но теперь вышла к свету.

– Надеюсь, ты все же не забудешь, как печь пироги, – ворчливо откликнулся Виктор Иванович.

– Не забуду, отец, – кивнула Нина.

«Это самый длинный день в моей жизни», – подумал Дубов, про которого на время все забыли. А вслух сказал:

– Скоро рассвет.

Короткая южная ночь подходила к концу.

А на рассвете началось.

Они шли – мужчины и женщины, молодые и старые. Некоторые шли осознанно и одеты были в лучшие свои, праздничные одежды. Из окна своей комнаты Лиля видела полную, королевских статей, брюнетку в норковом палантине, в красном декольтированном платье, в туфельках на шпильках. Споткнувшись, она сломала один из каблучков, но словно не заметила этого, так и пошла дальше, скособочившись и хромая. Лиля видела изящную барышню, одетую по всем правилам официального дресс-кода. Она, очевидно, собиралась на службу – быть может, работала секретаршей у какого-нибудь местного князька. Из-под строгого черного пальто виднелись изящная белая блузка и стройные ножки в черных чулках с кружевными резинками. Очевидно заторопившись, девица забыла надеть юбку. Шли и те, кто с утра обычно никуда не торопится, – домохозяйки в халатах и тапочках, пенсионеры, молодые мамы катили в колясках грудничков. Страдающий излишней полнотой одутловатый старик топал деловито, размахивая в такт шагов руками, в одной из которых зажата была газета. На нем были тренировочные брюки и клетчатая пижамная куртка, а в глазах застыл ужас... Привычный мирный ужас, как будто пенсионер просто смотрел по телевизору страшный фильм, к тому же уже когда-то виденный.

Но больше всего было детей, и эти-то казались абсолютно адекватными. Серьезные, принаряженные, они шли сами по себе, без родителей и сопровождающих. Держались за руки, строились по двое, старшие вели за руки младших. Девочка лет восьми, хорошенькая егоза в ярко-розовой курточке, в красном кокетливом беретике, остановилась вдруг, обернулась на окна и посмотрела прямо Лиле в глаза.

Лиля отпрянула в глубь комнаты, торопливо задернув занавесочку. Ее слегка знобило – от волнения, от бессонной ночи, и она позавидовала Нинуле, которой вчера перепала таблетка снотворного. Лилин отец, которого Нина тоже называла отцом, счел, что она слишком возбуждена, что ей это необходимо. Нинуля спала, она избавлена была от необходимости думать, бояться, переживать за мужчин, которые с утра удалились куда-то в подвал. Что они там делали? Лиля не стала спрашивать, резонно полагая, что ответ бы ее не успокоил.

Оружие.

Мужчины обожают оружие.

Поклоняются ему.

Они считают, что оружие способно разрешить почти все проблемы. «Почти все», – говорят они снисходительно, в душе полагая, что на самом-то деле абсолютно все!

Но это не так, и мы это знаем. Истина состоит в том, что доставить проблемы оружие может, а вот разрешить их – нет. Оружие может отнять здоровье, любовь и надежду, а вот поди-ка верни их с его помощью! Получится что-нибудь путное? Нет? То-то.

Говорить это мужчинам не стоит. Пусть их тешат свое самолюбие, пестуют свою силу, запираются в подвале и мастерят там что-то жутковатое!

Не будем их трогать. Может быть, их труды, как и любые труды во имя любви и жизни, тоже не пропадут втуне. Окажут огневую, так сказать, поддержку. А главное оружие – у нее, у Лили.

Я должна шить.

Она должна будет. До сих пор не ясно, что именно ей придется шить. Но зато стало понятно чем.

Она взяла с собой в путешествие дорожный набор, круглую прозрачную коробочку с маленькими катушками, миниатюрными ножницами и, конечно, с иголочками! Но вряд ли эти иглы – очень хорошие, между прочим, индийские, с позолоченными ушками! – помогут ей. Главная игла, нужная игла, у Лили внутри. Нужную иглу дала ей босоногая цыганка на вокзале давно, примерно тысячу лет назад. Только сегодня ночью она вспомнила об этом и сразу почувствовала, как раскаленное острие шевельнулось в сердце. Вот оно что! Как могла она об этом забыть? Впрочем, людям свойственно забывать то, чего они не могут объяснить. Цыганка была из древнего племени, служившего некогда *сфингам*, предавшего их. Сколько же веков хранили потомки этого племени могущественный древний талисман, как смогли не потерять его в странствиях, не отдать гонителям, не утратить в пожарах войн? Как им удалось отыскать Лилию, как узнали они ее?

Но от этих мыслей шла кругом голова. Лиле, маленькой храброй портняжке, не стоило задумываться о предопределении, об избранничестве и прочих высоких материях. Смысл ее жизни был прост – безусловная любовь и постоянная забота. Иной раз ей хотелось, чтобы кто-то позаботился и о ней тоже... Но свой долг она всегда выполняла безукоризненно и теперь готова была *шить*.

– Лиль, ты чего?

Нина проснулась. Проснулась и сразу захлопотала – накинула поверх рубашки халатик, скрутила в тугой узел русые свои волосы, сноровисто застелила постель.

– А где наши мужчины? Вы завтракали? Чай пили?

– Нет еще, – ответила Лилия, скрывая улыбку.

Это ж надо, как люди меняются! Помнится, Нинуля была бездомовницей, питалась растворимыми супчиками, уборку делала от случая к случаю. По утрам любила валяться в постели, курила сигареты и гасила их в чашке с кофейной гущей. А теперь она больше похожа на деревенскую девчонку, чем на богемную лентяйку. Этот здоровый румянец, эти окрепшие руки! Упругая от свежего воздуха кожа, блестящие глаза... Невероятно! Перемена в Нинуле была слишком похожа на то, что произошло с матерью Лили, но... Лилию это не беспокоило. Преображение Нины выглядело естественно, оно произошло не по чужой воле, а по склонности ее собственной натуры. Склонность эта была задавлена, и, быть может, поэтому Нинуля была всегда такой издерганной, все искала чего-то и не находила, путалась в желаниях и страстях...

– Ты что улыбаешься? Пойдем, я сырников хочу нажарить. Ты будешь сырники? С кизилowym вареньем. И еще я хотела тебя кое о чем спросить... Скажи, ты этого... ну, Альберта – хорошо знаешь?

– Не очень. Мы ведь позавчера только познакомились, хотя уже вроде сто лет прошло. Но он приятель Дубова и, мне кажется, очень славный человек, особенно когда не выпендривается...

– Да? Знаешь, я...

А что делать – жизнь продолжалась даже у печей Бухенвальда...

* * *

Сторонний человек увидел бы в пещере Кошачьей скалы странную картину. На высоком каменном столе спал зверь.

Тяжелая голова покоилась на огромных когтистых лапах. Мохнатые бока тяжело вздымались. Из глубин мощного тела доносился не то рык, не то храп, не то урчание.

Но ребенка, привалившегося к правому боку зверя, эти звуки, казалось, совсем не беспокоили.

Мальчик тоже спал, так спокойно и сладко, словно спал в своей кровати.

Но спали только телесные оболочки этих двух существ.

А сущности их говорили между собой, мучительно пытались понять друг друга – и не понимали.

– Чего же ты хочешь добиться? – спрашивала *сфинга*, заключенная в тело мальчика. Она жила в его крови, была растворена в ней, но сохранила способность именовать себя, и мыслить, и действовать.

– Тебе не понять. Ты отступник, ты из рода отступников. Ты предал нашу расу.

– Расу, которой нет.

– Она есть. Есть до тех пор, пока есть мы с тобой. Мы можем дать жизнь новой ветви расы. Она будет наделена, как и мы с тобой, памятью и знаниями предков, но явит миру новое могущество.

– Нужно ли это миру? Время *сфинг* давно ушло... Вряд ли оно когда-либо наступало вообще – на этой земле. Мы не должны тут быть. Тебя не должно тут быть. Ты – паразит. Ты питаешься любовью людей, обкрадываешь их, обманываешь ложными посулами и завлекаешь эфемерными благами...

– Я даю им золото. Здоровье. Красоту. Успех. Разве это эфемерно? Человеческий разум, свободный от любовного дурмана, способен на многое. А ты? Ты тоже питаешься любовью людей. Ты тоже паразит, но паразитируешь на чувствах несчастных родителей, у которых рождаются подобные тебе. А что даешь взамен? Становятся ли эти люди богаче, красивее, успешнее?

– Нет. Но те из них, кто отдает нам любовь, становятся лучше и счастливее...

– Лучше? Для кого? Для их бога? Слушай меня, суженый мой, я узнала кое-что занятное. Их бог – тоже *сфинга*. Ему нужна любовь своих адептов, он питается ею, настойчиво требует ее, а им взамен дает неосуществимые мечты о бесконечном блаженстве в ином мире. Так чем же он лучше меня? Пусть лучше поклонятся мне и поймут, что такое настоящее счастье! Скоро вырастет новое поколение людей, для которых моя власть, наша власть будет неоспорима. И тогда наступит золотой век человечества.

– Ты лжешь себе. Ты лжешь мне. Ты знаешь, что будет, если отнять у людей любовь, всю любовь, которой и так осталось мало. Сначала они отнимут жизнь у больных, у слабых, у стариков. Конечно, во имя гуманизма, во имя общего блага. Они не смогут заботиться о ком-то, кроме себя, и у них перестанут рождаться дети. Они разлюбят свою планету и надругаются над ней, вырубят леса, отравят и воду, и воздух, взорвут недра. А закончится все войной, которая превратит этот мир в отравленную пустыню, где не смогут выжить даже *сфинги*.

– Что ж, быть может, ты и прав. Но это будет еще не скоро. И мы всегда сможем найти новый мир...

– Я помню эти слова. Мне знакомы эти рассуждения. Они погубили нас тогда, давно. Не лучше ли для нас уйти достойно, сохранить память о себе в легендах и мифах, в картинах и статуях? Я не стану тебе помогать. Прости.

– Тебе придется. Увы, тебе придется мне помочь. Жаль, что ты не хочешь этого, отступник. Но я сильнее, а этим миром, всеми мирами от начала времени и до скончания его правит сила. Это истина.

– Истина в другом, но тебе этого не понять...

Ребенок вздрагивает и всхлипывает, но не просыпается. Под плотно сомкнутыми веками его глаза быстро движутся – он видит сон, и сон этот страшен. Мир без любви! Что может быть ужасней... и недолговечней. Ничто, созданное без любви и вне ее, не может существовать долго. Выращенный без любви хлеб пахнет тленом и не приносит насыщения,

вино обращается в отраву или в уксус, дома разрушаются и падают, платья расходятся по швам. Сама земля расходится по швам, и в зияющих прорехах мелькает пламя ада!

Любви осталось так мало! Уже есть такие, кто отказывается от нее добровольно. Родители не любят детей. Одни бросают их, другие оставляют при себе, как выгодное приобретение, и требуют, требуют чего-то без конца! Учись хорошо! Поступи в институт! Оправдай наши надежды! Окупи вложенные в тебя средства! Преуспевай! Эти затурканные дети вырастают, становятся мужчинами и женщинами, которые любить не умеют и не хотят. Мужчины ждут от женщин только плотских радостей. Женщины от мужчин – только денег. Телесное влечение, погоня за наживой или вновь воскресшая мода на уютные социальные ячейки подталкивают людей к созданию семьи. Почетная обязанность, конституционное право... Дерево посажено, чтобы зачахнуть, дом построен, чтобы дать трещину, сын рожден, чтобы так и не узнать жизни. О любви говорят, ее ищут в вакууме, или во тьме, или за стеклом – и рассматривают в микроскоп ее умершие клетки. Стихи великих поэтов и полотна великих живописцев, озаренные любовью, расчленяют на первоэлементы, тщетно пытаясь найти в них разгадку. Идеологи, которых еще называют «сидельцами», работают над концепцией любви, планируя, высчитывая, выстраивая. Они заглядывают на шаг вперед и ужасаются. Они запрещают, но их запреты не действуют, они разрешают, но их разрешения никто не спрашивает. Война, которая не может быть побеждена без великой силы любви, врывается в города и в души людей. И вот любовь начинают социально стимулировать – без общественного оптимизма государству никак... Но и тогда является лишь тень любви, а всякий живой порыв подавляют расчеты, амбиции, постоянное желание урвать себе кусок посытнее, страх быть обманутым, недоверие, неверность. И вот рождаются дети, и многие из них рождены не в любви, не с любовью, не для любви... Кого они поллюбят? Кто полюбит их?

Человек, лишенный любви, никого не жалеет, не жалеет он и себя, и находит смерть много раньше, чем она находит его.

В тиши подземной пещеры мальчику Егору снится сон о мире без любви, и он безутешно плачет во сне. Не пора ли заплакать и нам?

Но тишину нарушают звуки шагов. Люди, много людей идут по тайному коридору, отнюдь не скрываясь, не стараясь ступать тише. Это их праздник, день их великого торжества. И они запевают древний гимн на древнем, умершем давно языке. Они славят свою богиню.

О, снизойди к молящим, Золотая!
Твоя стихия – песнопенья, пляски,
Блеск празднества в часы отдохновенья.
Ты жаждешь танцев под покровом ночи.

О, снизойди на место возлияний,
В покой с колоннами. Твоя обрядность
Незыблема, а суть и смысл устава —
Предупреждение всех твоих желаний.

Тебя сановник ублажает жертвой
И царские одаривают дети.
Хвалу тебе возносит жрец верховный,
И праздничный канон мудрец читает.

К тебе взывают флейты переливы,
Тимпаны о твоём гремят величье,
И женщины с гирляндами ликуют,
И радуются девушки с венками.

Тебя ночным разгулом славит пьяный
И трезвый, пробудившись, величает.
В одеждах грубых пляшут бедуины
И с посохами черные нубийцы.

Божественную чествуя, взлезают
Бородачи ливийцы на деревья.
Животные тебе в забаву скачут
И на ветвях резвятся обезьяны.

Перед лицом твоим играют рыбы,
Покорно грифы складывают крылья,
А бегемоты разевают пасти
И топчутся, приподнимая лапы.

О, снизойди к молящим, Золотая!
Твоя стихия – песнопенья, пляски,
Блеск праздника в часы отдохновенья.
Ты жаждешь танцев под покровом ночи².

Пришло время брачного танца богини Эйи. Ее, тяжелую, величественную, увенчанную золотым венцом, поднимают на паланкине. Шестеро здоровых молодых мужчин, бледнея от тяжести и от торжественности минуты, несут ее к выходу. Две женщины укладывают на другой паланкин, поменьше, одурманенного мальчика. А снаружи уже доносится шум толпы – сотни людей собрались на бракосочетание богини, сотни людей готовы отдать ей свою любовь.

Глава 11

Лиля знала, что ее будут отговаривать. Мужчины, вооруженные до зубов, идут на войну, а женщины должны остаться дома! Знала и приготовилась к отпору, но напрасно. Никто не посмел сказать ей «не ходи», хотя языки-то у всех чесались! Сублимируясь, все хором уговаривали остаться дома Нинулю, хотя она-то как раз никуда не рвалась. Кошачьей скалы Нина боялась до заикания и с утра делала вид, будто ничего такого не происходит. День как день. Нужно готовить еду, прибирать в комнатах, подштопать Иванычу носки и устроить небольшую постирушку. А что дорогие гости собрались на ночь глядя прогуляться – так это ничего, затем и на отдых приезжают. Лилю пугала такая позиция подружки, но ближе к вечеру та все же очнулась и завывала вдруг, упав на грудь Шустову.

– Цыц, дуреха! – ласково прикрикнул на девушку Виктор Иванович, все еще пользующийся правами не то деда, не то приемного отца. – Рано нас оплакивать!

Альберт же на Нину не стал кричать «цыц», только погладил ее по голове и сказал на ухо что-то, от чего девушка моментально перестала реветь.

– Не знал, что ты умеешь ладить с женщинами, – удивленно заметил Дубов, когда все четверо, наконец, вышли из дома. – Как тебе удалось остановить этот поток?

– Я сказал ей, что на такой реве-корове ни за что не женюсь, – ухмыльнулся Альберт.

Дубов споткнулся, Лиля улыбнулась тихонько, а Иваныч погрозил Шустову кулаком.

– Ах, простите, дедушка, вас спросить забыли!

Они засмеялись. Они могли смеяться, хотя знали, что могут не вернуться назад. Они

² Песнь музыкантов из гробницы в Медамуде вблизи Фив (XV в. до н. э.). Пер. В. Потаповой.

смеялись, хотя шли, быть может, на верную смерть. Они смеялись, хотя знали, что сегодня их привычный мир может рухнуть! Это было необъяснимо и в то же время так ясно! Ведь они шли сражаться за любовь, а за нее и умирать не так страшно. И Лиля улыбалась, не ведая их планов сражения, не желая даже иметь о них понятия. У нее свой план, своя миссия, свое оружие, запертое в грудной клетке, лучистым острием пронзающее ее сердце.

И они пришли.

На подступах к скале Кошачьей их подхватила толпа, понесла в необратимом своем, монолитном потоке. Теперь не свернуть, нужно только стараться не потерять друг друга. Что там, впереди, где горят десятки факелов? Что за слово скандируют эти люди со счастливыми, потерянными, опустошенными лицами?

– Эй-я, Эй-я, Эй-я!

– Что они с нами сделают, если мы убьем эту тварь? – тихонько спросил Дубов, наклонясь к Иванычу.

– Ничего. Победителей не судят.

– Так-то оно так, не судят. Бывает, вешают без суда и следствия...

– Цыц, – сказал ему Иваныч.

– Эй-я, Эй-я, Эй-я!

О, страшная магия скандирующей толпы, как она обезоруживает, как лишает воли! Толпа всегда уверена в своей правоте, толпа не ведает сомнения и милосердия, самая безумная идея толпы приобретает статус неоспоримой истины!

Толпа напирала, то прижимая к самому дну своей чудовищной воронки, то вынося наверх, и Лиля оказалась вдруг в самом первом ряду. Справа от нее извивался подросток с перекошенным от восторга лицом, слева иступленно двигала мощным локтем пожилая дама, похожая на школьного завуча. И все смотрели куда-то вперед, но куда? Там, впереди, была только тьма.

– Идут, – выдохнула толпа и снова грянула бессмысленно-восторженное: – Эй-я, Эй-я, Эй-я!

Женщина рядом всхлипнула от восторга и вцепилась Лиле в плечо.

– Вот она, девочка! Вот она! Милостивая и могущественная, грозная и добрая! Она совершенна! Эйя! Эйя!

«Этого просто не может быть, – решила про себя Лиля. – Наверное, это просто кошмар. Этого не может быть! Оно слишком огромное! Господи, зачем?..»

Острый укол в сердце заставил Лилю прийти в себя. Рассудок ее, топтавшийся на грани безумия, отпрянул от темного провала, и она снова взглянула туда, где из задрапированного шелками паланкина поднималось невиданное существо. Быть может, всем присутствующим на площади адептам оно казалось совершенным и прекрасным, но Лиля видела нечто, будто шагнувшее в наш мир с офортов Гойи. Воистину, только сон разума мог породить чудовище с массивным звериным телом на лягушачьих вывернутых, когтистых лапах, с тяжелой головой и с лицом – гнусной пародией на человеческое. И омерзительны были женские груди на зверином теле – набухшие сосцы, казалось, сочились уже черным ядом, которого хватит, чтобы напоить весь мир...

Тварь ступила на землю и потянулась, как обычная кошка. Лиля едва сдержала истерический смехок – у великой Эйи был отвратительный членистый хвост, покрытый редкими клочьями шерсти, который волочился по земле и вполне мог бы нацеплять репьев... Да какие тут репы, ревнители новоявленного божества небось языками тут все вылизали!

Лиля вскрикнула, и толпа подхватила ее вопль. На плечах женщин качался еще один палантин, и в нем лежал ребенок. Он был, несомненно, жив, но одурманен и очень слаб. Женщина помогла ему подняться. Егорушка не держался на ногах, покачивался, как тростиночка, и одна из адепток осталась поддерживать его. Остальные отступили, удалились в тень скалы. Факелы, казалось, померкли, свет изменился, стал мутно-розовым, пронизанным черными и багровыми нитями. Откуда он исходил, Лиля так и не смогла постигнуть. И зазвучала музыка, тоже неизвестно откуда. Ритмы ее, барабанные дробы и

высокие струнные вскрики можно было бы назвать трепещущими, если бы в них пульсировала жизнь. Но нет, слышались, смутно угадывались в той музыке вздохи бесконечности, гул бесчисленных миров и взрывы гибнущих звезд. Они были чужды человеческому уху, и Лиля поняла – эти звуки издает само божество. Быть может, так звучит его речь? Или это часть какого-то неведомого обряда? Подросток рядом с Лилей дергался в такт захватившим его ритмам, толкал Лилю, восторженно округлял глаза и вдруг... замер.

Из толпы, взрезав ее, как горячий нож – масло, вырвался высокий мужчина. В нем была целеустремленность смертника, упорство летящей пули, сумасбродная отвага человека, которому нечего терять. Он бежал к *сфинге* ... Но он не добежал. На секунду прервалась космическая песнь, последняя знобящая нота повисла в воздухе, и человек замедлил движение... Споткнулся... Остановился... Редкие седые волосы... Совсем старик... И в ту секунду, когда он упал на землю, обхватив ее в последнем, предсмертном порыве любви и надежды, Лилия узнала его, своего так недавно найденного отца. «А цвести начнет деревцо, и...» – прозвучал в ее душе отцовский голос, показавшийся столь знакомым и родным, точно она всю жизнь была рядом с отцом. Что-то сжалось в ней, оборвалось, прервалось... Но отцу уже ничем не помочь. Его тело унесли, убрали так быстро и так тихо, что вряд ли кто-то еще, кроме его дочери, заметил это...

А она все стояла, стояла неподвижно, чувствуя гудящую тяжесть во всех суставах, ожидая чего-то, но чего? Какой знак должен быть дан ей, какое откровение ниспослано? И не обманывалась ли она, не была ли обманута, когда рассчитывала на неведомую помощь? Песнь *сфинги* возобновилась, стала громче, дошла до небес, и кто-то на небесах услышал ее.

– Господи, – шепнула Лилия пересохшими губами.

И тут началось.

Сфинга начала свой танец.

Танец?

Нет.

Она ведь не двигалась, только ходили под лоснящейся шерстью мышцы, да вращались в глазницах лишённые белков и зрачков, налитые до краев ненасытной тьмой глаза.

Но она танцевала. Этот танец, раскрываясь и полыхая вселенскими орнаментами таящих нечеловеческую мудрость движений, говорил людям о великолепии и могуществе *сфинг* и о том, как ничтожны по сравнению с ними люди. Жалкие пигмеи, одумайтесь, осознайте свою незначительность и отдайте себя под высокое покровительство богини Эйи. И других, подобных ей! Сегодня, сейчас свершится великое таинство, исполнится древний обряд, и любой, кто покорится, будет награжден сверх всякой меры. Непокорные же падут, как тот жалкий червяк, посмевавшийся покуситься на *сфингу* !

Может, смысл был и другой. Но Лилия поняла танец Эйи именно так. И когда речь зашла о червяке, она поняла – пора. Боль в сердце была почти невыносима, и эта боль гнала ее вперед.

– *Я должна сшить* , – сказала она, по-прежнему не зная значения этих слов.

И ее услышали. Ее услышал подросток, что продолжал конвульсивно дергаться, и взглянул на нее – со страхом и благоговением. Ее услышала пожилая женщина – и прикрыла ладонью рот, а в глазах, мгновение назад источавших лишь могильный холод, мелькнуло нечто, похожее на робкий огонек сочувствия. И еще кто-то услышал, поняла Лилия, потому что не сама она все же сделала шаг вперед, ее вытолкнули.

«У меня нет никакого желания участвовать в этом балете», – успела подумать Лилия. Но мысли – это одно... На самом деле она тоже танцевала, танцевала уже давно, не ногами, не телом, но лицом, выражением глаз, искрами света. Так светлячки танцуют в ночи, так перекликаются огни святого Эльма, так подмигивают друг другу проносящиеся в ледяной пустоте кометы.

И ее танец был об этом мире. О мире, который бывает жесток, но бывает и добр, порой незаслуженно добр. О счастье, что дается каждому человеку с рождения – о счастье жить, и

самому вершить свою судьбу, и надеяться на лучшее, и делать добро. О мире, где всегда сколько отдашь, столько и получишь, пусть даже тебе порой кажется, будто чего-то недодали, или тебе удалось отщипнуть от чужого каравая! О том мире, где главным сокровищем является даже не справедливость, а любовь и милосердие, и это все, что вам нужно!

Нам нужно. Нам всем. Поймите, ведь это так просто!

Сквозь разросшуюся боль в груди Лиля осознавала, что все тщетно. Они не поймут. Она слишком слабая, она маленькая, она усталая, она до смерти испугана и не сможет выполнить назначенного ей. Она могла теперь только молиться о чуде.

И чудо свершилось.

Прежде всего, чудом было то, что она оказалась в состоянии вытерпеть такую дикую боль. Игла в ее сердце мягко повернулась, и казалось, ее острие дотронулось до каждой нервной клетки, заставив ее завопить и скорчиться от боли.

– *Нет, нет, пожалуйста, не надо, мне больно, Господи, какая боль...*

– *Я могу прекратить это. Я могу помочь тебе.*

Лиля узнала этот голос, прозвучавший в ее голове. Узнала, хотя никогда до этого не слышала. Это говорила *сфинга*.

– *Я помогу, и ты никогда больше не узнаешь ни боли, ни болезни. И твой мальчик тоже. Ты испугалась за него? Ты думала, что я хочу причинить ему вред? Нет, моя бедная глупышка, нет. Мне нужна капля, одна капля его крови... И больше ничего. Дай мне завершить обряд, и вы уйдете отсюда вместе, веселые и спокойные. О, этого мало! Если ты захочешь, если ты попросишь у меня, я сделаю и его здоровым, умным, сильным. Он станет как все дети, ты сможешь гордиться им...*

Она сулила что-то еще, но Лиля не слушала. Боль стала чуть тише, и ей показалось, словно по венам ее бежит не только кровь, словно кровь несет с собой что-то еще... Острая, раскаленная, стремительная, летела, подгоняемая ударами сердца, летела по телу ее – игла. Вот что-то нестерпимо острое кольнуло в плечо, прокатилось до локтя, отдалось в руке. В руке Лилиной, привыкшей держать иглу, и творить крестное знамение, и ласкать больного ребенка. Она только ахнула, поднесла ладонь к глазам и тут же отвела, потому что из ладони ударил вдруг луч янтарно-желтого, горячего света, он ударил прямо в небо, затянутое неприглядными темно-серыми тучами. И показалось всем, собравшимся у скалы Кошачьей, что это не с земли в небо, а с неба на землю падает – ярче солнечного! – луч.

– *Вот мой ответ.*

Усмиренный луч покорно лег в пальцы Лиле, и привычно она сжала его, не хватало только бабушкиного старого наперсточка! А за солнечной иглой тянулась алая нитка – она из Лилиного тела тянулась, от ее щедрого сердца, от жертвующей крови, от верной души.

В два шага она преодолела расстояние, разделявшее ее и замершую *сфингу*. Лиле понадобилось всего два шага... и шесть стежков. Шесть стремительных стежков волшебной иглой, чтобы зашить *сфинге* глаза.

Земля содрогнулась. Из недр ее донеслось приглушенное клекотанье, и следующий толчок, гораздо более мощный, заставил толпу содрогнуться. Но те, кто устоял на ногах, кто не зажмурился от ужаса, мог бы заметить, что на площадке перед Кошачьей скалой *сфинги* больше нет, а есть только маленькая женщина, держащая в объятиях ребенка. Только женщина и ее дитя. Но никто не заметил... Быть может, потому, что все они, жрецы и послушники обожествленного ими существа, вдруг забыли о нем – в одно мгновение и навсегда.

Еще один толчок. Слышен отдаленный гул моря и грохот. Страшно подумать, но, возможно, это рушатся дома. Люди кричат и, наконец, обращаются в бегство. Они бегут, как стояли, толпой. Они охвачены паникой – но в панике этой нет ни капли жестокости. Они стараются помочь друг другу, они несут на руках детей, поддерживают стариков, поднимают упавших. В каждом из них еще горит крупница теплого света... И погаснет не скоро, а быть может, и не погаснет никогда.

И Лиля бежит со всеми, прижимая к себе сына. Она спотыкается, падает на колени и чувствует, как ходуном ходит под ней земля. Чья-то теплая надежная рука поддерживает ее, помогает встать на ноги. Лилия думает, что Дубову удалось отыскать ее в этой суматохе...

Но это не он. Это Димка Попов. В черном костюме, в белоснежной рубашке, он поддерживает Лилию за локоть и улыбается незабываемой своей, добродушной улыбкой.

– Молодец, Лилька. Ты справилась. Я так и знал.

– Лилия! Лилия, очнись! Мы это сделали, Лилия! Ты это сделала!

Дубов берет у нее Егора, тот обнимает его за шею, прячет лицо у него на груди. Рядом Альберт – бледный, с трясущейся челюстью. Он хочет что-то сказать, но не может, только машет рукой.

– Нам нужно вернуться домой... Там Нина, ей страшно...

Но Нинуля уже бежит им навстречу, смеясь и плача, ничего не зная еще об одержанной ими победе.

Утро застает жителей и гостей Лучегорска на окраине, они ютятся в здании заброшенной хлебопекарни – в начале прошлого века выстроенное, это здание стоит крепче, чем прочие. Многие дома разрушены до основания, в том числе и детский дом «Лучик». Стерта с лица земли скала Кошачья – больше не будет она радовать туристов своими причудливыми очертаниями спящей, свернувшейся в клубок кошки! Еще до прибытия спасателей выясняется, что есть и человеческие жертвы. Погиб Виктор Иванович Орлов, отец директора рыбоперерабатывающего заводика. Похоронили его честь по чести, словно не директору он отцом был, но всем жителям Лучегорска. Глава местной администрации Дмитрий Ильич Кашеев произнес над могилой такую речь, что горожане возрыдали. А сам директор пропал без вести. Его искали, но так и не нашли.

Постепенно жизнь входит в привычную колею. Никто не говорит о *сфинге*, словно никто и не помнит ее. Быть может, так оно и есть. Восстанавливают разрушенные дома, некоторые отстраивают заново. Утихают досужие разговоры о том, что вот-те на-те, никогда в Лучегорске землетрясений не было, а тут такое бедствие! Расформировывают «Лучик», его решено не восстанавливать. Детей развозят по другим городам, но большинство из них все же остается в Лучегорске. Стихийное бедствие, очевидно, разбудило хорошие, нужные чувства, дремавшие в душах многих горожан, и они наперебой усыновляют сирот, иных берут под опеку.

Изменяются и жизни тех людей, которые при землетрясении вовсе не присутствовали. Например, в ту ночь Тамара Павловна Орлова просыпается одна в огромной, совершенно чужой квартире. Она готова завопить от ужаса, но сама вдруг слышит чей-то крик... Это плачет ребенок, и после недолгих поисков она находит его, бедного, растерянного и испуганного мальчика. Сама нуждаясь в утешении, она утешает его, и страх уходит из ее души и воцаряется там удивительный покой. Она баюкает мальчишку и шепотом говорит ему, что никому-никому его не отдаст, они всегда будут вместе. Конечно, правда. Ведь она теперь – его мама. И к слову, все слова и клятвы, данные в эту ночь, сбываются...

* * *

Прошло три месяца, а Лилия все еще не приехала, хотя обещала приехать каждый день. Это было обидно. Не потому, что Дубов такой обидчивый слюнтяй, а по многим реально существующим пунктам.

Это было обидно потому, что Шустов с Нинулей прямо из Лучегорска махнули в Москву, заскочили только по дороге к Нинулиным родителям успокоить их и представить им Альберта. Они уже приезжали в гости к Дубову и выглядели такими счастливыми, что Дубов мог только сопеть и отворачиваться.

Это было обидно потому, что за эти три месяца Дубов успел выдержать два Оленькиных набега. В первый раз она, торжествуя, забирала вещи, кошку Титьку и пела невнимательному бывшему про чудесную новую жизнь, которую она начинает в стране

Египте с новеньким египетским мужем. А второй раз она явилась через месяц, жалкая, виноватая и потрепанная, покаянно объяснила, что египетский муж был ошибкой, и их расставание с Дубовым тоже было ошибкой, и что надо немедленно все наладить! Дубов ее жалел, но что-либо налаживать наотрез отказался. Вот какие бури бушевали над его головой, а Лиля все не ехала!

И наконец, это было обидно потому, что за те две недели, что они с Лилей и Егорушкой прожили вместе в Верхневолжске, между ними все было уговорено, точки над всеми знаками расставлены и Дубов очень подружился с ее сыном Егором. Эта парочка демонстрировала Лиле полное душевное единение, они оба были без ума от машин и непрестанно играли в футбол, причем играли на равных. Это потому, что у Егорушки улучшилась координация движений, а Дубов от спокойной жизни отъелся и отяжелел.

Это было обидно потому, что Дубов, неожиданно для себя самого, растрепал всем – и маме, и на работе! – что скоро женится. Ему уже и мальчишник устроили, голова потом два дня трещала, а невесты все не было.

Он все обижался и обижался, звонил Лиле и требовал ответа – не разлюбила ли она его? Она отвечала, что нет, не разлюбила, просто вот столько дел перед отъездом образовалось, а как только разгребет она дела, так сразу приедет!

Дубов, наконец, бросил обижаться и подумал головой. Это помогло. Да нет у Лилки никаких дел! Она просто боится! Боится менять свою жизнь, вести пацана на новое место, быть может, и его, Дубова, боится тоже. Ну а он-то не мужик, что ли? Он принимает решение – ей остается только покориться!

Он позвонил и сказал, что приедет. Завтра утром. Она заахала, спросила, что приготовить, и Егорушка звонко кричал в трубку:

– Гриша! Гриша! Приезжай!

От этого у Дубова терпение лопнуло, и он сказал, что ничего готовить не надо. Он сел за руль и мчался почти без отдыха до самого Верхневолжска. Потный, с воспаленными глазами, ворвался он к Лиле, когда уже стемнело. Сlopал сковороду котлет, запил кувшином кваса и упал спать. Сказал только:

– Завтра побудка в шесть утра. Ты не спи, а собирайся. Помогать не буду, извини, а то завтра влечемся куда-нибудь. Много вещей не бери, я... мы все купим в Москве, поняла?

– Такая спешка... – начала Лиля, но Дубов мстительно захрапел, и она отступилась.

Политика кнута и пряника возымела результат – они и в самом деле выехали, правда, не в шесть, а в восемь. Их проводила Софья Марковна, помахала платочком с крыльца.

– Это что, твоя машина? – поразились Лиле.

– А что? Хорошая машина. Кочки рви, равняй бугры.

– Это танк какой-то?

– Если тебе не нравится, я немедленно куплю другую, – пригрозил Дубов.

Наконец поехали, заскользила под колесами аспидная лента асфальта. Весело ехать знакомой дорогой, когда рядом любимая семья, а на душе светло! Егорушка тоже радовался, пел, как скворец. А вот Лиля сдала. И половины дороги не проехали, как она стала нежно зеленеть и, наконец, попросила остановиться. Бедняжку здорово укачало.

– Как же это? – ласково пытал ее Дубов, когда она вернулась из пыльных придорожных кустиков и принялась отпиваться минеральной водой. – Тебя же и в самолете не укачивало, а тут...

– Бывает, – вздыхала Лиля, утирая пот с бледного чела. – Пожалуй, можем ехать дальше. Только я прилягу, ладно?

Егора пришлось перевести на переднее сиденье, Лиля уютно устроилась сзади. Мужчины болтали, а она подавала слабые реплики. Егор расспрашивал Дубова, будет ли у него в Москве своя комната.

– А игрушки там будут?

– Конечно, о чем речь!

– А то мамуля мало машинок разрешила взять.

– Это не беда. Купим, какие захочешь.
– Егор! – укоряюще вскрикивала Лиля.
– Спи, мамуля. У нас с Егором мужской разговор. Да, железную дорогу я уже купил. Сам поиграл даже немножко. Вещь! Гудит – заслушаешься!

- Она электрическая?
- Электрическая, конечно.
- Со шлагбаумом?
- И с семафорами.
- А почему?

Вопрос поставил Дубова в тупик. В самом деле, почему?

– На железной дороге всегда бывают семафоры. Они, видишь ли...
– Нет. Почему ты мне купил железную дорогу?
– Не знаю, – растерялся Дубов.
– Потому что ты мой папа! – торжествующе объявил Егорушка – единственно возможный, единственно верный ответ.

- Егор! – слабо пискнула Лиля.
- Ты, Егор, молоток. Конечно, потому, что я – твой папа. И никаких гвоздей.

Дубов по-прежнему смотрел на дорогу, только в глазах слегка затуманилось. Мало спал, что ли? Он поморгал, и все прошло.

Приехали за полночь, на этот раз не вышло без остановок. Жена, ребенок, сами понимаете. Им и перекусить хочется, и ножки размять. На подъездах к поселку полил дождь, пару раз гроыхнуло.

– Хорошая примета, – улыбнулась Лиля, а Дубову было не по себе. Он хоть и храбрился, а все не мог забыть, как говорила она про богатых людей и их жен, которые должны, мол, соответствовать. А что, ежели сейчас взбрыкнет? Но она пока молчала. Только в гостиной, где горел камин и стол был накрыт на троих, присвистнула, как мальчишка.

- Это что же, ты здесь живешь?
- Да, – повинулся Дубов.
- А говорил, не олигарх!

Так и есть, вспомнила! У Дубова неприятно похолодело в животе, но он виду не подал и сказал самым заливчатским тоном:

– Какой там олигарх! Они по Англиям да Франциям живут, а каких и посадили уже вовсе. Я же работаю, света белого не вижу...

- У тебя своя фирма?

Далась ей эта фирма!

- Не-ет. У меня нет фирмы. Только заводик. Ма-аленький.

И он показал на пальцах – какой маленький.

- Вот даже как? И что там делают?

– Автомобильчики, – понурился Дубов, но тут Егор его выручил, закричал, что хочет есть!

Они поужинали вполне мирно – только Лиля раз спросила, кто готовил еду и накрывал стол, и Дубов, потупившись, выдал присутствие Тарасовны.

- И где она? Ты ее в чулан запер, чтобы я не заметила?

– Ну что ты, Лиль... Она просто рано ложится, деревенская привычка. Ты завтра с ней познакомишься.

А потом наевшийся Егорка примерился заснуть прямо за столом, и его пришлось тащить в комнату. Лиля раздевала его, ловко поворачивая тяжелое теплое тельце, а Дубов деловито застилал постель. Уложенный же в кровать, мальчишка немедленно проснулся, сказал, что ему нравятся и обои со старинными машинками, и картинки, и потолок в звездах, но где же железная дорога? Нельзя ли ее сейчас запустить?

Но запуск железной дороги строгая мать запретила. Тогда Егор обхватил Дубова за шею и начал что-то шептать ему на ухо, и Дубов смотрел на Лилю смеющимися глазами,

пока она сама не улыбнулась.

Они вышли, тихонько прикрыв дверь, и вернулись в гостиную. Тут Лиля с такой угрожающей гримасой пошла на Дубова, что он понял – сейчас его будут бить. Действительно, он получил чувствительный удар кулачком в екнувший живот, но потом Лилия поцеловала его, куда достала – в подбородок, и сказала:

– Гришка, я тебя люблю.

И он сгреб ее в охапку. Но тут она спросила:

– Слушай, а что тебе Егор сейчас шептал?

– Это секрет.

– Гриша!

– Ну ладно, ладно. Он сказал, что уже почти вырос, игрушки ему не понадобятся. Зато скоро родится маленький братик, и тогда машинок ему не нужно будет покупать, и железная дорога тоже уже есть... С семафорами!